

**Генри
Чарльз Ли**

**История инквизиции в
средние века. Том второй
— Инквизиция в различных
странах христианского
мира**

Генри Чарльз Ли

**История инквизиции в
средние века. Том второй
— Инквизиция в различных
странах христианского мира**

«Автор»

2026

Ли Г.

История инквизиции в средние века. Том второй — Инквизиция в различных странах христианского мира / Г. Ли — «Автор», 2026

Второй том классического исследования Генри Чарльза Ли посвящён истории инквизиции в разных странах христианского мира — от Лангедока и Франции до Пиренейского полуострова, Италии, славянских земель, Германии и Богемии. Автор прослеживает, как инквизиция из орудия папства превращалась в инструмент государственной политики, как менялись её методы и полномочия в зависимости от политических условий, и почему в одних странах она достигала всевластия, а в других приходила в упадок. Особое внимание уделено сопротивлению народов, судьбам вальденсов, катаров, гуситов, процессам Яна Гуса и Иеронима Пражского. Книга основана на архивных документах и остаётся фундаментальным трудом по истории средневековой Европы.

© Ли Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Введение	5
Глава первая. — Лангедок.	13
Глава вторая. — Франция.	70
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Генри Чарльз Ли

История инквизиции в средние века. Том второй — Инквизиция в различных странах христианского мира

Введение

I

История инквизиции — одна из самых мрачных и вместе с тем самых поучительных страниц в летописи человечества. Немногие учреждения вызвали столь единодушное осуждение потомков и вместе с тем столь мало понимались в своей внутренней сущности; немногие оставили столь глубокий след в судьбах народов и вместе с тем столь часто освещались с односторонностью, недостойной предмета столь серьёзного. Предлагаемый вниманию читателя второй том исследования Генри Чарльза Ли посвящён истории инквизиции в различных странах христианского мира, и уже одно перечисление этих стран — Лангедок, Франция, Пиренейский полуостров, Италия, славянские земли, Германия, Богемия — свидетельствует о том, какой огромный и многообразный материал предстоит здесь рассмотреть.

Задача настоящего введения — не пересказывать содержание глав, но наметить те общие линии, которые связывают их в единое целое, и вместе с тем указать на те особенности исторического развития, которые определили собой различия в судьбах инквизиции в разных странах. Ибо история инквизиции есть история не одного учреждения, а многих, сходных по имени и по духу, но глубоко различных по своему происхождению, по своим полномочиям, по своему отношению к государственной власти и к местному населению. Инквизиция Лангедока и инквизиция Венеции, инквизиция Богемии и инквизиция Кастилии — это явления настолько же различные, насколько различны были политические и общественные условия тех стран, в которых они действовали. Понять эту историю можно лишь в тесной связи с историей тех народов, которые оказались её жертвами или её орудиями.

Вместе с тем следует с самого начала предостеречь читателя от того упрощённого представления, согласно которому инквизиция была лишь порождением фанатизма или лишь орудием папского властолюбия. Как показывает исследование Ли, инквизиция была прежде всего системой — системой, выработанной с изумительной для своего времени юридической тонкостью, системой, которая предполагала определённое устройство самого общества, определённое соотношение церковной и светской власти, определённый уровень религиозного сознания. Там, где эти условия отсутствовали, где государственная власть была слишком сильна или слишком слаба, где местное духовенство умело отстаивать свою независимость от Рима, где население сохраняло сословные вольности и муниципальные права, — там инквизиция либо вовсе не могла утвердиться, либо быстро приходила в упадок. Именно поэтому история инквизиции в разных странах есть в сущности история борьбы двух начал — церковного и государственного, борьбы, в которой инквизиция была лишь оружием, правда, оружием страшным и обоюдоострым.

II

Первая глава второго тома посвящена Лангедоку — стране, которая была колыбелью папской инквизиции и вместе с тем страной, где эта инквизиция встретила наиболее упорное и наиболее продолжительное сопротивление. История эта поучительна во многих отношениях. Она начинается с того момента, когда после крестовых походов, после разорения и унижения

Юга, победители-французы и папский престол сочли необходимым довершить дело, начатое мечом, делом суда. Первые инквизиторы, посланные в Лангедок в 1233 году, брались за задачу, казавшуюся безнадежной: им предстояло создать все механизмы, всю процедуру нового учреждения, не имея никаких прецедентов; их полномочия были неопределенны и плохо очерчены; ересь была повсюду; значительная часть населения исповедовала учения катаров и вальденсов; даже ортодоксы по большей части внушали мало доверия, ибо долгое время жили в условиях полутерпимости. К этому присоединялось чувство национальное, память о бедах, сообща перенесенных за более чем двадцать лет, узы прочной симпатии, связывавшие католиков и катаров в борьбе против нашествия крестоносцев. Инквизиция как символ ненавистного иноземного господства не могла найти опоры ни в какой категории граждан.

Тем не менее именно в Лангедоке инквизиция достигла наиболее полного и наиболее страшного развития. Объяснение этому следует искать в том, что здесь она с самого начала действовала в тесном союзе с королевской властью, которая видела в ней орудие политического объединения Юга с доменом Капетингов. Мы видим, как с каждым десятилетием конфискации, производимые инквизицией за ересь, переходят в королевскую казну, как разоренные и лишённые своих замков дворяне уступают место чужеземцам, как города, некогда гордившиеся своими вольностями, теряют одну за другой свои прерогативы. Инквизиция в Лангедоке была не только и не столько делом веры, сколько делом политики; и не случайно один из новейших исследователей мог сказать, что история альбигойских войн и инквизиции есть история присоединения Юга к французской короне.

Не менее поучительно и то, как встречало инквизицию население. Здесь мы видим и вооружённые восстания, и изгнание инквизиторов, и кровавую расправу в Авиньоне, где были убиты инквизиторы и их помощники, и отчаянные попытки уничтожить инквизиторские регистры, в которых хранились имена доносчиков и признания обвиняемых. Здесь же мы видим и другое: то, как инквизиция, располагая поддержкой светской власти, шаг за шагом ломала это сопротивление, как она принуждала города к покорности, как она добивалась того, чтобы самые могущественные сеньоры, подобно графам де Фуа, представляли перед её трибуналом. История графов де Фуа, история семьи де Ниор, история графа Раймунда Тулузского — всё это примеры того, как инквизиция в Лангедоке была прежде всего орудием политического и социального переустройства, орудием, которое действовало тем вернее, чем менее оно было стеснено в своих средствах.

Особое внимание читателя следует обратить на процесс Бернара Делисьё — быть может, самый яркий пример того, как инквизиция расправлялась с теми, кто осмеливался встать на её пути. Францисканец, учёный, проповедник, пользовавшийся широкой известностью, Бернар был обвинён в ереси, подвергнут пытке, вынужден к отречению и умер в заключении. Его судьба показывает, что инквизиция не щадила никого — ни знатных, ни учёных, ни святых; она не признавала никаких привилегий, кроме привилегии полной и безусловной покорности.

Наконец, Лангедок даёт нам и пример того, как инквизиция, достигнув своей цели — истребления катаризма, — сама стала постепенно терять своё значение. К середине XIV века катаризм исчезает; последние его приверженцы, как Пьер Атье, гибнут на кострах; вместе с ним исчезает и та сила, которая питала инквизицию. Она продолжает существовать, продолжает время от времени устраивать аутодафе, но это уже тень прежнего могущества. Учреждение, созданное для борьбы с ересью, не может существовать без ереси; и когда ересь исчезает, исчезает и оно — или, вернее, влачит жалкое существование, пока не найдёт себе нового врага.

III

Глава о Франции представляет собой как бы продолжение и вместе с тем противоположность главе о Лангедоке. На Севере катаризм никогда не пускал глубоких корней; здесь инквизиция не имела ни того размаха, ни того значения, ни той страшной славы, которые она приобрела на Юге. Уже одно — это обстоятельство должно было бы навести на размышления. Оно

показывает, что инквизиция была не столько универсальным учреждением, сколько учреждением, приспособленным к определённым условиям, и что там, где этих условий не было, она либо не могла утвердиться, либо вырождалась в нечто иное.

Северная Франция знала инквизицию главным образом в лице отдельных её представителей — таких, как Робер Ле Бугр, фанатик и изувер, который в 1230-х годах прошёл по Фландрии, Шампани и Бургундии, оставляя за собой костры и разорение, пока его собственные злодеяния не стали настолько очевидны, что он был лишён полномочий и окончил жизнь в заключении. История Робера поучительна: она показывает, что инквизиция даже в эпоху своего наибольшего могущества не была гарантирована от того, чтобы её собственные служители не предстали перед судом. Правда, суд этот был скорее судом политическим, чем судом нравственным; но самый факт низложения инквизитора свидетельствует о том, что общественное мнение было ещё способно реагировать на слишком явные злоупотребления.

В XIV веке мы видим во Франции уже иные явления. Инквизиция здесь постепенно подпадает под контроль королевской власти и Парламента; она перестаёт быть самостоятельной силой и становится одним из орудий государственной политики. Уже в деле Гуга Обрио, парижского прево, обвинённого в ереси и приговорённого к пожизненному заключению, мы видим, как инквизиция используется для сведения личных счётов, как она служит орудием в руках придворных партий. Ещё более показательным делом Маргариты Порете — бегинки, сожжённой в Париже в 1310 году, — и дело сеньора де Партене, который был арестован по одному доносу и лишь с трудом добился оправдания. Наконец, в XV веке мы видим, как Парижский университет вытесняет инквизицию из её собственной области — из области суда над учением, — и как Парламент присваивает себе высшую юрисдикцию в делах веры. Это — картина упадка, и упадка не случайного, а закономерного: инквизиция во Франции пала потому, что французская монархия, окрепнув, не нуждалась более в её услугах и не терпела её самостоятельности.

Не менее важна и та часть главы, которая посвящена вальденсам. Вальденская ересь — эта «реформация до Реформации» — представляет собой одно из самых замечательных явлений средневековой религиозной истории. Возникнув в Лионе в конце XII века, она распространилась по всей Европе — от Альп до Германии, от Прованса до Польши. Её приверженцы — простые крестьяне и ремесленники — сохранили в течение веков свою веру, несмотря на самые жестокие преследования. История вальденсов показывает, что никакая инквизиция не в силах уничтожить веру, если эта вера отвечает глубоким потребностям человеческой души. Вальденсы были бедны, невежественны, разрознены; но они имели то, чего не имели их гонители, — внутреннее убеждение в своей правоте. И это убеждение оказалось сильнее костров.

IV

Глава о Пиренейском полуострове вводит нас в совершенно особый мир — мир, где инквизиция долгое время не могла утвердиться, где она существовала лишь номинально, и где в конце XV века она возродилась в новой, неслыханной дотоле форме — в форме испанской инквизиции, которая стала одним из самых страшных орудий государственного террора, какие знала история.

В Арагоне, Кастилии и Португалии инквизиция в средние века не имела ни того значения, ни того размаха, которые она имела во Франции или в Италии. Причины этого следует искать в особенностях исторического развития полуострова. Здесь долгое время существовало сосуществование трёх религий — христианской, иудейской и мусульманской; здесь война с маврами была делом не только веры, но и национального освобождения; здесь, наконец, королевская власть была достаточно сильна, чтобы не нуждаться в услугах папской инквизиции, и достаточно самостоятельна, чтобы не допускать её вмешательства в свои дела. Показательно, что в Кастилии инквизиция практически не существовала до конца XV века, несмотря на все усилия Рима; показательно и то, что в Арагоне, где она всё же была учреждена, её деятельность

ограничивалась главным образом преследованием отдельных еретиков — вальденсов, фратичелли, иудеев-отступников.

Но именно здесь, на Пиренейском полуострове, произошло то, что должно было изменить самый характер инквизиции. В 1478 году Сикст IV издал буллу, учреждавшую «новую инквизицию» в Кастилии; в 1483 году Торквемада был назначен генеральным инквизитором. С этого момента инквизиция перестала быть орудием папства и стала орудием испанской короны. Она была направлена прежде всего против «новых христиан» — обращённых иудеев и мавров, которых подозревали в тайном исповедании прежней веры. Её деятельность приняла такие размеры, которые не идут ни в какое сравнение с тем, что знала средневековая Европа. Достаточно сказать, что за первые два десятилетия своего существования испанская инквизиция сожгла около двух тысяч человек и подвергла различным наказаниям ещё десятки тысяч.

Испанская инквизиция — это уже не просто церковное учреждение, борющееся с ересью; это государственный институт, который служит целям национального единства, политической централизации и расовой чистоты. Её история выходит за рамки средних веков; но её корни — в тех принципах, которые были выработаны инквизицией средневековой. Именно поэтому глава о Пиренейском полуострове имеет такое значение для понимания всей истории инквизиции: она показывает, к чему приводит логика преследования, если ей дать свободно развиваться.

V

Италия — страна, где инквизиция встретила, быть может, наиболее сложные и наиболее разнообразные условия. Здесь не было единой государственной власти, которая могла бы использовать инквизицию в своих целях; здесь было множество мелких государств, республик и тираний, каждая из которых вела свою политику; здесь, наконец, было папство — светский государь, который был вместе с тем главой Церкви и который не мог допустить, чтобы инквизиция стала орудием в чужих руках.

История итальянской инквизиции есть прежде всего история её борьбы с ересью в Ломбардии и Центральной Италии, где катаризм пустил глубокие корни и где он пользовался поддержкой значительной части населения, включая многих представителей знати и городских магистратов. Здесь инквизиция действовала с необычайной энергией, здесь она дала миру таких своих деятелей, как святой Пётр Мученик, Райнерий Саккони, Джованни да Виченца — люди, чьё мужество, чья преданность делу, чья готовность к мученичеству не могут не вызывать изумления, как бы ни были отвратительны их дела.

Но здесь же мы видим и то, чего не было в других странах: инквизиция в Италии должна была считаться с политическими условиями, которые постоянно менялись. В городах, где у власти стояли гибеллины — сторонники императора, — инквизиция не могла действовать; в городах, где у власти стояли гвельфы — сторонники папы, — она пользовалась полной свободой. Борьба гвельфов и гибеллинов, эта вековая борьба, которая раздирала Италию, была вместе с тем и борьбой за инквизицию и против неё. И не случайно одним из самых страшных врагов инквизиции был Эццелино да Романо, этот «тиран Тревизанский», который в течение тридцати лет защищал еретиков в своих владениях и который сам был осуждён инквизицией как еретик.

Особое внимание следует обратить на историю инквизиции в Венеции. Венецианская республика — это пример того, как государство, оставаясь вполне ортодоксальным, сумело подчинить инквизицию своему контролю и не допустить её вмешательства в свои дела. Венеция согласилась принять инквизицию лишь на своих условиях: все штрафы и конфискации должны были поступать в государственную казну, а инквизитор должен был действовать совместно с представителями государства. Этот компромисс, выработанный в конце XIII века, сохранялся в течение столетий; он показывает, что инквизиция могла быть обуздана, если государство было достаточно сильно и достаточно ревниво относилось к своим правам.

Наконец, история инквизиции в Италии есть история её постепенного упадка. Уже в XIV веке мы видим, как значение инквизиции падает, как её место занимают другие учреждения — отчасти епископские суды, отчасти специальные папские комиссары, отчасти, наконец, светские суды. В XV веке инквизиция в Италии существует скорее по имени, чем на деле; она время от времени напоминает о себе процессами против фратичелли или против колдунов, но это уже не та грозная сила, которая в XIII веке держала в страхе целые города. Упадок этот объясняется теми же причинами, которые привели к упадку инквизиции во Франции: окрепшая государственная власть не нуждалась более в её услугах и не терпела её самостоятельности.

VI

Глава о славянских катарах переносит нас в совершенно иной мир — мир Балкан, мир Босны и Герцеговины, где катаризм стал не просто ересью, но государственной религией, где он был связан с национальной борьбой против венгерского господства, где он, наконец, сыграл роковую роль в падении Босны под ударами турок.

История эта поучительна во многих отношениях. Она показывает, что ересь может стать национальной религией, что она может быть орудием политической борьбы, что она может, наконец, определить собой судьбу целого народа. Босна в XIII–XV веках была страной, где катарская церковь пользовалась полной свободой, где катары занимали высшие государственные должности, где сам «бан» и его магнаты исповедовали катарскую веру. И вместе с тем Босна была страной, которая постоянно подвергалась нападениям со стороны Венгрии, которая вела непрерывную борьбу за свою независимость, и которая в конце концов пала жертвой этой борьбы.

Здесь мы видим и другое: как папство, стремясь искоренить ересь, готово было жертвовать политическими интересами, как оно натравливало венгров на боснийцев, как оно организовывало крестовые походы против единоверцев-христиан, как оно, наконец, способствовало тому, что Босна, обессиленная внутренними раздорами и внешними нашествиями, стала лёгкой добычей турок. История Босны — это трагический пример того, как религиозный фанатизм может погубить целый народ; и вместе с тем это пример того, как народ, лишённый единства, не может устоять против внешнего врага.

VII

Глава о Германии — одна из самых объёмных и самых сложных во всей книге. Германия — страна, где инквизиция так и не смогла утвердиться прочно, где она существовала лишь эпизодически, где она натолкнулась на сопротивление, которого не знала нигде больше.

Первые попытки ввести инквизицию в Германии относятся к 1230-м годам и связаны с именем Конрада Марбургского — одного из самых страшных фанатиков, каких знала история. Конрад действовал с необычайной жестокостью; он не знал ни жалости, ни снисхождения; он сжигал людей сотнями, не разбирая виновных и невинных. Его деятельность вызвала такое возмущение, что в конце концов он был убит, а его память была осуждена собором. История Конрада — это пример того, как инквизиция, предоставленная самой себе, без контроля со стороны государственной власти и местного духовенства, вырождается в безумное изуверство.

Но и после Конрада инквизиция в Германии не смогла утвердиться. Причины этого следует искать в особенностях германского церковного устройства. Германия не знала той централизации, которая была во Франции; её епископы были крупными светскими князьями, которые не желали подчиняться папским инквизиторам; её города пользовались широкими вольностями и не допускали вмешательства в свои дела; наконец, её население, измученное поборами Рима, относилось к папству с глубоким недоверием. Всё это привело к тому, что инквизиция в Германии так и осталась чужеродным телом, которое не могло прижиться на германской почве.

Особое внимание читателя следует обратить на историю Братьев Свободного Духа, бегардов и бегинок. Эти религиозные движения, возникшие в конце XIII века, представляют собой

одно из самых замечательных явлений средневековой религиозной жизни. Они были порождены глубокой потребностью в религиозном обновлении, в непосредственном общении с Богом, в освобождении от формализма и обрядности. Но они же породили и крайние формы мистицизма, которые приводили к отрицанию всякой церковной организации и всякой нравственной дисциплины. История Братьев Свободного Духа — это история того, как религиозный энтузиазм может выродиться в антиномизм, как стремление к совершенству может привести к оправданию самых низменных страстей. И вместе с тем это история того, как инквизиция, борясь с этими движениями, не останавливалась ни перед чем, как она сжигала и безумцев, и святых, как она уничтожала всё, что не укладывалось в её узкие рамки.

Наконец, история инквизиции в Германии есть история её постепенного упадка и окончательного бессилия. Уже в XV веке инквизиция в Германии существует лишь номинально; она не может справиться ни с гуситами, ни с вальденсами, ни с Братьями Свободного Духа. Когда в 1517 году Лютер выступил со своими тезисами, инквизиция в Германии была уже настолько дискредитирована и настолько бессильна, что не могла оказать ему никакого противодействия. И это — один из самых важных уроков всей книги: инквизиция не смогла предотвратить Реформацию именно потому, что она никогда не имела в Германии прочной почвы.

VIII

Последняя глава — о Богемии — посвящена истории гуситского движения и его отношений с инквизицией. История эта представляет собой, быть может, самый яркий пример того, как инквизиция, пытаясь подавить ересь, сама вызывает к жизни силы, которые её уничтожают.

Гуситское движение возникло на почве того же недовольства церковными злоупотреблениями, которое в Германии породило Братьев Свободного Духа, а во Франции — вальденсов. Но в Богемии это недовольство нашло себе вождя, который сумел объединить вокруг себя широкие слои народа, — Яна Гуса. Гус был учёным, проповедником, человеком безупречной нравственности; его проповеди в Вифлеемской часовне собирали тысячи слушателей; его обличения церковных пороков находили отклик во всех сословиях. Когда он был вызван на Констанцкий собор и там сожжён, это вызвало в Богемии взрыв возмущения, который вылился в войну, длившуюся два десятилетия.

Процесс Гуса — это один из самых замечательных примеров инквизиционной процедуры, какие знает история. Он показывает, с какой методической последовательностью инквизиция добивалась от обвиняемого отречения, как она пускала в ход все средства — от богословских прений до тюремного заключения, — чтобы сломить его волю. Он показывает и другое: что инквизиция не всегда была просто орудием жестокости, что она могла быть и гибкой, и уступчивой, когда это казалось полезным. Гусу были предоставлены необычайные возможности для защиты; его выслушивали на публичных заседаниях; ему предлагали формулы отречения, которые должны были удовлетворить и его совесть, и требования Церкви. Но Гус не мог отречься от того, что считал истиной; и это сделало его мучеником.

История гуситских войн показывает, что инквизиция была бессильна против народа, который взялся за оружие. Крестовые походы, организованные против гуситов, терпели одно поражение за другим; папские легаты и германские князья не могли сломить сопротивление богемских крестьян и горожан. В конце концов Церковь была вынуждена пойти на переговоры и признать за гуситами право на причастие под обоими видами. Это было поражение инквизиции, поражение, которое показало, что её методы действенны лишь против беззащитных, но бессильны против тех, кто готов сражаться за свою веру.

Но история гуситов имеет и другую сторону. Она показывает, как революционное движение, одержав победу, само начинает вырождаться, как оно раскалывается на враждующие партии, как оно, наконец, губит само себя. Табориты — крайняя партия гуситов — были разгромлены при Липанах не столько католиками, сколько своими же соотечественниками-кал-

ликстинцами. И это — тоже один из уроков истории: революция пожирает своих детей, и никакая вера не может спасти от внутренних раздоров.

IX

Таковы в общих чертах те сюжеты, которые развёртываются перед читателем во втором томе исследования Ли. Мы видим здесь историю инквизиции в её разнообразных проявлениях: в Лангедоке она предстаёт как орудие политического объединения Франции; во Франции — как учреждение, постепенно подпадающее под контроль королевской власти; на Пиренейском полуострове — как орудие государственного террора в руках новой, объединённой Испании; в Италии — как сила, которая не может утвердиться из-за политической раздробленности страны; в славянских землях — как фактор, способствующий падению Босны под ударами турок; в Германии — как чужеродное тело, которое не может прижиться на германской почве; в Богемии — как сила, которая, пытаясь подавить ересь, вызывает к жизни движение, её уничтожающее.

Из этого разнообразия вытекает несколько общих выводов, которые следует иметь в виду при чтении книги.

Первый вывод состоит в том, что инквизиция никогда не была чисто церковным учреждением. Она всегда и везде была тесно связана с государственной властью; она всегда и везде служила тем или иным политическим целям. Там, где государственная власть была сильна и централизована, инквизиция становилась её орудием; там, где государственная власть была слаба или раздроблена, инквизиция либо не могла утвердиться, либо вырождалась в самочинное изуверство. Это наблюдение имеет важное значение для понимания природы инквизиции: она была не столько порождением религиозного фанатизма, сколько порождением определённого типа государственной организации.

Второй вывод состоит в том, что инквизиция была действительна лишь там, где она имела дело с ересью, которая уже была побеждена или, по крайней мере, лишена всякой возможности сопротивления. В Лангедоке инквизиция могла действовать лишь после того, как крестовые походы сломили военную мощь Юга; в Италии она могла действовать лишь там, где гибеллинские государи были изгнаны или уничтожены; в Богемии она оказалась бессильной, как только гуситы взяли за оружие. Это наблюдение показывает, что инквизиция была не столько причиной поражения ереси, сколько следствием этого поражения; она завершала дело, начатое мечом.

Третий вывод состоит в том, что инквизиция не могла существовать без постоянного притока ереси. Как только ересь исчезала, исчезала и инквизиция или, вернее, влачила жалкое существование, пока не находила себе нового врага. Это наблюдение объясняет, почему инквизиция в XV веке обратилась против колдунов и ведьм: ей нужен был враг, и она нашла его в тех, кто был столь же беззащитен, как и прежние еретики.

Четвёртый вывод состоит в том, что инквизиция никогда не могла уничтожить веру, если эта вера была глубоко укоренена в душе народа. Вальденсы, несмотря на все преследования, сохранились до эпохи Реформации; катары, несмотря на все усилия инквизиции, сохранялись в течение столетия после падения Монсегюра; гуситы, несмотря на все крестовые походы, отстаивали свою веру. Это наблюдение показывает, что никакое насилие не может уничтожить идею, если эта идея отвечает глубоким потребностям человеческой души.

X

Наконец, несколько слов о самом исследовании Ли. Оно принадлежит к числу тех классических трудов, которые сохраняют своё значение, несмотря на то что с момента их появления прошло более столетия. Ли работал с первоисточниками, с архивами инквизиции, с документами, которые до него были мало известны или вовсе неизвестны. Его труд — это не только история инквизиции, но и история её документации, история тех регистров, в которых запи-

сывались доносы, признания, приговоры, — регистров, которые сами по себе являются страшным памятником человеческой жестокости и человеческого страдания.

Ли не был ни апологетом инквизиции, ни её обличителем. Он стремился понять инквизицию как историческое явление, объяснить её происхождение, её развитие, её упадок. Он видел в ней не только орудие фанатизма, но и порождение определённых исторических условий; он понимал, что инквизиция была не только причиной, но и следствием; он знал, что её история есть часть более широкой истории — истории отношений между Церковью и государством, между властью и обществом, между верой и свободой.

Читатель, который возьмёт на себя труд прочесть эту книгу до конца, увидит перед собой не только историю одного учреждения, но и историю целой эпохи — эпохи, которая была свидетелем рождения современной Европы, эпохи, в которой были заложены основы той цивилизации, которую мы наследуем. И если эта книга вызовет у него не только ужас перед жестокостями прошлого, но и размышление о природе власти, о пределах терпимости, о цене свободы, — она достигнет своей цели.

Глава первая. — Лангедок.

Препятствия к учреждению инквизиции — Успехи и рвение доминиканцев — Первое назначение инквизиторов. — Пробная процедура. Соппротивление населения — Положение графа Раймунда — Волнения в Тулузе. — Изгнание инквизиции — Возвращение и растущая энергия Святого Официума — Приостановка с 1238 по 1241 год — Состояние страны. — Восстание Тренкавеля — Связи, соединявшие религию и государство — Деятельность Пьера Колла в 1241–1242 годах — Крепость еретиков Монсежур — Резня в Авиньоне. — Её пагубные последствия — Последняя попытка графа Раймунда. — Торжество инквизиции — Граф Раймунд примиряется с Церковью — Падение Монсежура. — Ересь без защиты — Растущая деятельность инквизиции — Энергия Раймунда в преследовании. — Его смерть — Отчаянное положение еретиков. — Сношения с Ломбардией — Главенство инквизиции. — Она нападает на графа де Фуа — Смерть Альфонса и Жанны (1233) — Усиление королевской власти. — Обращения к королю — Народное недовольство. — Волнения в Каркассоне — Вмешательство Филиппа Красивого. — Колебания его политики — Новые волнения в Каркассоне. — Подчинение города (1299) — Преследования в Альби (1299–1300) — Инквизиторские злоупотребления. — Дело Капель Фабри — Брат Бернар Делисьё — Новые волнения. — Филипп посылает Жана де Пекиньи — Филипп пытается реформировать инквизицию — Волнения в Альби. — Конфликт между Церковью и государством — Филипп отправляется в Лангедок. — Его план реформ — Отчаяние Каркассона. — Планы предательства — Обращение к Клименту V. — Расследование — Признание злоупотреблений. — Реформы, выработанные Вьенским собором — Избрание Иоанна XXII — Торжество инквизиции. — Судьба Бернара Делисьё — Новый подъём ереси — Пьер Атье — Бернар Ги искореняет катаризм — Дело Лиму Нуара — Результаты торжества инквизиции — Политические последствия инквизиции.

Люди, которые пришли в Лангедок заложить первые основы инквизиции, брались за дело, казавшееся безнадежным. Им предстояло создать и развить все механизмы, всю процедуру нового учреждения, не имея никаких прецедентов, которые могли бы их направить. Их полномочия, неопределённые и плохо очерченные, должны были осуществляться среди совершенно особых трудностей. Ересь была повсюду. Значительная часть населения исповедовала ереси катаров и вальденсов. Даже ортодоксы по большей части внушали мало доверия. Ибо долгое время жили в условиях полутерпимости. Не одна семья насчитывала в своих рядах еретиков. Кроме того, возникло национальное чувство вместе с памятью о бедах, сообща перенесённых за более чем двадцать лет. В ходе этой тяжёлой борьбы против нашествия крестоносцев католики и катары объединились для защиты земли предков; между различными сектами завязались узы прочной симпатии. Городские магистраты были если не еретиками, то по крайней мере склонны к снисходительности; они, с другой стороны, энергично держались за права и прерогативы своих городов. Почти повсюду множество знатных и могущественных сеньоров открыто или тайно исповедовали ересь. Сам Раймунд Тулузский слыл едва ли не еретиком. Таким образом, инквизиция как символ ненавистного иноземного господства не могла найти опоры ни в какой категории граждан. Без сомнения, её благожелательно встречали французы, которым удалось обосноваться в стране, но они, впрочем, были рассеяны и ненавидимы своими соседями. Народное чувство в этом отношении выражается голосом трубадуров, которые с удовольствием выказывают своё презрение к французам, свою неприязнь к монахам и монашеским обычаям. Послушаем Гийема де Монтанагуля: «Вот клирики сделались инквизиторами и судят по своему усмотрению. Я не стал бы ничего говорить против их действий, если бы они желали осудить заблуждение добрыми словами, без насилия вернуть заблудших на путь закона и даровать прощение тем, кто раскаивается». «Более дерзкий Пьер Кардиналь выводит на сцену доминиканцев, рассуждающих после обеда о сравнительных достоинствах своих вин:

«Они создали судилище», — говорит он, — и всякий, кто на них нападает, объявляется ими вальденсом; они стремятся проникнуть в тайны всех граждан, чтобы повсюду распространять страх».

Кроме того, территории, оставленные Раймунду, были истощены огромными податями, которые наложили на графа при умиротворении 1229 года. Победители, чтобы дать ему возможность удовлетворить их требования, разрешили ему взимать налоги с вассалов Церкви в нарушение установленных вольностей; эта мера, как и многие другие, к которым ему пришлось прибегнуть, чтобы расплатиться, посеяла повсюду семена ненависти. Было трудно выколачивать эти взносы из населения, разорённого двадцатью годами войны. В 1231 году, через два года после договора, аббатство Сито ещё ничего не получило из двух тысяч марок, которые были ему присуждены как доля добычи: ему пришлось согласиться на соглашение, по которому Раймунд обязался платить ежегодными взносами по двести марок и отдал в залог доходы своего поместья Марманд [1].

Правда, инквизиция была с радостью встречена Церковью; но Церковь жестоко себя скомпрометировала в ходе событий, ознаменовавших последние пятьдесят лет. Ни в одной области христианского мира её влияние не падало так низко. Даже в Арагоне Таррагонский собор должен был в 1238 году провозгласить отлучение против тех, кто составлял и распространял памфлеты, направленные против духовенства. Интердикты применялись в чрезмерных масштабах; так что Иннокентий IV дважды, в 1243 и 1245 годах, был вынужден запретить их использование в странах Южной Франции. Слишком часто, действительно, в городах, заподозренных в ереси, эти меры казались продиктованными скорее личными интересами, чем желанием спасти души; при случае еретики не преминали громко об этом кричать. Смутный период, последовавший за крестовым походом Людовика VIII, был использован епископами: им удалось захватить множество территорий, на которые они не имели никакого права. Из-за этого они оказались вовлечены в бесконечные конфликты с королевской казной, когда эти территории относились к домену Франции. Что касается земель, оставленных по договору Раймунду, Людовик Святой должен был вмешаться, чтобы добиться для графа возврата, в котором епископы ему отказывали. Затем сама Церковь была запятнана ересью: к великому соблазну верующих, клирики-еретики пользовались полной безнаказанностью. Эта безнаказанность объяснялась трудностью созвать достаточное число епископов для процедуры низложения виновных: поэтому Григорий IX счёл уместным постановить в 1233 году, что один епископ, в сопровождении нескольких аббатов, может в подобном случае запретить клириков в служении и передать их в руки светской власти для сожжения. Позднее он включил это положение в каноническое право. Иннокентий IV пошёл дальше: в 1245 году он приказал своему легату в Лангедоке следить за тем, чтобы ни один человек, заподозренный в ереси, не был избран или посвящён в епископы. С другой стороны, священники, готовые наилучшим образом содействовать инквизиции, часто наталкивались на такую враждебность, что не могли даже жить в своих приходах. Таков был случай Гийема Пьера, священника из Нарбонны, которому в 1246 году разрешили заменить себя викарием, и он таким образом сумел получить большое число бенефициев. Примерно в то же время Иннокентий IV с удивлением обнаружил, что прелаты не подчиняются его неоднократным приказам поддерживать инквизицию: он пригрозил им своей немилостью, если они не проявят впредь большего рвения. Бернар Ги, говоря об одном из епископов, поддерживавших графа Раймунда, заявляет, что это самый яростный и самый опасный враг инквизиции. Между нищенствующими орденами и белым духовенством существовал естественный антагонизм, который ещё больше усиливал высокомерие инквизиторов; они претендовали на главенство над прелатами и на то, чтобы следить за тем, как епископы исполняют свой столь долго пренебрегаемый долг во всём, что касалось распространения веры. Понятно, что доминиканцы, занятые этими благочестивыми обязан-

ностями, подвергались постоянным оскорблениям; напрасно папа пытался объяснить эти раздоры вмешательством сатаны [2].

Деятельность инквизиции наталкивалась ещё на одно серьёзное препятствие: не хватало мест заключения для обвиняемых и осуждённых. Мы уже видели, что епископы, обязанные предоставлять тюрьмы для бесчисленных арестованных граждан, всячески уклонялись от этой обязанности. Людовик Святой в конце концов был вынужден вмешаться и построить тюрьмы; до тех пор мы видим по числу неявившихся после предварительного допроса, как трудно было помешать бегству арестованных еретиков.

Такова была почва, на которой инквизиция собиралась начать борьбу с ересью. Чтобы взять на себя столь тяжкую задачу, нужны были люди исключительной закалки: они нашлись. Как бы ни казались нам отвратительны их дела, мы не можем отказать в признании той бесстрашности, которую они проявили на службе своему фанатизму. Никакая работа не была слишком тяжёлой для их рвения; никакая опасность не могла сломить их мужества. Они считали себя избранными исполнителями дел Божьих; они предавались своей миссии с возвышенной уверенностью, которая поднимала их над человеческой слабостью. Глашатай Бога, нищенствующий монах, живущий милостыней верующих, заимствовал, чтобы говорить с князьями и народами, грозный авторитет Церкви. Он требовал повиновения и без колебаний и преград карал упорство. Люди, подобные Пьеру Челла, Гийему Арно, Арно Катала, Ферреру Каталонцу, Понсу де Сен-Жиль, Понсу де л'Эспарру, Бернару де Ко и множеству других, более известных борцов, были готовы страдать столько же, сколько были безжалостны в причинении страданий; истинные Маккавеи этой смертельной войны с ересью, они nonetheless были полны доброты и жалости к малым и примешивали обильные слёзы к своим молитвам и проповедям. В них раскрылись силы, таившиеся в воинствующей Церкви Средневековья; она нашла в инквизиции, служившей им, самого подходящего помощника для поддержания своего главенства. Отметим, с другой стороны, что их деятельность имела вторичным результатом абсолютное подчинение Юга королю Парижа и присоединение этого края к домену Франции.

Те из верующих, кто мог поверить, что договор 1229 года положит конец борьбе с ересью, вскоре разубедились. Граф Раймунд обязался платить определённую сумму за поимку каждого еретика. Инквизиция следила за исполнением этого условия: поэтому она охотно платила цену, когда её зарабатывали; но зарабатывали её не без опасности. Как среди знати, так и среди бюргеров преследуемый класс находил защитников, и тех, кто его преследовал, при случае убивали без жалости. Еретиков по-прежнему оставалось так же много. Мы уже видели неудачу усилий, предпринятых кардиналом-легатом Романо и Тулузским собором. Без сомнения, Раймунд обещал основать в Тулузе университет для распространения закона; но это учреждение, которому впоследствии предстояло дать серьёзные результаты, имело довольно несчастливое начало. Париж прислал для занятия кафедр учёных теологов; но насмешливые южане смеялись над схоластическими тонкостями, казавшимися им нелепыми выдумками; еретики доходили до дерзости публично спорить с магистрами. Несколько лет спустя Раймунд перестал платить жалованье, и университет на время прекратил своё существование [3].

Самым обнадеживающим фактом в этой ситуации был постоянный рост ордена доминиканцев. Конгрегация вышла за пределы скромной церкви Сен-Ромен, которую ей предоставил епископ Фульк; в 1290 году благочестивая щедрость видного тулузского бюргера Понса де Капденье предоставила ей в распоряжение более просторное жилище, построенное в обширном парке, частью в городе, частью за стенами. Монахи монастыря, числом около сорока, всегда были готовы выставить борцов на службу Кресту; их пылкое рвение не страшилось ни усталости, ни опасности. В 1232 году, когда фанатичный епископ Фульк умер и был заменён ещё более яростным фанатиком, провинциалом доминиканцев Раймундом дю Фога, орден был полностью готов к войне на уничтожение, которую он собирался вести в течение ста лет против ереси.

В своей жажде действия монахи не стали ждать, пока должным образом организованная инквизиторская власть вооружит их своим авторитетом. Их самой неотложной обязанностью было бороться с ересью. В 1231 году один монах заявил в проповеди, что город Тулуза полон еретиков, которые, не встречая ни малейшего противодействия, проводят свои собрания и повсюду сеют свои заблуждения. Без сомнения, магистраты уже смотрели косо на эти благочестивые усилия ордена, ибо эта проповедь послужила предлогом для попытки репрессий. Консулы вызвали в Капитолий — который был ратушей — приора Пьера д'Але. Они сурово его отчитали, дошли даже до угроз, объявили слова проповедника ложью и запретили впредь произносить подобные утверждения. Этот инцидент, хотя и малозначительный, знаменует начало разногласий, возникших впоследствии между властями Тулузы и инквизицией; он также позволяет нам судить о том, до какой степени города Юга были привержены своей гордой независимости. Однако нескольких лет борьбы хватило, чтобы сковать гражданские свободы, которые противостояли феодализму, но не могли противостоять более хитрому и тонкому деспотизму Церкви.

Нетерпеливое рвение доминиканцев не желало мириться с таким сдерживанием. Дерзкие речи консулов преисполнили негодованием магистра Роланда из Кремоны, первого доминиканца, получившего степень в Парижском университете: призванный в Тулузу преподавать теологию в зарождавшемся университете, он воскликнул, что это следует рассматривать лишь как новый повод к борьбе и что проповедь против ереси должна вестись ещё более сурово. Он сам подал пример, которому наперебой последовали его собратья. Вскоре представился случай, позволивший ему доказать ложность опровержения, данного консулами. Прошёл слух, что Жан Пьер Дона, каноник древней церкви Сен-Сернен, недавно умерший и погребённый в клуатре, был «охеретичен» на смертном одре. Без разрешения и, как кажется, без законного расследования магистр Роланд собрал нескольких монахов и клириков, выкопал тело, вынес его из клуатра, протащил по улицам и публично сжёг. Вскоре он узнал о смерти видного вальденского министра по имени Гальван: тотчас он воспламенил проповедью народный гнев и во главе банды неистовых двинулся к дому умершего и снёс его; затем отправился на кладбище Вильнёв, где было погребено тело, выкопал его и, всё время сопровождаемый огромной толпой, протащил тело через город до места публичных казней за стенами: там мертвеца сожгли с большой торжественностью.

Это было преследование, вызванное частной инициативой. Епископский суд был тогда единственной юрисдикцией, имевшей власть действовать официально в подобном случае, и мы видели, что он должен был ограничиваться передачей светской власти заботы о final казни. Однако не похоже, чтобы епископский суд был привлечён к этим двум делам; мы не видим также, чтобы он протестовал против этого вторжения толпы в сферу законной власти. В сущности, систематические репрессии против ереси ещё не были организованы. Епископ Раймунд, как кажется, довольствовался тем, что при случае предпринимал за пределами города экспедиции против еретиков; что же до еретиков, проживавших внутри стен, он оставлял их безнаказанными под защитой консулов; однако его должность давала ему достаточные полномочия, и весь механизм был готов действовать с пользой. Нельзя было ожидать никакого прочного результата от этих периодических вспышек фанатизма, и уничтожение ереси казалось всё таким же далёким.

Таким образом, остро ощущалась потребность в официально учреждённом органе, который посвятил бы себя преследованию. Однако не похоже, чтобы создание первых инквизиторов в 1233 году приобрело в глазах современников особо знаменательное значение. Это была лишь попытка, от которой не ждали серьёзных результатов. Брат Гийем Пелиссон, который был причастен к трудам и опасностям зарождающейся инквизиции и стал её восторженным летописцем, не считает, что этот факт заслуживает особого внимания. Пелиссон быстро проходит мимо этого события, бесконечно менее значительного, по его мнению, чем избрание нового

приора Тулузы. «Брат Понс де Сен-Жиль был назначен приором Тулузы и боролся за веру с еретиками энергично и успешно; ему помогали брат Пьер Челла из Тулузы и брат Гийем Арно из Монпелье, которых Его Святейшество папа сделал инквизиторами в епархиях Тулузы и Кагора. Брат Арно Катала, принадлежавший тогда к тулузскому монастырю, также был назначен инквизитором архиепископом-легатом Вьенна». Таков единственный современный документ, который повествует — с какой сухостью! — об учреждении Святого Официума.

Впрочем, один факт показывает, насколько мало поначалу понимали роль этих новых должностных лиц; он также даёт очень ясное представление о напряжённости общественного духа в ту эпоху. Между двумя гражданами возникла ссора, и один из них, Бернар Пейтевен, назвал своего противника, Бернара де Солье, еретиком. Это была репутация, которую было опасно сохранять: оскорблённый призвал своего обидчика к консулам. Уже известно, что партия ереси имела большое влияние в Тулузе и что магистраты поощряли или сами разделяли запретные верования. Бернар Пейтевен был осуждён: он должен был удалиться в изгнание на два года, уплатить штраф истцу и городу и публично, в ратуше, признать под присягой, что он солгал и что Солье — добрый католик. Этот вердикт был мстью. Пейтевен пошёл посоветоваться с доминиканцами, которые побудили его апеллировать к епископу. В данном случае компетенция епископской юрисдикции была, возможно, сомнительной: Раймунд дю Фога, однако, принял апелляцию. Рассмотрение подобного дела несколько лет спустя было бы отнесено к инквизиции; но в тот момент инквизиторы Пьер Челла и Гийем Арно вмешались лишь как адвокаты апеллянта перед епископским судом. Они столь хорошо доказали ересь Солье, что несчастный вынужден был бежать в Ломбардию.

Та же неопределённость процедуры проявляется в последующем деле. Инквизиторы Пьер и Гийем предприняли расследование по городу; они вызвали *pitieus* подозреваемых, которые все нашли защитников среди первых граждан. Заседания проходили перед инквизиторами, но, кажется, тогда они ещё были публичными. Один из обвиняемых, Жан Тейссейр, объявил себя добрым католиком, утверждая, что спит со своей женой, ест мясо, ложёт и клянётся; он предупредил присутствующих, что те же обвинения могут пасть и на них, побуждая их объединиться с ним, что было бы разумнее, чем покидать его. Он был осуждён; вигье, официальный представитель графа, готовился вести его на костёр; но поднялся столь угрожающий крик, что наспех бросили в епископскую темницу человека, который не переставал провозглашать свою ортодоксию. Крайнее возбуждение охватило город; открыто раздавались угрозы против доминиканцев; говорили о разрушении монастыря и об избиении монахов, которых обвиняли в преследовании невинных. Однако в своей тюрьме Тейссейр делал вид, что смертельно заболел, и потребовал таинств; затем, когда бальи Лавора привёл в Тулузу и передал епископу некоторое число настоящих еретиков, наш человек позволил им «*haereticare*» (позволил им совратить себя в ересь в своей тюрьме) себя в своей тюрьме. Благодаря их увещаниям он стал столь ревностным в своей новой вере, что сопровождал их в суд и заявил, что разделит их участь. Все были осуждены, и вместе с ними Тейссейр, который упорно отказывался отречься; с этого момента казнь больше не встречала противодействия, и все они были сожжены.

До сих пор мы находим инквизиторскую юрисдикцию полностью подчинённой правосудию епископа; но вскоре после этого инквизиторы покинули Тулузу ради другого центра действий. Тогда они действовали совершенно независимо. Нам не сообщается, что епископ Керси вмешивался в Кагоре в их решения, когда они осудили некоторое число умерших, чьи тела выкопали и сожгли, внушив такой страх, что один из главных верующих, Раймунд де Бролеас, бежал в Рим. В Муассаке они осудили Жана дю Гара, который бежал в Монсегюр, и вызвали некоего Фольке; тот, охваченный ужасом, вступил в монастырь Бельперш как цистерцианский монах; затем, видя, что это облачение не обеспечивает ему безопасности, он в конце концов укрылся в Ломбардии. В то же время брат Арно Катала и Гийем Пелиссон, наш летописец,

совершили рейд в Альби: там они отправили дюжину граждан замаливать грехи в Палестину и, объединившись с третьим инквизитором, Гийемом де Ломбером, сожгли двух еретиков, Пьера де Пюшпердю и Пьера Бомассипьо.

В Тулузе благочестивая работа не страдала от отсутствия инквизиторов; приор Понс де Сен-Жиль исполнял их обязанности. Не совсем ясно, какая власть его покрывала, но факт в том, что он присоединил к себе другого монаха, чтобы пытаться, осуждать и отправлять на костёр некоего Арно Сосье, который до последнего момента протестовал против своей католической ортодоксии и вызвал в городе сильное волнение, не приведя, однако, к мятежному восстанию.

Пелиссон с удовлетворением отмечает, что эти меры распространили ужас по стране. Они предвещали систематически организованное преследование; прежде всего они фактически открывали преследование гораздо более активное, чем всё, что было известно до тех пор. Еретик, то есть учёный доктор, отказывавшийся отречься от своей веры, сжигался, и все считали эту казнь естественным делом; с такой же лёгкостью принимали, что костёр карает верующего, который, упорный до вызова, настаивал на своей ереси. Однако до этого момента, как кажется, верующий, если он исповедовал ортодоксию, обычно избегал казни, потому что несовершенство судебных средств делало трудным доказательство его вины. Монахи, искушённые в тонкостях дискуссии, сведущие одновременно в гражданском и каноническом праве, были особенно способны к поиску тайного неверия. Они стремились терзать свои жертвы до смерти, чтобы распространить тревогу не только среди виновных, но и среди невинных.

Страхи, внушаемые этой поспешной и мало формализованной процедурой, были более чем оправданны, как доказывает один факт, произошедший в 1234 году. Канонизация святого Доминика, объявленная в Тулузе, была отпразднована в монастыре доминиканцев торжественной мессой, которую служил епископ Раймунд. Без сомнения, святой Доминик пожелал в этот день явить более назидательным образом свои особые полномочия, ибо в тот момент, когда епископ покидал церковь и направлялся в трапезную, чтобы принять участие в угощении, ему принесли важную весть: какая-то женщина только что подверглась «haereticare» в соседнем доме на улице Ольме-Сек. В сопровождении приора и нескольких других монахов прелат поспешил туда. Дом принадлежал генеральному посланнику тулузских еретиков Пейтавену Борсье, чья тёща умирала от лихорадки. Пришедшие вошли столь внезапно, что друзья умирающей едва успели сказать ей: «Вот епископ!» Поскольку она ожидала визита еретического епископа, она легко позволила Раймунду исповедовать себя, без обиняков признала свою ересь и подтвердила своё непоколебимое убеждение. Тогда епископ, назвав себя, приказал ей отречься — она отказалась; тогда он предписал вигье осудить её как еретичку и имел удовольствие видеть, как несчастную унесли вместе с её постелью и сожгли на площади казней. Борсье и его коллега Бернар Альдрик де Дремиль были арестованы и выдали множество своих друзей. После чего Раймунд и монахи вернулись к прерванной трапезе, благодаря Бога и святого Доминика за то, что они позволили в пользу веры явить столь блистательное проявление своего рвения.

Эти внесудебные ужасы всегда творились с жестокой радостью, которую хорошо отражает поэма той эпохи, принадлежащая Изарну, доминиканскому монаху, возможно приору монастыря Вильмюр. Автор выводит себя на сцену, беседующим с Сикаром де Фигейрасом, епископом-катаром: каждый из его теологических аргументов подкрепляется угрозой:

E s'aquestz ne vols creyre, vec tel foc aizinat Que art tos compahos. Aras vuelh quem respondas en un mot o en des, Si cauziras et foc o remanras ab nos.

«Если ты не хочешь верить этому, взгляни на пожирающий огонь, который сжигает твоих товарищей. Теперь я хочу, чтобы ты ответил мне одним словом или двумя, ибо ты либо сгоришь в огне, либо придёшь к нам». И ещё: «Если ты не признаёшься немедленно, факелы уже зажжены; твоё имя провозглашено по городу под звуки труб, и люди собираются, чтобы увидеть, как тебя сожгут».

Автор этой ужасной поэмы лишь выражал чувства собственного сердца и изображал то, что ежедневно происходило на его глазах (I).

Однако святое дело принимало форму. Первые результаты подавали добрую надежду на будущий успех. Поэтому рвение ловцов людей возрастало, в то время как страх и ненависть преследуемых становились всё более угрожающими. С обеих сторон страсти были пылкими. Уже в 1233 году два доминиканца, посланные в Корд для розыска еретиков, были убиты обезумевшими гражданами. В Альби народ был сильно взволнован казнью двух еретиков, о смерти которых мы рассказали.

Восстание вспыхнуло 14 июня 1234 года. Арно Катала приказал епископскому балью выкопать останки еретички по имени Бейссера, осуждённой инквизитором. Балль велел ответить, что не смеет взять на себя исполнение этого приказа. Тогда Арно покинул епископский синод, на котором заседал, хладнокровно отправился на кладбище, сам нанёс первый удар киркой, приказал своим помощникам завершить работу и вернулся в синод. Но его тотчас догнали помощники, заявившие, что чернь прогнала их из могилы. Арно вернулся и нашёл место занятым вопящей толпой «сынов Велиала», которые тотчас бросились на него, ударяя его по лицу и грубо с ним обращаясь, с криками: «Убьём его! Он не имеет права жить!» Одни пытались утащить его до ближайших лавок, чтобы убить там, другие хотели бросить его в Тарн; наконец ему пришли на помощь и отвели в синод, в то время как толпа преследовала его, издавая яростные крики смерти. Казалось, между жителями города было полное согласие; numerous важных бюргеров возглавили народное движение. Арно обрушил на мятежный город отлучение, которое затем добровольно снял; отметим, как поправку, что его преемник брат Феррер призвал на виновный город суд Божий и заключил в тюрьму или сжёг большое число граждан [4].

В Нарбонне вспыхнули более серьёзные волнения, хотя туда ещё не посылали штатных инквизиторов. В марте 1234 года приор доминиканцев Франциск Феррер по собственной инициативе предпринял инквизицию и бросил в тюрьму гражданина по имени Раймунд д'Аржанс. Пятнадцать лет назад ремесленники предместья создали лигу взаимной защиты, которую называли l'Amitié; эти люди поднялись с удивительным единодушием и силой освободили узника. Архиепископ Пьер Амьель и виконт Эмери де Нарбонн решили произвести новый арест; но l'Amitié охраняла дом д'Аржанса, бросилась на преследователей с криками «Убей! Убей!» и рассеяла их после короткой стычки, в которой приор был сильно избит. Архиепископ прибег к отлучению и интердикту — впрочем, без большого результата. L'Amitié захватила его владения и изгнала его самого из города. Тогда обе партии стали искать союзников. Григорий IX обратился к Хайме, королю Арагона, в то время как консулы Нарбонны передали свои жалобы коллегам в Ниме.

Кажется, они хотели, сообщая множество подробностей о произволе инквизиторской процедуры, вызвать федерацию городов против Святого Официума. В октябре было заключено нечто вроде перемирия; но вскоре волнения возобновились. Приор, по приказу своего провинциала, предпринял новую инквизицию и произвёл numerous арестов. В декабре граждане обратились к папе, королю и легату: они добились приостановки преследования. Но в 1235 году народ восстал против доминиканцев, изгнал монахов из города, разграбил монастырь и уничтожил все протоколы процедур, проведённых против еретиков. К счастью, архиепископ Пьер имел добрую мысль установить законную границу между городом и предместьем, население которого было примерно равным; он ограничил действие Святого Официума «предместьем», что имело следствием обеспечение ему вооружённой поддержки «города». Предместье перешло под защиту графа Раймунда. Тот был вполне расположен усугубить зло; он прибыл и дал народу в качестве вождей двух известных защитников еретиков, Оливье де Терма и Гирауда де Ниора. Между двумя частями города вспыхнула кровавая война. Борьба продолжалась до 1237 года, когда договорились о перемирии на год. В августе того же года граф Тулузский и сенешаль Каркассона были призваны как арбитры, и в марте 1238 года был заключён мир.

Церковь торжествовала, как свидетельствует условие, налагавшее на нескольких мятежников год службы в Палестине или против мавров Испании.

В Тулузе, центре одновременно ереси и преследования, долгое время были лишь ропот и угрозы; открытая борьба с инквизицией вспыхнула там позже, чем где-либо. Хотя партия Церкви любила представлять графа Раймунда главным противником Святого Официума, всё же, как кажется, именно благодаря влиянию этого князя неизбежный разрыв так долго откладывался. Суровые испытания, перенесённые им с детства, вряд ли могли сделать из него ревностного католика; однако опыт научил его, что только благосклонность и защита Церкви обеспечат ему сохранение тех немногих территорий и той власти, что ему оставили. Если он не мог по убеждению быть гонителем ереси, то, с другой стороны, не смел идти против воли Церкви. Как ни важно было для него сохранить любовь и добрую волю своих подданных, предотвратить разорение своих городов и феодалов, ещё важнее было избежать страшного клейма, присущего покровителям ереси. Первая буря едва не сломила его: нужно было отвести от своей головы угрозу новой опасности. Немногие князья должны были барахтаться среди больших трудностей; опасности осаждали его со всех сторон и приводили в смятение. Человек непостоянного характера, лишённый религиозных убеждений, он сумел, по крайней мере, до самой смерти сохранить своё положение. Трубадур изображает его защищающимся от нападков самых порочных людей, не боящимся ни французов, ни духовенства и смиренным лишь перед добрыми.

Он всегда был в ссоре со своими прелатами. Неразрешимые вопросы о мирских бенефициях порождали непрестанные трудности. Граф прожил жизнь под настоящим дождём отлучений. Он так долго был отлучён от Церкви, что ни один епископ не колебался обрушить на него анафему. С другой стороны, одно из условий договора 1229 года предусматривало, что в течение двух лет граф отправится в Палестину, чтобы там в течение пяти лет воевать с неверными. Два года прошли: обещание не было выполнено. Впрочем, страна никогда не была достаточно спокойной, чтобы князь мог без опасности навязать себе столь долгое отсутствие. Годами главной целью его политики было добиться отсрочки крестового похода или того, чтобы его не держали в строгости за неисполнение обета. Наконец, от Парижского договора до самой смерти он с тщетной настойчивостью добивался, чтобы Рим разрешил ему погребсти тело его отца. Таковы были осложнения, которые его парализовали и оставляли почти безоружным в борьбе с церковной иерархией.

Уже в 1230 году легат упрекал его в неисполнении условий мира; он должен был обещать исправиться. В 1232 году Григорий IX повелительно предписывает ему проявить энергию в деле преследования; мы видим, как в том же году, возможно повинувшись папскому предписанию, он сопровождает епископа Тулузского Раймунда в ночной экспедиции через горы. При этом случае он был вознаграждён за своё рвение захватом девятнадцати совершенных еретиков, мужчин и женщин, среди которых находился один из самых важных вождей, некий Паган, сеньор де Бекед, чей замок, как мы видели, был взят в 1227 году. Все эти несчастные искупили свои заблуждения на костре. Вскоре после этого епископ Турне в качестве папского легата созвал прелатов Лангедока и формально вызвал Раймунда к королю Людовику, чтобы ответить за свою нерадивость в исполнении условий договора. Эта мера имела следствием вынудить графа обнародовать в феврале 1234 года строгие эдикты против еретиков. Это усилие было тщетным, как тщетным было вмешательство Григория, который письмом предписал епископам впредь реже отлучать графа; менее чем за год, по чисто мирским причинам, Раймунд был поражён двумя новыми отлучениями. Папа с ещё большей настойчивостью требовал искоренения ереси; без сомнения, Раймунд проявил в этом случае послушание, ибо страстно желал получить от Рима восстановление маркизата Прованса. На этом поприще его энергично поддерживал король Людовик, чей сын Альфонс должен был стать наследником Раймунда; поэтому к концу этого года он испросил у Григория аудиенцию, которую и получил. Он предстал тогда полностью примирённым с папой; его военная репутация была велика, и Григорий

воспользовался этим визитом, чтобы поручить ему командование папскими войсками, занятыми тогда борьбой с восставшими римскими гражданами. Глава Церкви был изгнан из Рима, куда Раймунду не удалось его вернуть. Тем не менее они расстались в превосходных отношениях; граф вернулся в Тулузу как возлюбленный сын Церкви, готовый во всём исполнять приказы, которые от неё получит.

В своём городе он нашёл положение очень серьёзным: кризис был неминуем, и события должны были подвергнуть суровому испытанию его талант выживания. В обеих партиях кипение страстей, казалось, не могло дольше сдерживаться. На Пасху 1235 года доминиканцы обещали прощение всякому, кто добровольно исповедается: раскаявшиеся еретики явились в таком большом числе, что монахи, перегруженные, должны были призвать на помощь для принятия отречений францисканцев и всех приходских священников города. Этот успех ободрил приора Понса де Сен-Жиль, который принялся приказывать арестовывать всех, кто не пришёл сам к раскаянию. Среди последних оказался некий Арно Доминик, который, чтобы спасти жизнь, обещал выдать одиннадцать еретиков, проживавших в Кассере. Он сдержал слово; но четыре человека спаслись благодаря помощи соседних крестьян. Предатель был освобождён. На этот раз терпение преследуемых иссякло: вскоре после этого Арно был убит в своей постели в Эгрфёйе друзьями тех, кого он выдал.

Другие, ещё более показательные факты свидетельствуют о том, насколько напряжён был общественный дух. Так, видели, как банда, возглавляемая двумя видными гражданами, силой освободила Пьера-Гийема Делора, которого вигье и аббат Сен-Сернена арестовали и вели в тюрьму. Положение стало невыносимым; вскоре уже нельзя было таскать по улицам и сжигать трупы еретиков, не вызывая всеобщего волнения. В этой опасности призывали графа Раймунда, надеясь, что его вмешательство сумеет предотвратить катастрофы. До тех пор, хотя ему немного недоставало рвения в преследовании, против него не было никаких обвинений. Его представители, его бальи и вигье всегда откликались на призывы инквизиторов и оказывали помощь светской руки в делах ареста, костра, конфискаций. На этот раз, прибыв в Тулузу, он попросил инквизиторов на время приостановить строгость их мер. Его не послушали. Тогда он обратился к папскому легату Жану, архиепископу Вьенна, и особо пожаловался на Пьера Челла, чьи действия казались ему продиктованными личной враждой к нему, и которого он считал главным виновником беспорядков. Он просил, чтобы полномочия Челла были ограничены Керси. Его просьба была удовлетворена; инквизитор был отправлен в Кагор, где в сопровождении Понса Дельмона и Гийема Пелиссона предпринял по всей области энергичные облавы, принудив множество виновных признать своё заблуждение.

Эта мера не принесла большой пользы. Преследование продолжалось, всё такое же жестокое, в то время как народное негодование росло; вскоре наступил неизбежный кризис, который должен был решить судьбу инквизиции: либо Святой Официй потерпит неудачу, как потерпела неудачу столь многие прежние усилия, либо он восторжествует над всяким противодействием и станет в стране верховной властью.

Гийем Арно ничуть не был обескуражен изгнанием своего коллеги. После короткого пребывания в Каркассоне, о котором подробно будет сказано чуть позже, он по возвращении тотчас возбудил дело против двенадцати видных граждан Тулузы, включая одного консула, которых обвинил в том, что они верующие. Они отказались явиться и пригрозили прибегнуть к насилию, если Арно не оставит преследования. Он держался твёрдо; тогда ему дали знать, с согласия графа Раймунда, чтобы он сложил с себя обязанности инквизитора или покинул город. Он посоветовался со своими братьями-доминиканцами; единодушно было решено, что он будет энергично продолжать свою миссию. Соответственно, консулы силой изгнали его из города; все монахи проводили его до моста через Гаронну. В момент, когда он расставался с ними, консулы возобновили своё заявление: ему разрешено остаться, если он оставит свою должность; в противном случае именем графа и именем консулов пребывание в Тулузе ему

запрещено. Арно отправился в Каркассон. Оттуда он послал приору Сент-Этьена и приходским священникам приказ возобновить от их имени вызовы, сделанные им ранее. Несмотря на угрозы, это предписание было мужественно исполнено: тогда консулы вызвали приора и священников, продержали их под стражей часть ночи в ратуше, а затем изгнали из города; после чего они торжественно провозгласили, что всякий, кто осмелится возобновить преследование, будет предан смерти, и что всякий, кто подчинится приказам инквизитора, будет наказан лично и в своём имуществе. Последовало ещё одно провозглашение, в котором именем самого Раймунда они запретили давать или продавать что-либо епископу, доминиканцам или каноникам Сент-Этьена. Епископ был таким образом вынужден покинуть город, ибо, говорят, никто не осмелился поставить в печь буханку хлеба, чтобы его накормить. Чернь дошла до того, что ворвалась в его дом, избила его клириков и украла его лошадей. Доминиканцам повезло больше: множество друзей доставляло им необходимое; консулы поставили стражу вокруг монастыря; но арест нескольких носильщиков провизии не помешал тому, чтобы через стены перебрасывали хлеб, сыр и различные продукты. Однако монахи страдали от нехватки воды: нужно было бы идти за этой водой к Гаронне, путь к которой им был преграждён, и они не могли варить свои овощи. Три недели они переносили с благочестивой радостью эту жертву ради святого дела. Затем положение обострилось. Неукротимый Гийем Арно послал из Каркассона письмо приору. Поскольку ни у кого не хватало смелости вызвать непокорных граждан, он вынужден был отдать новые приказы: два монаха должны будут потребовать от мятежников явиться лично перед ним, Арно, в Каркассон, чтобы ответить за свои дурные верования; два других монаха будут их сопровождать как свидетели. Приор велел звонить в монастырский колокол, собрал братьев и сказал им с воодушевлением: «Братья мои, радуйтесь: я пошлю четверых из вас заслужить мученичеством престол Всевышнего. Таковы приказы нашего брата Гийема-инквизитора; согласно угрозе консулов, повиноваться — значит идти на смерть. Пусть те, кто готов умереть за Христа, попросят прощения за свои грехи». Единодушно все монахи бросились на землю, что у доминиканцев было требуемой позой для просьбы о прощении. Приор выбрал четверых из них: Раймунда де Фуа, Жана де Сен-Мишеля, Ги де Наварры и Гийема Пелиссона. Эти люди доблестно исполнили свой долг, проникая при необходимости даже в спальни. Их дурно обошли лишь в одном доме; сыновья обвиняемого вытащили ножи, но присутствующие вмешались.

Против людей, столь искавших мученичества, ничего нельзя было предпринять. Однако удовлетворить их означало бы самоубийство; консулы решили их изгнать. Узнав об этом замысле, приор разделил между верными друзьями книги, сосуды и священные облачения монастыря. На следующий день (5 или 6 ноября 1235 года) монахи после мессы заняли места за скудной трапезой. В этот момент явились консулы в сопровождении огромной толпы, угрожая сломать двери. Монахи процессией направились в свою часовню и сели на свои места. Консулы вошли и потребовали, чтобы они уходили. Когда монахи отказались, каждого из них схватили и вытащили силой; двое из них бросились на землю у порога; их взяли за ноги и руки, чтобы вынести наружу. Затем их провели через город, без других дурных обращений. Идя попарно, распевая *Te Deum* и *Salve Regina*, они придали этому шествию характер процессии. Сначала они поселились на ферме, принадлежавшей церкви Сент-Этьена; но консулы приставили стражу, чтобы помешать доставить им малейшую помощь. На следующий день приор рассеял их по различным монастырям провинции. Всё это дело способствовало тому, что они снискали симпатию верующих. Два весьма уважаемых человека присоединились к ним и вступили в орден в ходе самих этих событий.

Настойчивость Гийема придала такой авторитет должности инквизитора, что ему было поручено отомстить за эту серию оскорблений, нанесённых церковной неприкосновенности. Епископ Раймунд, который присоединился к нему в Каркассоне, не предал анафеме виновников своего изгнания; анафема была быстро провозглашена 10 ноября 1235 года инквизи-

тором, который к тому же сослался на согласное свидетельство епископов Тулузы и Каркассона. Наказание ограничивалось консулами; но граф Раймунд не мог сложить с себя свою долю ответственности. Отлучение было передано францисканцам Тулузы с поручением опубликовать его: они повиновались и также были довольно грубо изгнаны, так что мятежный город оказался фактически лишённым церковнослужителей. Последовали новые отлучения, распространившиеся на этот раз на графа Раймунда. Приор Понс де Сен-Жиль поспешил отправиться в Италию, чтобы доверить сочувственным ушам папы и Священной коллегии рассказ о своих злоключениях. Григорий обратился к графу как к главному виновнику. Он направил ему 28 апреля 1236 года грозный бреве, составленный в самых суровых выражениях. Граф объявляется в нём ответственным за эксцессы, совершённые консулами; ему напоминают об обете крестового похода, который он пренебрёг исполнить; мало того, что, неверный своему обещанию, он не искоренил ересь, но он явно покровительствует и защищает еретиков; он делает свои земли местом убежища для тех, кто бежит от преследований, ведущихся в других местах, так что с каждым днём ересь распространяется всё шире и обращения католиков часты, в то время как ревностные церковнослужители, стремящиеся остановить зло, безнаказанно подвергаются дурному обращению или даже убиваются. Ему поэтому даётся повелительный приказ исправиться и отплыть со своими рыцарями в Святую землю во время «великого отбытия» в марте 1237 года. Папа не щадил ему даже напоминания о бедах, которые Церковь и крестоносцы претерпели, чтобы избавить его страну от ереси. Это напоминание о прошлом не было необходимо: Раймунд слишком хорошо знал, из какой пропасти он выбрался, чтобы рисковать снова в неё упасть. Он зашёл так далеко в дерзости, как только возможно, в надежде защитить своих подданных; было бы безумием навлечь на свою голову и на их головы новое нашествие этих разбойников, которых одно слово папы могло выпустить на волю и которые добывали спасение остриём меча[5].

Письмо, адресованное Раймунду, сопровождалось другим, предназначенным легату. Оно приглашало его обязать графа исправиться и предпринять крестовый поход. Папа написал Фридриху II, чтобы запретить ему требовать от Раймунда феодальной службы, поскольку тот был поражён отлучением и, сверх того, фактически еретик. Император дал на это письмо весьма разумный ответ: он заявил, что, пока Раймунд является владельцем феода, относящегося к Империи, отлучение не может обеспечить вассалу освобождения от его обязанностей перед сюзереном. Был направлен ещё призыв к королю Людовику, чтобы поторопить его ускорить брак его сына Альфонса с Жанной, дочерью Раймунда. Граф, видя, как перед ним поднимается призрак вооружённой Европы, мог только уступить. Поэтому, приглашённый легатом присоединиться к инквизиторам в Каркассоне, он смиренно туда отправился и совещался с инквизиторами и епископом. Совещание завершилось обещанием графа вернуть епископа, монахов и духовенство в Тулузу, обещанием, которое он, впрочем, сдержал. Монахи были официально восстановлены в правах в сентябре. Естественно, вместе с ними вернулся и Гийем Арно.

Пьер Челла оставался в пределах своей епархии Керси» (или: «Пьер Челла был прикован к своей епархии Керси» / «оставался запертым в своей епархии Керси»). Кто будет новым коллегой Гийема? Чтобы сделать уступку народному чувству, легат выбрал францисканца: относительная мягкость этого ордена смягчит, думал он, ненависть, которую внушали доминиканцы. Вакантная должность была доверена провинциалу Жану де Нотоире. Тот, слишком поглощённый другими своими обязанностями, взял себе в заместители брата Этьена де Сен-Тибери, который слыл человеком простым и приветливым. Но надежда, задуманная легатом, не оправдалась: инквизиция ничуть не смягчила своей строгости. Оба коллеги договорились работать сообща и шли с равным рвением к одной и той же цели.

Гийем Арно был неутомимо деятелен. Он утешился в своём изгнании в Каркассоне, ведя там процесс сеньора де Ниора, которого осудил в феврале или марте 1236 года. В первые

месяцы 1237 года его видели в Керси, где он помогал Пьеру Челла преследовать еретиков Монтана. Он всё ещё отсутствовал, когда в Тулузе произошло блистательное обращение, посеявшее безумный ужас среди еретиков и продвинувшее на большой шаг дело разрушения. Раймунд Гро был более двадцати лет еретиком-«совершенным»; секта считала его своим любимым вождём; она питала к нему полнейшее доверие. Внезапно он обратился. Традиция рассказывает, что четверть века назад, арестованный и приговорённый к костру, он был спасён от пламени заступничеством святого Доминика.

Святой, по-видимому, предугадал, что этот человек однажды вернётся в лоно Церкви и блистательно послужит делу Божьему. 2 апреля, не объявляя о себе, Раймунд Гро явился в монастырь доминиканцев, смиренно попросил, чтобы его допустили к раскаянию, и обязался исполнять все приказы, которые ему дадут. С рвением неопита он раскрыл всё, чему научили его годы общения с катарами. Воспоминания теснились на его устах до такой степени, что потребовалось несколько дней, чтобы записать все имена и все факты. Так был составлен длинный список знати и видных граждан; отступник подтверждал в некоторых пунктах прежние подозрения и открывал также существование ереси в тех кругах, где до тех пор пренебрегали её поисками. Гийем Арно поспешно вернулся из Монтана: речь шла о том, чтобы извлечь выгоду из этого провиденциального события. Еретики были в ужасе. Никто не осмелился оспорить правдивость обвинений, выдвинутых Раймундом Гро. Многие бежали, чьи имена встречаются вновь при резне в Авиньоне и в финальной катастрофе Монсегюра. Другие отреклись и добавили новые разоблачения к тем, что сделал их прежний вождь. Были составлены длинные списки людей, «охеретиченных» на смертном одре: питегоус трупы были выкопаны и сожжены; затем последовал обильный урожай конфискаций.

Это был для еретиков страшный удар. Тулуза была их главной квартирой. Знать и рыцари, консулы и богатые бюргеры до тех пор бросали вызов розыскам инквизиторов, защищая при этом своих менее удачливых братьев. Они внезапно оказались рассеяны, преследуемы, принуждены к отречению или отведены на костёр; сила их тайной организации была сломлена безвозвратно. Понятно, что летописец предаётся порывам благочестивой радости, завершая картину подавленности и смятения, охвативших еретическую общину: «Их имена не вписаны в Книгу Жизни; их тела были сожжены на этой земле, а их души терзаются в аду!» Один и тот же приговор, вынесенный 19 февраля 1238 года, осуждал скопом на пожизненное заключение более двадцати кающихся. Можно судить по этому, насколько обильным был урожай и какова была поспешность жнецов [6].

Так инквизиция торжествовала, несмотря на ужас, который её действия внушали народу. Она сломила сопротивление светских властей и пустила в почву глубокие корни. Скосив зло в Тулузе, инквизиторы захотели проявить свою неутомимую деятельность и в других местах. Они предприняли поездки и провели заседания во всех городах, подчинённых их юрисдикции, избавляя вызываемых обвиняемых от хлопот переезда. Их постоянное усердие приносило плоды. Еретики наконец покидали земли Раймунда и искали убежища за границей. Кажется, некоторое число из них обосновалось на владениях Короны, ибо в том же году Григорий упрекнул королевских чиновников в недостаточном рвении при исполнении приговоров, вынесенных против могущественных еретиков. Везде в остальном преследование свирепствовало без перерыва. Именно в этом году Понс де л'Эспарр в Провансе отличился своей дикой энергией в победоносной борьбе против врагов веры. Однако в Монпелье еретики непрестанно стекались и успешно распространяли свои заблуждения: встревоженные граждане умоляли Григория о помощи. Папа послал им своего легата Жана Вьеннского с поручением принять необходимые меры для сопротивления растущему потоку.

Однако в продвижении инквизиции были некоторые остановки. Граф Раймунд, казалось, не был взволнован многочисленными отлучениями, тяготевшими над ним. Вместо того чтобы отплыть в марте в Палестину, он захватил Марсель, восставший против его сюзерена, графа

Прованского. Новое негодование Григория: эта ссора между христианскими князьями наносила ущерб войне против сарацин Испании и неверных Святой земли; сверх того, она должна была предоставить еретикам временную безнаказанность. Раймунд получил повелительный приказ оставить своё предприятие против Марселя и наконец исполнить свой обет крестового похода. Он испросил вмешательства короля Людовика и королевы Бланки, что принесло ему новую отсрочку на год. Он одновременно просил, чтобы инквизиция перестала быть доверена доминиканцам, заявляя, что эти монахи движимы личной ненавистью к нему: легату было разрешено удовлетворить эту просьбу, если жалобы графа будут после рассмотрения признаны обоснованными.

В Тулузе вспыхнули новые беспорядки. 24 июля 1237 года инквизитор в очередной раз отлучил вигье и консулов, виновных в том, что они не арестовали и не сожгли Аламана де Роэ и других еретиков, осуждённых *in absentia*. Поэтому Раймунд решил сделать возможное, чтобы освободить себя и своих подданных от слишком жестокого угнетения [7].

В этом отношении его усилия увенчались абсолютно неожиданным успехом. 13 мая 1238 года инквизиторская процедура была по просьбе Раймунда приостановлена на три месяца; граф мог воспользоваться этой отсрочкой, чтобы направить Григорию свои жалобы. Без сомнения, он сумел найти убедительные аргументы, ибо Григорий написал епископу Тулузскому продлить приостановку до прибытия нового легата, кардинала-епископа Палестрины: тот, получив поручение рассмотреть факты, вменяемые в вину доминиканцам, решит, следует ли удовлетворить просьбу Раймунда и вернуть исключительно епископской юрисдикции ведение дел о ереси. Крестовый поход Раймунда был сокращён до трёх лет и должен был быть совершён свободно, при условии, что граф формально обещает королю Людовику отплыть в следующем году. Если он исполнит крестовый поход, если принесёт покаяние за все свои проступки против Церкви, Раймунд будет освобождён от многочисленных отлучений, тяготевших над ним.

Неожиданное обстоятельство продлило временную приостановку инквизиции. В связи с борьбой против Фридриха II отъезд кардинала-легата был отложен на год. Этот прелат прибыл наконец в 1239 году, облечённый полными полномочиями в отношении инквизиторов. Каково было его расследование, каковы были его выводы, мы не знаем. Факт в том, что до конца 1241 года инквизиция была абсолютно парализована. Не сохранилось никаких следов её деятельности в этот период. Католики и катары могли свободно вздохнуть, не чувствуя более на себе неперестанного надзора и поистине сверхчеловеческой энергии монахов.

Легко понять причины, определившие восстановление инквизиции. Епископы проявили ту же небрежность, что и в прошлом; они интересовались исключительно своими мирскими бенефициями и мало заботились о том, чтобы следить за ортодоксией своих овец. Еретики, ободрённые терпимостью, становились всё более дерзкими; они питали надежду на возвращение к добрым старым временам, когда без страха, под властью князей своей секты, они могли в полной безопасности бросать вызов далёким врагам, Парижу и Риму. Поэтому состояние страны было отнюдь не обнадеживающим, особенно в доменах Короны. Регион был полон рыцарей и баронов, более или менее открыто еретических, живущих под непрерывной угрозой близкого преследования. Изгнанные за ересь сеньоры нашли там убежище; другие, обращённые силой, втайне горели желанием исповедовать свою скрытую веру и вернуть свои конфискованные земли; кающиеся, уставшие нести свои кресты, мечтали отомстить за перенесённые унижения. Беглецы — лишённые владений изгнанники, еретические доктора — бродили по горам, ночуя в пещерах, скрываясь в глубине лесов. Не было семьи, которой не нужно было бы отомстить за какого-нибудь родственника, павшего на поле битвы или умершего на костре. Отсутствие тюрем и скупость прелатов помешали прибегнуть к всеобщему заключению, и не было зажжено достаточно костров, чтобы сколько-нибудь заметно сократить число заклятых врагов установленного порядка. Внезапно в 1240 году вспыхнуло восстание под предводительством Тренкавеля. Тренкавель был сыном того виконта Безье, который, пойманный в ловушку

Симоном де Монфором, умер столь кстати, что заподозрили отравление. Тренкавель привёл из Каталонии армию рыцарей и изгнанных дворян. Его вассалы и подданные встретили его с восторгом. Граф Раймунд, кузен мятежника, держался сдержанно; но его двусмысленное поведение предвещало, что он вступит в игру, когда увидит свою выгоду в успехе или поражении одной из партий. Восстание, казалось, сначала торжествовало. Тренкавель осадил город своих предков Каркассон; предместье сдалось. Таково было настроение победителей, что они хладнокровно убили тридцать церковнослужителей, которым торжественно обещали свободно отпустить в Нарбонну [8].

Небольшой королевский отряд под командованием Жана де Бомона оказался достаточным, чтобы раздавить восстание так же быстро, как оно поднялось. Последовавшие репрессии полностью уничтожили мелкое дворянство страны. Это было, однако, для Короны спасительным предупреждением. Гражданская организация в то время в Южной Франции была неразрывно связана с религиозной организацией. Чтобы последняя сохранилась, нужно было, чтобы охрана её была доверена людям более энергичным и более внимательным, чем прелаты, озабоченные своими личными интересами. В 1241 году под председательством Эмери де Колле, еретического епископа Альби, катары собрались на большое собрание на правом берегу Ларнетты, показывая тем самым, что их дерзость укрепилась и что они с уверенностью смотрят в будущее. Церковь и государство могли тогда понять, лучше, чем когда-либо, насколько инквизиция была для них необходимым оружием, если они хотели сохранить преимущества, с таким трудом добытые крестовыми походами.

Основатель инквизиции Григорий IX умер 22 августа 1241 года. Вероятно, перед смертью он вернул инквизиции свободу действий. Действительно, его непосредственный преемник Целестин IV был папой всего девятнадцать дней (с 20 сентября по 8 октября). Последовало междуцарствие, длившееся до избрания Иннокентия IV 28 июня 1243 года. Таким образом, почти два года папский престол был фактически вакантен. В это время политика Раймунда клонилась к тому, чтобы снискать благосклонность папства. Граф стремился получить от Григория сначала снятие четырёх своих отлучений и снисхождение в отношении крестового похода, затем диспенсацию, позволявшую ему жениться на Санче, дочери и наследнице графа Прованского. Он не предвидел, что в этом вопросе его опередит королева Бланка и, обеспечив этот блистательный союз своему сыну Карлу, положит основание дому Анжу-Прованс и приобретёт для королевского домена новую и прекрасную часть Юга.

Всецело занятый этими планами, подававшими ему надежду на восстановление своей власти, граф подписал с Хайме I Арагонским договор о союзе для защиты Святого престола и католической веры против еретиков. Отданный подобным влияниям, он едва ли мог противиться новому подъёму преследования. Впрочем, замешанный в восстании Тренкавеля и вызванный к королю Людовику, чтобы ответить за своё поведение, он должен был 14 марта объявиться под присягой изгнать со своих земель лишённых владений изгнанников и врагов короля и без промедления захватить замок Монсегюр, последнее убежище ереси. Один факт хорошо показывает, какие тесные узы связывали тогда дела религии и дела политики, какие препятствия встречала инквизиция в своей борьбе с одинаково упорной ересью и патриотизмом, какой вред, наконец, нанесло еретикам поражение восстания. В восстании Тренкавеля приняли участие могущественные сеньоры Фенуйедеса, сеньоры де Ниор. Эти три брата, Гийем Гирауд, Бернар Ото и Гирауд Бернар, а также их мать Эсклармонда, были добычей, которую инквизиторы и королевский сенешаль Каркассона давно ревностно преследовали. Гийем приобрел репутацию доблестного рыцаря во время крестовых походов; его братья сумели сохранить свои замки и свою власть среди превратностей времени. Во время всеобщей инквизиции, предпринятой в 1229 году кардиналом Романо, они были отмечены в числе главных вождей еретиков. В то же время Тулузский собор объявил двух из них врагами веры и пригрозил им отлучением, если они не покорятся в течение пятнадцати дней. Около 1233 года или немного раньше они,

как нам говорят, опустошили огнём и мечом земли Пьера Амьеля, архиепископа Нарбоннского. Они напали на прелата и ранили его самого, когда он направлялся к Святому престолу. Григорий IX приказал архиепископу объединиться с епископом Тулузским, чтобы начать против этих преступников энергичную процедуру. В то же время он обратился с настоятельным призывом к светской руке в лице графа Раймунда. Соответственно, епископ Раймунд дю Фога и прево Тулузы провели процесс. Были вызваны, помимо Пьера Амьеля, сто семь свидетелей. Архиепископ под присягой сделал длинное перечисление проступков, совершённых его врагами. Все они были, по его мнению, еретиками. Они в определённый момент укрыли в своём замке Дурн до тридцати совершенных еретиков; они велели убить Андре Шоле, сенешаля Каркассона, за то, что тот попытался доказать их виновность. Другие свидетели были столь же категоричны. Бернар Ото однажды заставил замолчать священника в церкви самого этого церковнослужителя и велел взойти на кафедру вместо ортодокса еретика, который произнёс проповедь. Однако нашлось питегоус свидетелей, которые мужественно защищали обвиняемых. Наставник госпиталя Пуизегюра засвидетельствовал ортодоксию Бернара Ото и заявил, что усилия, предпринятые этим сеньором в пользу веры и умиротворения, стали причиной смерти тысячи еретиков. Один священник поклялся, что видел, как он содействовал захвату нескольких врагов веры. Один архидиакон заявил, что не остался бы в стране, если бы не был защищён армией, которую Бернар собрал после смерти покойного короля. Тот же свидетель добавил, что преследование кажется ему продиктованным скорее ненавистью, чем благочестием. Поэтому эта первая попытка провалилась. В 1234 году мы видим Бернара Ото свидетелем в договоре между королевским сенешалем и монастырём Але. Однако инквизиция, однажды учреждённая, вскоре была приведена к тому, чтобы обрушиться на этих сеньоров, которые, претендуя на сохранение своей феодальной независимости, не признавали власти короля, отныне их непосредственного сюзерена. В 1235 году инквизитор Гийем Арно, тогда в Каркассоне, в сопровождении архидиакона этого города, вызвал к себе трёх братьев и их мать. Бернар Ото и Гийем откликнулись на вызов, но ни в чём не признались. Сенешаль их арестовал. Пытка вырвала у Гийема признание, достаточное для того, чтобы инквизитор счёл себя вправе приговорить его к пожизненному заключению (2 марта 1236 года). Бернар же упорствовал в своём ожесточении и был осуждён как нераскаявшийся еретик 13 февраля 1236 года. Сенешаль уже готовил костёр. Гирауд и его мать были осуждены позже, 2 марта, как неявившиеся. Гирауд, сумевший избежать ареста, принялся укреплять свои замки. Его военные приготовления стали столь грозными, что французы, рассеянные по стране, встревожились. Маршал Веры Левис де Мирпуа ждал нападения; но другие французы добились от сенешаля освобождения братьев. Инквизитору осталось лишь безобидное удовлетворение осудить всю семью на бумаге. Правда, он утешился в этом разочаровании, отправив на костёр немалое число менее грозных еретиков, как церковных, так и светских. Два года спустя инквизиторы тщетно пытались добиться, чтобы граф Раймунд исполнил их приговор и конфисковал земли неявившихся сеньоров. Именно поражение Тренкавеля вынудило сеньоров де Ниор просить мира. Бернар Ото был снова приведён перед инквизицией, и Гийем де Ниор сделал представление от своего имени и от имени своих братьев. Они предложили передать свои замки королю при условии, что тот получит от Церкви прощение для них и для их матери, племянников и союзников. Если король не выполнит это условие к Пятидесятнице, он вернёт им замки и предоставит месяц перемирия для подготовки их защиты. Людовик Святой ратифицировал договор в январе 1241 года; но, когда наступил срок, он отказался вернуть замки и согласился лишь выплачивать с них доходы при условии, что братья воздержатся от проживания в Фенуйедесе. Гийем умер в 1256 году. Людовик сохранил замки и доходы, ссылаясь на то, что вёл дело лично с покойным. В то время положение достаточно укрепилось, чтобы впредь не опасаться никакого сопротивления. Так исчезла эта могущественная семья. Видно на этом показательном примере, как независимость

сеньоров была мало-помалу разрушена инквизицией и как постепенно распространялась по стране власть Короны и Церкви.

За поражением Тренкавеля последовала реакция. Инквизиторы осмелели, видя народ лишённым его местных защитников. Они привнесли в своё дело удвоенное рвение и энергию. Сохранился список приговоров, вынесенных Пьером Челла в ходе поездки на несколько месяцев по Керси, от Адвента 1241 года до Вознесения 1242 года. Это удача, что этот документ сохранился, ибо он весьма поучительно освещает целый период инквизиторских действий.

Известно, что, когда инквизитор прибывал в город, он объявлял время благодати. Те, кто в установленный срок являлись сами с исповедью, избегали строгостей тюрьмы, конфискации или костра. Этот обычай был чрезвычайно выгоден для инквизиции. Он приносил ей не только большое число обращений, но и обильные свидетельства против более закоренелых еретиков. Речь идёт о списке дел такого рода [9].

Вот краткое изложение произведённых действий:

В Гурдоне: 219 приговоров, вынесенных в Адвент 1241 года. В Монкюке: 84 приговора, вынесенных в Великий пост 1242 года. В Совтере: 5 В Белькейре: 7 В Монтабане: 234 приговора, вынесенных на неделе перед Вознесением (21–28 мая 1242 года). В Муассакке: 99 приговоров, вынесенных на неделе Вознесения (28 мая — 5 июня 1242 года). В Монпеза: 22 приговора, вынесенных в Великий пост 1242 года. В Монтане: 23 приговора, вынесенных в Великий пост 1242 года. В Кастельнау: 11 приговоров, вынесенных в Великий пост 1242 года.

Всего: 724.

Четырёмстам двадцати семи из этих кающихся было предписано паломничество в Компостеллу, на северо-западную оконечность Испании. Нужно было пройти от четырёх до пяти сот миль по горным дорогам. Сто восемь были отправлены в Кентербери. Все, кроме трёх или четырёх, должны были совершить это паломничество в дополнение к паломничеству в Компостеллу. Только двое отправились в Рим. Семьдесят девять были принуждены принять крест на срок от одного до восьми лет.

Глядя на этот список, прежде всего поражаешься необычайной быстроте, с какой велась работа. Все эти приговоры были вынесены за шесть месяцев. При этом ничто не доказывает, что дело правосудия вершилось непрерывно. Фактически невозможно было обойтись без некоторых перерывов: инквизитор был обязан перемещаться, предоставлять вызванным обвиняемым необходимые сроки и часто оставлять свои дела в подвешенном состоянии, чтобы собрать свидетельства о неявившихся. С какой беспечной лёгкостью налагались епитимии, если за четыре недели Адвента можно было зарегистрировать исповеди и вынести приговоры двумстам девятнадцати кающимся Гурдона! Ещё эта поспешность превзойдена в Монтабане, где двести пятьдесят два приговора были вынесены на неделе перед Вознесением — в среднем сорок два в день. В различных делах один и тот же приговор применяется к двум виновным.

Множество осуждённых ещё более показательны: двести девятнадцать для такого маленького города, как Гурдон, восемьдесят четыре для Монкюка! Без сомнения, среди этих людей была высокая доля настоящих еретиков. Катары и вальденсы, население было глубоко пропитано ересью. Однако ещё больше было добрых католиков. Дружеские связи, существовавшие между различными сектами, подвергали самого ортодоксального опасности оказаться причастным к еретикам и наказанным, как они. Таков был случай священника, который признался, что ходил в виноградник в компании еретиков, читал в их книгах и делил с ними груши. Ему строго пришлось искупить свою неосторожность: он был отстранён от должности, отправлен в Компостеллу и оттуда в Рим. Инквизиторы вручили ему письма, которые, несомненно, не были исполнены благожелательности. Они, по-видимому, чувствовали себя неспособными решить, какого наказания заслуживает столь великое преступление. Самые невинные нарушения такого рода карались суровыми епитимиями. Гражданин Совтера видел, как трое еретиков вошли в дом больного, который, как он слышал, позволил им «охеретичить» себя. Сам обвиняемый ничего

не знал наверняка. Тем не менее он должен был принять в качестве епитимии паломничество в Пюи. Житель Белькейра нёс письмо, адресованное одним еретиком другому: он был отправлен в Пюи, Сен-Жиль и Компостеллу. Врач из Монтабана перевязал руку еретика: та же епитимия была наложена на него, а также на женщину, обедавшую с еретиками. Это тройное паломничество было наложено также на различных лодочников, которые, не зная того, перевозили еретиков и признали их таковыми лишь в пути или в конце путешествия. Женщина за то, что ела и пила в компании другой женщины, которую называли еретичкой, была приговорена к паломничествам в Пюи и Сен-Жиль. Та же епитимия постигла мужчину за то, что он однажды навещал еретиков, и женщину за то, что обратилась по поводу больного сына к вальденскому врачу. Вальденсы действительно были известными врачами: два человека, прибегшие к их науке для лечения женщин или детей, подверглись в качестве епитимии паломничествам в Пюи, Сен-Жиль и Компостеллу. Гражданин, два или три раза навещивший еретиков, получил прощение, одарив монастырь. Однако он был принуждён к питегоус паломничествам, в частности к Компостелле и Кентербери; сверх того, он должен был в течение года носить жёлтый крест. Другие ещё были отправлены в Компостеллу: один за то, что оказался на борту лодки вместе с еретиками — хотя он отошёл от них, узнав об их ереси —, другой за то, что в детстве провёл часть дня и ночи с еретиками. За то, что когда-то в двенадцатилетнем возрасте навещал еретиков, другой был отправлен в Пюи; женщина, видевшая их в отцовском доме, должна была отправиться в Пюи и Сен-Жиль. Мужчина, видевший, как двое еретиков вышли из дома, который он сдавал, был отправлен в Компостеллу; другой, принявший визит своей матери-вальденки и подаривший ей локоть сукна, искупил это преступление паломничествами в Пюи, Сен-Жиль и Компостеллу. Можно было бы бесконечно продолжать это перечисление. Предыдущего достаточно, чтобы показать природу проступков и род снисхождения, применяемого к добровольной исповеди. Ничто не доказывает, что среди осуждённых не было превосходных ортодоксов. Тем не менее нужно было дать понять народу, что терпимость, практиковавшаяся веками, отныне отменена. Одно лишь соседское общение между католиками, катарами и вальденсами было грехом. Еретик был диким зверем. Его должно было травить и ловить, как такового, или, по крайней мере, избегать, как прокажённого.

Таковы были меры, применяемые во время благодати к добровольным обращениям. Более суровые меры были предназначены для преступлений, обнаруженных позже. Легко вообразить чувства, которые инквизиция внушала всему населению, без различия верований. Ужас распространялся повсюду, когда узнавали о близком прибытии инквизиторов. Не было гражданина, который не сознавал бы, что повинен — хотя бы из милосердия к соседу — в каком-либо деянии, квалифицируемом как преступление этими грозными фанатиками, которые назывались Пьер Челла или Гийем Арно. Еретики ожидали пожизненного заключения, конфискации, костра, если их не отправляли в Константинополь защищать шатающуюся Латинскую империю. Со своей стороны, католики едва ли надеялись на лучшую участь. Если их избавляли от более суровых наказаний, если их освобождали от ношения унижительного жёлтого креста, то, напротив, их приговаривали к далёким паломничествам. Таким образом, в глазах самих верующих приход монахов был как опустошительный бич. Инквизиторы спокойно пересекали страну, оставляя за собой почти полностью обезлюдивший край. В то время как отцы и матери уходили на месяцы или годы в паломничества к далёким святыням, их семьи оставались дома, умирая от голода; урожай на корню доставался первому встречному; весь плод трудов целой жизни, и без того тяжёлой, был потерян, конфискован, уничтожен. Ещё список, подобный списку приговоров, вынесенных Пьером Челла во время благодати, освещает лишь часть работы. Год или два спустя Нарбоннский собор должен был пригласить инквизиторов временно приостановить приговоры к тюремному заключению: число людей, приходивших стадами просить прощения после истечения времени благодати, было, действительно, столь

велико, что не хватало денег на их содержание. Не находилось даже в этой горной стране достаточно камня, чтобы построить тюрьмы!

Поэтому часто случалось, как в Кастильнодари, что жители, предупреждённые вовремя, объединялись, чтобы противодействовать делу инквизиторов. Рано или поздно эти отчаянные попытки должны были привести к катастрофе: ею стала резня в Авиньоне.

Долгие годы замок Монсегюр был Фавором катаров. Это было, как указывает название, надёжное убежище, открытое для тех, кто не мог надеяться на безопасность в другом месте. Разрушенный в первый раз, он был отстроен в начале века Раймундом де Перейлем, который в течение сорока лет предоставлял там убежище еретикам, отдавая на защиту преследуемых всё своё рвение и все свои средства. В 1232 году епископы-катары Тевтон Аженский и Гийабер (из Кастра) Тулузский, а также *pimegous* министры, видя непрерывный рост угнетения и преследования, поняли необходимость обеспечить себе крепость, которая при случае могла бы служить убежищем. Было условлено, что Раймунд примет и укроет всех беглецов секты и что общая казна будет доверена его охране. Замок, расположенный на землях маршалов Мирпуа, никогда не открывал своих ворот французам. Чтобы укрепить эту почти неприступную вершину, было использовано всё, что могли подсказать стратегические знания эпохи, всё, что могли выполнить руки преданных помощников. С самого начала инквизиторского преследования в Монсегюре стали укрываться закоренелые [еретики], чувствовавшие, как на них тяжелеет рука инквизитора. Лишённые владений рыцари, изгнанники всякого рода приходили отдать свои мечи на службу владельцу замка. Епископы и министры-катары искали там убежища от слишком насущной опасности или приходили отдохнуть от трудов и опасностей своей миссии. Сам Раймунд де Перейль нашёл там приют в 1237 году, когда, скомпрометированный разоблачениями Раймунда Гро, бежал из Тулузы со своей женой Корбой. Преданность его рода ереси была, впрочем, засвидетельствована судьбой его дочери Эсклармонды, погибшей на костре, и деятельностью его брата Арно Роже, епископа-катара.

Эта крепость в руках отчаявшихся людей, воспламенённых самым диким фанатизмом, была угрозой для нового порядка вещей. Для Церкви это было проклятое место, откуда ересь могла в любой момент выплеснуться и снова распространиться по стране. Долгое время все добрые католики желали, чтобы Монсегюр был разрушен. 14 марта 1241 года граф Раймунд среди прочих условий, которыми он заслужил прощение за свои подозрительные связи с Тренкавелем, обещал захватить замок. Действительно, в том же году он сделал вид, что осаждает его; но успех был бы слишком противоречащим осуществлению проектов, которые он тогда питал. Его усилия послужили лишь предлогом для военных приготовлений, предназначенных для совершенно иной цели. Французская армия, раздавив восстание, также пришла осадить крепость Монсегюр, но не смогла её взять.

В 1242 году, вечером Вознесения, Пьер Челла спокойно завершал своё дело в Монтанбане, когда пришла весть, которая его испугала, а вскоре изумила мир. Инквизиторы были убиты в Авиньоне, маленьком городке в двенадцати лье от Тулузы. Суровый Гийем Арно и приветливый Этьен де Сен-Тибери совершали тогда, как и их коллега Пьер Челла, поездку по провинции, подвластной их юрисдикции. Из некоторых их приговоров, которые сохранились, известно, что в ноябре 1241 года они действовали в Лаворе и Сен-Поль де Кожу, а весной 1242 года прибыли в Авиньон. В этом городе балы от имени графа был Раймунд д'Альфарио, приходившийся ему племянником по матери, Гийеметте, побочной дочери Раймунда VI. Узнав о прибытии инквизиторов и их помощников, он поспешил замыслить их гибель. Он отправил гонца к еретикам Монсегюра. По его просьбе Пьер Роже де Мирпуа тотчас отправился в путь с большим числом рыцарей, сопровождаемых своими людьми. Они остановились в лесу Гайак, близ Авиньона. Им принесли провизию. Около тридцати человек из округи пришли вооружёнными присоединиться к ним. Они ждали наступления ночи. На случай, если этот план провалится, Альфарио устроил ещё одну засаду на дороге в Кастильнодари. Жестокое дело инквизи-

ции вызвало столь всеобщую ненависть, что этот обширный заговор смог организовать на месте, не найдя ни одного предателя среди заговорщиков. Ещё более показательно: убийцы, возвращаясь в Монсегюр, были гостеприимно приняты в замке Сен-Феликс ортодоксальным священником, который не знал об их кровавом подвиге.

Жертвы, без недоверия, пришли в ловушку. Всего их было девять. Два инквизитора, два монаха-доминиканца, один францисканец, приор бенедиктинцев Авиньона, архидиакон Леза, Раймунд де Костиран, бывший трубадур, от которого осталась лишь одна непристойная песня, клирик архидиакона, нотариус и два пристава — словом, весь аппарат судебной силы, необходимый для активного ведения дела. Они были дружески размещены в замке графа, где решили на следующий день открыть заседания своего трибунала и судить жителей, дрожавших от страха. С наступлением ночи двенадцать отборных людей, вооружённых топорами, вышли из леса и украдкой пробрались к калитке замка. Там один из товарищей Альфаро, Голеран, вышел им навстречу, удостоверился, что всё в порядке, и вернулся посмотреть, что делают инквизиторы. Он вернулся в первый раз и объявил, что они заняты питьём. Немного позже он явился снова с добрыми вестями: инквизиторы ложились спать. Как будто опасаясь какой-то опасности, они все остались в большом зале, дверь которого забаррикадировали. Калитку открыли, люди Монсегюра вошли и присоединились к Альфаро, вооружённому палицей и сопровождаемому двадцатью пятью гражданами Авиньона. Оруженосец на службе инквизиторов сопровождал их, что доказывает, что предательство сыграло свою роль в этом деле. Дверь зала была быстро взломана; обезумевшая банда ворвалась, прикончила своих жертв и издала радостные крики, празднуя свершённую месть. Каждый превозносил свою долю в этих кровавых репрессалиях. Альфаро в особенности кричал: «*Va be, esta be*» — и провозглашал, что его палица хорошо исполнила свой долг. Размозжив череп Гийему Арно, она отняла у Пьера Роже де Мирпуа, второго командира в Монсегюре, чашу, которую тот потребовал в знак признания его содействия. Убийцы разделили между собой добычу от своих жертв — лошадей, книги, одежду, вплоть до скапуляриев. Когда весть дошла до Рима, коллегия кардиналов поспешила объявить, что убитые инквизиторы — мученики во Иисусе Христе. Одним из первых актов Иннокентия IV, избранного в июне 1243 года, было подтверждение этого заявления. Однако эти мученики так и не были канонизированы. Напрасно направляли прошение за прошением в Святой престол; напрасно *numerosus* чудеса свидетельствовали об их святости в глазах народа. Лишь в 1800 году Пий IX даровал им запоздалое освящение[10].

Как убийство легата Пьера де Кастельно в 1208 году, резня в Авиньоне была роковой ошибкой. Это грубое оскорбление традиционной святости церковнослужителей вызвало содрогание ужаса даже у тех, кто осуждал жестокость инквизиции. Дерзость покушения, безжалостная свирепость, с какой оно было совершено, позволяли думать, что отныне только сила способна искоренить ересь. Неудивительно, что симпатия в этот момент переменила объект. Однако резня фактически осталась безнаказанной. Брат Феррер, инквизитор Каркассона, провёл по этому делу надлежащее расследование; после взятия Монсегюра в 1244 году все подробности заговора были *confessed* некоторыми из участвовавших в нём людей; но настоящие виновники остались невредимы. Граф Раймунд, правда, когда его тяжкие занятия оставляли ему досуг, вешал различных незначительных соучастников; Раймунд д'Альфаро тем не менее был произведён в 1247 году в вигье Тулузы; он представлял своего господина в ходатайствах о погребении покойного графа; наконец, он был одним из девяти свидетелей, принявших последнюю волю Раймунда. Другой вождь, Гийем дю Мас-Сент-Пюэль, принёс присягу на верность графу Альфонсу в 1249 году, после смерти Раймунда. Любопытная подробность: прежде чем раздражение, вызванное насилием инквизиции, сделало Гийема дю Мас-Сент-Пюэля одним из убийц в Авиньоне, этот персонаж в 1233 году в качестве бальи Лавора арестовал, отвёл в Тулузу и велел быстро сжечь большое число еретиков.

Эта резня пришлась весьма некстати для графа Раймунда. Он тогда питал обширные проекты, которые, казалось, были близки к осуществлению, чтобы обеспечить реабилитацию своего дома и независимость своих владений. Он не мог сложить с себя ответственность, которую повсюду ему приписывали в этом злосчастном деле. Незадолго до того, 14 марта, считая себя смертельно больным, он, чтобы получить отпущение от представителя епископа Аженского, поклялся посвятить все свои силы преследованию ереси. Но было известно, что он враждебен доминиканцам как инквизиторам и отчаянно противился тому, чтобы эти функции были возвращены монахам. 1 мая, ровно за четыре недели до события, в присутствии numerosus прелатов и зная он торжественно заявил, что подаёт жалобу в Рим, поскольку провинциал на собственной территории назначил доминиканцев на должности инквизиторов.

Он рассчитывал дать ход этой апелляции. Заявляя о своём горячем желании искоренить ересь, он торопил епископов энергично осуществить с этой целью их законную власть, обещая им свою поддержку и обязуясь применять закон в том, что касалось конфискации и смертной казни. Он даже выказывал готовность допустить монахов в качестве инквизиторов при условии, что они будут действовать в полноте своей независимости, без контроля со стороны своих орденов и провинциалов. Даже в церкви Муассака один из его балы угрожал захватить одновременно личность и имущество всех тех, кто подчинится наказаниям, предписанным инквизиторами, не аккредитованными графом. В этой ситуации неудивительно, что Раймунд считался соучастником резни. Дело, которое он олицетворял, много пострадало от перемены, произведённой этим событием в общественном мнении.

Раймунд трудился над созданием обширного союза, чтобы отнять у дома Капетингов завоевания, сделанные им за четверть века. Он видел, как к нему присоединились короли Англии, Кастилии, Арагона и граф де ла Марш. Всё позволяло ему надеяться, что он вернёт себе свои прежние владения. Резня в Авиньоне была зловещим предзнаменованием восстания, вспыхнувшего сразу после неё. Верность некоторых его вассалов была поколеблена: они отказали ему в поддержке. Чтобы компенсировать это зло, граф должен был превратить в настоящую осаду ту осаду, которую он делал вид, что ведёт под Монсегюром, используя таким образом войска, в которых не мог нуждаться в другом месте. Тем не менее на мгновение восстание, казалось, должно было победить. Раймунд даже вернул себе старый титул герцога Нарбоннского. Но король Людовик сумел противостоять опасности и не дал союзникам времени сосредоточить свои силы. Победами, одержанными над англичанами и гасконцами при Тайбуре и Сенте 19 и 23 июля, он отнял у Раймунда всякую надежду на помощь с этой стороны. Чума вынудила Людовика распустить свой главный корпус, но сильный отряд под командованием ветерана Эмбера де Боже повёл против Раймунда активную кампанию. Граф, лишённый союзников, покинутый почти всеми вассалами, был вынужден сложить оружие 22 декабря. Чтобы получить мир, он обязался искоренить ересь и наказать убийц в Авиньоне. Благоразумный и умеренный, король Людовик обошёлся с ним снисходительно. Однако было оговорено, что всякий житель мужского пола старше пятнадцати лет принесёт присягу содействовать Церкви в её борьбе с ересью и поддерживать короля против Раймунда, даже если тот снова восстанет. Это было очередным признанием неразрывной связи, соединявшей католическое дело с делом французского господства на Юге.

Торжество этих двух сил было полным. Так закончилась последняя серьёзная попытка Юга вернуть себе независимость. Вскоре по Парижскому договору страна бесповоротно перешла в руки чужеземца. Инквизиция должна была получить полные полномочия требовать там подчинения ортодоксии. Напрасно Раймунд на Нарбоннском соборе 20 апреля 1240 года сделал новую попытку у епископов своих владений, тех из Тулузы, Ажена, Кагора, Альби и Родеза, и, как лично, так и устами уполномоченных представителей — цистерцианцев, доминиканцев или францисканцев —, торопил их предпринять против ереси прилежную инквизицию и обещал им поддержку светской руки. Напрасно сразу после избрания Иннокентия IV

в июне доминиканцы, устрашённые предостережением, которое дала им резня в Авиньоне, сделали попытку у папы: делегация отправилась в Рим и привела множество доводов, чтобы добиться освобождения монахов от этого опасного бремени. Папа наотрез отказал и предписал им продолжать их святое дело, даже если всем им придётся претерпеть мученичество [11].

Это единственный признак колебания и слабости, который проявил орден доминиканцев. В конгрегации в изобилии были люди, которых пылкий фанатизм готовил к их опасной миссии. Впрочем, опасность была более кажущейся, чем реальной. Причины страха были унесены реакцией, последовавшей за бесполезной резней в Авиньоне и провалившимся мятежом Раймунда. Создавалось течение, благоприятное ортодоксии. В октябре 1244 года Дюран, епископ Альби, основал братство — кажется, что аналогичные проявления имели место и в других местах в то же время. Помещённые под защиту святой Цецилии, члены этого объединения обязывались взаимно защищать друг друга, содействовать епископу в его деле правосудия против еретиков, вальденсов и сторонников вальденсов и защищать особу инквизиторов, как свои собственные особы. Всякий член, заподозренный в ереси, должен был немедленно изгоняться. Награда в одну марку серебра предлагалась всякому, кто захватит еретика и передаст узника в руки братства. Новый папа, с другой стороны, держал язык, лишённый двусмысленности. Одновременно с отказом лишить доминиканцев их полномочий он направил всем прелатам региона формальный приказ поддерживать и защищать инквизиторов в их трудах и испытаниях. Он угрожал своей мстью всем, кто пренебрежёт этим долгом, и определённо обещал своё благоволение ревностным. Доминиканцам было предложено удвоить усилия, чтобы задуть возрождающуюся ересь. Новый легат Зоен, избранный епископ Авиньона, отправился в Лангедок с настоятельными инструкциями, ввиду энергичных действий. На его предшественника поступали жалобы от инквизиторов за то, что он, вопреки их возражениям, освободил некоторых из их узников и без разбора роздал смягчения наказаний. Все эти акты неуместной снисходительности были объявлены вредными. Зоен в силу полученных приказов снова и без права апелляции наложил приостановленные наказания.

Ещё более серьёзным для дела еретиков обстоятельством было окончательное примирение Раймунда с папством. В сентябре 1243 года граф отправился в Италию: у него была встреча с Фридрихом II в Апулии, и он получил аудиенцию у Иннокентия в Риме. Десять лет он терпел отлучение и вёл бесполезную борьбу. Он больше не мог питать иллюзий; он был готов дать все заверения, каких от него потребуют. С другой стороны, новый папа не питал к нему предубеждений, которые породили у Григория IX затяжные ссоры. Поэтому без больших трудностей удалось прийти к соглашению, в значительной мере благодаря добрым услугам Людовика IX. 2 декабря Раймунд был освобождён от своих различных отлучений. 1 января 1244 года об отпущении было объявлено королю Людовику и прелатам королевства, которым было поручено опубликовать его во всех церквях. Наконец, 7 января легат Зоен получил уведомление явить графу отеческую привязанность и не позволять, чтобы его притесняли. Однако это отпущение давалось лишь *ad cautelam*, то есть с оговорками. Особое отлучение было произнесено против Раймунда как покровителя еретиков, вслед за резнёй в Авиньоне, инквизиторами Феррером и Гийемом Раймундом. Граф по этому поводу направил особую апелляцию в Святой престол в апреле 1243 года; особая булла от 16 мая 1244 года сняла интердикт. Раймунду, по-видимому, не было навязано никакого условия относительно столь долго откладывавшегося крестового похода, и он впоследствии жил в полном согласии со Святым престолом. Он даже был предметом *plurimorum* милостей. Булла от 18 марта 1244 года даровала ему драгоценную привилегию: он на пять лет освобождался от обязанности отвечать на любое апостольское письмо, вызывающее его в суд вне его владений. Другой буллой от 27 апреля 1245 года граф, его семья и его земли были помещены под особую защиту Святого Петра и папства. Ещё одна булла от 12 мая 1245 года постановила, что никакой делегат Апостольского престола не сможет без особого мандата произнести против Раймунда отлучение или какое-либо иное осуждение. Кроме

того, булла от 21 апреля 1245 года наложила на власть инквизиторов определённые ограничения — которые они, впрочем, кажется, никогда не соблюдали. Раймунд был окончательно завоёван делу ортодоксии. Он решил подчиниться необходимости момента: еретикам отныне нечего было от него ждать, инквизиторам нечего было бояться. Поэтому готовились энергично и систематически возобновить действия. Именно в это время Нарбоннский собор выработал меры, на которые мы часто ссылались.

Пока ересь сохраняла как убежище и центр сплочения крепость Монсегюр, нельзя было сломить её тайную и могущественную организацию. Захват этого разбойничьего гнезда был необходим. Как только волнения, вызванные восстанием 1242 года, прекратились, был предпринят крестовый поход — не Раймундом, но архиепископом Нарбоннским, епископом Альби, сенешалем Каркассона и другими сеньорами, которых влекло их рвение или желание обрести спасение. Со своей стороны, еретики не оставались бездеятельными. Несколько бальи графа Раймунда оказали им помощь. К ним послали Бертрана де ла Бакалера, искусного изготовителя военных машин, который позаботился об их обороне. Со всех сторон в крепость стекались деньги, продовольствие, оружие и боеприпасы. Осада началась весной 1243 года. Атака велась с неутомимым рвением. Осаждённые сопротивлялись с отчаянной силой. Как во времена прежних боёв в Тулузе, женщины помогали мужчинам; почтенный епископ-катар Бертран Мартен возбуждал мужество обещанием вечного блаженства. Таково было тогда состояние умов, что осаждённые находили сочувствие даже в лагере своих врагов. Они могли таким образом свободно сообщаться с друзьями снаружи и получали сведения о планах атаки. Можно было даже около Рождества 1243 года благополучно провести через линии окружения сокровище, накопленное в Монсегюре, и отправить его Понсу, Арно де Шатовердену, в Савартес. Осаждённые поддерживали тайные сношения с графом Раймундом, который поддерживал их главным образом обещаниями, обещая, если Монсегюр продержится до Пасхи 1244 года, получить тогда от Фридриха II армию помощи. Всё это было тщетно. Осада тянулась почти год, когда в ночь на 1 марта 1244 года пастухи предали своих соотечественников и провели крестоносцев по почти недоступным тропам через крутые скалы. Передовое укрепление было захвачено врасплох и взято. Замок больше не мог держаться. Переговоры были краткими: гарнизон согласился капитулировать на рассвете, выдать архиепископу всех совершенных еретиков при условии, что жизнь остальных будет пощажена. Удалось спустить со стены на верёвках нескольких еретиков, которые таким образом спаслись. Капитуляция была исполнена. Архиепископ нашёл быстрый способ принять исповеди. У подножия вершины, нагромодив дерево, воздвигли ряд костров, которые и зажгли. Совершенным было приказано отречься от своей веры; после их отказа их бросили в пламя. Так погибли двести пять мужчин и женщин. Победители могли торжественно написать папе: «Мы раздавили голову дракона!»

Обещали сохранить жизнь остальным пленным; но это было сделано, чтобы извлечь из них как можно больше пользы. Месяцами инквизиторы Феррер и П. Дюран старались получить путём допросов свидетельства против еретиков далёких или близких, живых или мёртвых. От старого Раймунда де Перейля до десятилетнего ребёнка — все были вынуждены раскрывать случаи поклонения или «охеретичения», которые они могли вспомнить. Целые тома были исписаны; составлялись бесконечные списки, в которых фигурировали имена всех тех, кто на протяжении периода, восходящего на тридцать или сорок лет, присутствовал на проповедях или обрядах утешения по всей стране вплоть до Каталонии. Тщательно разыскивались и записывались те, кто поставлял продовольствие людям Монсегюра. Так были обильно перегружены грозные регистры инквизиции, и можно было распознать все разветвления, которые ересь пустила по стране за поколение и более. Это обещало numerous эксгумации, прибыльные конфискации; это давало инквизиторам безошибочное оружие, чтобы схватить свои жертвы и опровергнуть все отрицания. Что касается средств, использованных для получения этих сведений, мы вынуждены строить догадки. Пытка ещё не применялась; пленным обещали сохранить

жизнь; с другой стороны, такие еретики не могли избежать пожизненного заключения. Однако удалось сломить самые упорные сопротивления. Так, сам Раймунд де Перейль, решительно перенёсший превратности крестовых походов и державшийся до последнего момента, порылся в глубинах своей памяти, чтобы донести на всех, кто, насколько он знал, поклонялся министру. Можно представить, каковы были ужасы этих двух месяцев предварительного заключения, способные сломить такую силу духа и привести этого человека на последнюю ступень бесчестия. Видели даже, как совершенный еретик Арно де Брелос, взятый в плен, когда бежал в Ломбардию, раскрыл имена всех, кто предоставил ему приют и присутствовал на его службах во время его странствующей миссии.

Отныне для катаров не оставалось надежды, кроме Бога. Последние пружины сопротивления были сломаны. Один за другим все их опоры пали; им оставалась лишь пассивная борьба, мученичество. Инквизиция могла на досуге травить и хватать свои жертвы. Король и граф могли затем вмешаться и предписать конфискацию, постепенно передавая таким образом все владения Юга в руки ортодоксов и верных подданных. Однако вера катаров была столь живуча, что отчаянная борьба продолжалась ещё три поколения. Неудивительно, однако, что столь страшные удары сначала посеяли смятение среди еретиков. В поэме, написанной около этого времени доминиканцем Изарном, еретик Сикар де Фигейрас говорит, что их лучшие друзья обманули их доверие, обернулись против них и предают их. Никакие достоверные данные не позволяют нам оценить число верующих, которые тогда, даже ценой пожизненного заключения, оставили свою религию. Это число должно было быть значительным, ибо известно, что около этого времени Нарбоннский собор просил инквизиторов отложить свои приговоры за нехваткой необходимых материалов для строительства тюрем. Невозможно было разместить стада еретиков, которые поспешно приходили обвинить себя и просить прощения после истечения срока благодати: ещё в декабре 1234 года этот срок был продлён по приказу Иннокентия IV.

В населении, где ересь находилась в непрерывном брожении, рвение инквизиторов находило, помимо этих тысяч добровольных кающихся, широкое поле действия. Всякий, кто признавался, был обязан назвать имена всех, кого он видел участвующими в еретических действиях, всех, кого он видел соvrащёнными в ересь на смертном одре. Так получали бесчисленные указания, позволяющие вызвать в суд тех, кто отказывался обвинить себя. Что же до тех, кого смерть лишила возможности отречься, их выкапывали и сжигали их кости.

Несколько лет инквизиторы работали без перерыва. Терроризированное население больше не оказывало никакого сопротивления: оно свыклось с отчаянием кающихся, приговорённых к пожизненному заключению, со зрелищем разложившихся трупов, влачимых по улицам, с ужасом этих костров, где жертвы, прежде чем быть преданными вечному огню, сгорали в мирском пламени. Кажется, однако, что должность инквизитора не была лишена опасности. Ещё опасались попыток мести. Безьеский собор в 1246 году, предписывая инквизиторские поездки, освободил инквизиторов от обязанности лично отправляться в те области, где их безопасность показалась бы под угрозой. В 1247 году Иннокентий IV разрешил вызывать обвиняемых, проживающих вдали, чтобы инквизиторы во время путешествия не подвергались опасности попасть в какую-нибудь ловушку.

Люди, исполнявшие тогда в Лангедоке обязанности инквизиторов, не знали ни страха, ни усталости; они лишь редко пользовались этой уступкой благоразумию. Бернар де Ко, столь справедливо прозванный молотом еретиков, был в то время душой тулузской инквизиции. После периода действий в Монпелье и Ажене он получил в коллеги человека с характером, идентичным его собственному, Жана де Сен-Пьера. Они провели полное расследование по всей провинции, просеивая население сквозь сито так, что мало совестей могло ускользнуть от их розысков. Сохранился неполный отчёт об этом расследовании, охватывающий 1245 и 1246 годы, в течение которых было посещено шестьсот населённых пунктов, почти половина Лан-

гедока. Это была огромная работа, которую инквизиторы должны были вести с невероятной энергией, судя по огромному числу допросов, собранных в незначительных городах: двести тридцать в Авиньоне; в Фанжо — сто; в Мас-Сент-Пюэль — четыреста двадцать. Г-ну Молинье принадлежит комментарий к этому любопытному документу. Историк не подсчитал точное число рассмотренных дел, но оценивает общее приблизительное число в восемь-десять тысяч. Если подсчитать, что представляет собой это число судебных действий, допросов и очных ставок, остаёшься поражённым сверхчеловеческой энергией, проявленной основателями инквизиции. Можно предположить, как это вытекало из чтения приговоров, вынесенных Пьером Челла, что участь жертв, раздавленных этой грудой доносов, решалась без особых угрызений совести. По крайней мере, они избежали бесконечных и чудовищных формальностей, принятых позже инквизицией, когда она могла действовать на досуге. Трудно понять, имея перед глазами такой документ, что епископы Лангедока жаловались в 1245 году на чрезмерную снисходительность инквизиции, что они констатировали постоянные успехи ереси и требовали от инквизиторов больше энергии. По-видимому, между епископством и инквизицией было непонимание, ибо в том же году Иннокентий IV предписал инквизиторам Лангедока применять их обычную процедуру только к случаям явной ереси и к проступкам, влекущим лёгкое наказание: что же до процедур, начатых за преступления, наказуемые тюрьмой, крестами, далёкими паломничествами и конфискацией, они должны были быть приостановлены до тех пор, пока собор, который должен был открыться в Лионе, не примет окончательных правил. Фактически именно Безьеский собор, собравшийся в 1246 году, урегулировал эти вопросы и опубликовал новый кодекс процедуры [12].

Граф Раймунд, отныне всецело преданный католицизму, принял активное участие в этих мерах. Его бурная жизнь приближалась к концу. Чтобы оставаться в добром согласии с Церковью, которая обеспечивала ему, ценой его запоздалого рвения, покой и богатство, он не колебался проливать кровь своих подданных. Правда, он не мог бы их спасти, даже если бы имел такое желание. Он хотел блистательно явить свою ненависть к ереси. В 1247 году он приказал своим чиновникам силой водить жителей всех городов и деревень, которые окажутся на пути монахов, на их проповеди. В 1249 году в Берлаже, близ Ажена, у него хватило печального мужества велеть сжечь восемьдесят верующих, которые в его присутствии исповедали свои заблуждения, — намного превзойдя в этом случае жестокость, обычную для инквизиторов. Около того же времени король Хайме Арагонский остановил действие инквизиции на территории Нарбонны. Возможно, это решение было вызвано убийством двух инквизиторских чиновников и уничтожением их протоколов; чтобы восстановить список приговоров и длинный ряд свидетельств, собранных против подозреваемых, требовались бесконечные усилия. Иннокентий IV по просьбе короля запретил архиепископу и инквизиторам вести процедуры по ереси; провинциал доминиканцев Испании и Раймунд де Пеньяфорте получили затем поручение назначить новых инквизиторов в французских владениях Арагона.

Когда Людовик Святой решил предпринять злополучный крестовый поход в Дамиемту, ему не понравилось оставлять позади опасного вассала, каким был Раймунд. Иннокентий IV давно освободил его от обета службы в Палестине, но граф был доступен убеждению. Ему предложили дары. Важность предложений была, по-видимому, соразмерна интересу, который придавали его присутствию в армии и его отсутствию вдали от владений. Король обещал ему от двадцати до тридцати тысяч ливров на расходы и по возвращении возвращение герцогства Нарбоннского. Папа согласился выплатить ему две тысячи марок при высадке: он обещал ему, сверх того, доход от всех «выкупов обетов» и завещаний, сделанных в пользу крестового похода. Запрет налагать на обращённых еретиков епитимью крестового похода также был бы снят в пользу графа; другие далёкие паломничества, обычно назначаемые как епитимии, не предписывались бы, пока граф находится на службе. Ослепительные милости стимулировали рвение нового крестоносца, который отнёсся к своей миссии серьёзно. Его рвение к чистоте

веры возросло. Неутомимой деятельности самого Бернара де Ко уже не хватало, чтобы его удовлетворить. Хотя этот несравненный гонитель употреблял всю свою энергию на завершение своих грозных расследований, Раймунд в начале 1248 года пожаловался Иннокентию: по его словам, инквизиция пренебрегала своими обязанностями; еретики, живые или мёртвые, оставались безнаказанными; другие прибывали из-за границы и сеяли бич своих заблуждений на его территориях и на соседних землях; наконец, страна, некогда почти полностью очищенная, снова была заражена ересью.

Смерть избавила Раймунда от испытаний злополучного египетского крестового похода. Его приготовления были завершены, когда он смертельно заболел. Он умер 27 сентября 1249 года. На смертном одре он приказал своим наследникам вернуть суммы, полученные для экспедиции, и отправить пятьдесят рыцарей служить в течение года в Палестине. Его смерть была в целом оплакана его подданными. Эти сожаления были в конечном счёте оправданы. С ним угас благородный дом, доблестно державший своё место со времён Каролингов. Народ чувствовал, что последний барьер, защищавший его от ненавистных французов, отныне рухнул. Наследница Жанна, воспитанная при королевском дворе, была, за редким исключением, до мозга костей француженкой. Она, по-видимому, сверх того, не имела ни личности, ни влияния. Скипетр Юга перешёл в руки Альфонса де Пуатье, алчного политика, чьё ортодоксальное рвение видело в преследовании прежде всего источник прибыльных конфискаций. Потребовались неоднократные настояния, чтобы заставить Раймунда применять с должной строгостью это грозное наказание. Альфонсу не нужны были подобные предупреждения. Когда это прекрасное наследство досталось ему, он был в Египте со своей женой и братом, королём Людовиком. Бдительная королева Бланка в качестве регентши быстро вступила во владение от их имени. Когда они вернулись в 1251 году, они лично приняли оммаж своих подданных. Благодаря юридической тонкости Альфонс уклонился от уплаты благочестивых завещательных отказов, содержащихся в завещании Раймунда. Он отправился на Север, оставив в качестве компенсации крупную сумму, предназначенную для покрытия расходов инквизиции и для оплаты закупок дерева, необходимого для казней. Вскоре мы видим, как он приглашает епископов оказать более действенную поддержку трудам инквизиторов. Его канцелярия всегда держала наготове формулу делегирования на должности инквизиторов, которую оставалось лишь представить затем на папскую подпись. Этой политики он неизменно придерживался в течение двадцати лет своего правления. Он никогда не отклонялся от намеченной линии поведения. Так, в декабре 1268 года он написал Понсу де Пойе и Этьену де Гатине, приглашая их настоятельными словами удвоить активность и быстро очистить его владения от всякой ереси. Этот шаг был, несомненно, бесполезен: он тем не менее остаётся в наших глазах характерным.

Участь Лангедока была бесповоротно решена. До тех пор можно было надеяться, что непостоянный Раймунд вернётся к своим прежним путям. Затем его подданные разделяли желание, проявленное им в его многочисленных брачных проектах, увидеть, как у него родится наследник, к которому перейдут земли, не включённые в наследство, обещанное его дочери. Ему шёл пятьдесят первый год: эта надежда не была поэтому неразумной. Его род был бы таким образом продолжен, и Юг сохранил бы свою национальность. Все эти надежды рассеялись. Самым ревностным катарам отныне предстояло лишь существование затравленного зверя — с тюрьмой или костром в конце. Еретическая Церковь, однако, упорно сохранялась. Число её приверженцев значительно уменьшилось. Многие укрылись в Ломбардии. Там, после смерти Фридриха II, благодаря гражданским войнам и политической борьбе местных тиранов, таких как Эццелин да Романо, они нашли убежище от инквизиции. Многие остались в Лангедоке, продолжая среди ортодоксов свои странствующие миссии, постоянно травимые шпионами инквизиции, редко предаваемые крестьянами. Эти смиренные и безвестные люди, без надежды бросая вызов страданию, усталости и опасности ради дела, которое они считали божественным, были истинными мучениками. Их непоколебимый героизм показывает, как мало

истинность религии влияет на преданность её адептов. Райнерио Сакконе, обращённый катар, который более чем кто-либо был в состоянии быть осведомлённым, насчитывал в то время в Ломбардии сто пятьдесят совершенных, пришедших из Франции: он находил ещё двести в церквях Тулузы, Каркассона, Альби и в церкви Ажена, тогда наполовину разрушенной. Эти цифры, кажется, указывают на то, что, несмотря на систематическое и безжалостное преследование предыдущих двадцати лет, ещё сохранялось сильное ядро верующих. Их пыл подогревался драгоценными визитами, которые им при случае наносили странствующие министры, а также поддерживаемыми сношениями с Ломбардией. Вплоть до момента, когда секта исчезла по эту сторону Альп, в исповедях, кающихся встречаются упоминания об этих паломничествах, единственной сохранившейся связи между изгнанниками и их братьями, оставшимися в стране. В 1254 году Гийем Фурнье в допросе, которому он подвергся перед тулузской инквизицией, рассказывает, что отправился в Италию с пятью товарищами, из которых две женщины. Его первым этапом был Кони, где он встретил большое число еретиков. В Павии он был «охеретичен» Раймундом Мерсье, бывшим диаконом Тулузы. В Кремоне он год жил в доме Вивьена, возлюбленного епископа Тулузы, у которого нашёл много знатных беглецов. Он останавливался на восемь месяцев в Пизе; в Пьяченце он снова встретил Вивьена. Наконец он вернулся в Лангедок, нагруженный поручениями от беглецов для друзей во Франции. В 1300 году в Альби Этьен Маско признаётся, что был отправлен в Ломбардию магистром Раймундом Кальвери с поручением вернуть Раймунда Андре или какого-либо другого совершенного. В Генуе он встретил Бертрана Фабри, нагруженного подобным же поручением от Гийема Гольфье. Они действовали вместе и нашли среди беглецов многих старых друзей. Те повели их в лес, где стояло несколько домов, служивших убежищами для еретиков. Местный сеньор велел сопровождать их ломбардцу Гульельмо Пагани, который вернулся с ними. В 1309 году Гийем Фальке признаётся в Тулузе, что пять раз ходил в Комо и вплоть до Сицилии для нужд своей Церкви. Арестованный во время визита к больному верующему, он был приговорён к заключению и цепям: ему удалось бежать в 1313 году. Около того же времени был осуждён Раймунд де Верден, который также предпринял четыре апостольских путешествия в Ломбардию [13].

Преследуемые еретики, оставаясь таким образом тайно привязанными к своей вере, навязывали инквизиторам трудную работу. Их ряды редели от преследования и бегства; но опыт всё лучше учил их искусству ускользать от преследований. Поэтому уже нельзя было, как во времена Пьера Челла и Бернара де Ко, устраивать огромные облавы на кающихся; их оставалось достаточно, однако, чтобы вознаградить усилия монахов и упражнять ловкость их шпионов.

Впрочем, организация инквизиции мало-помалу совершенствовалась. В 1254 году Альбийский собор тщательно её пересмотрел. Были учреждены постоянные трибуналы, точно установлены границы инквизиторских округов. Для Прованса и территорий к востоку от Роны штаб-квартирой стал Марсель: его окончательно отдали францисканцам. Остальные заражённые страны были оставлены доминиканцам, которые имели трибуналы в Тулузе, Каркассоне и Нарбонне. Если верить сохранившимся неполным документам, инквизиция Каркассона соперничала в энергии и эффективности с тулузской. Некоторое время еретики искали убежища в Северной Франции; но и там инквизиция становилась день ото дня энергичнее: несчастные должны были повернуть назад. В 1255 году булла Александра IV разрешила провинциалу и инквизиторам Парижа преследовать беглецов вплоть до земель графа Тулузского. В то же время особые функции инквизиторов ревниво охранялись от всякого посягательства других установленных властей. Без сомнения, мы видели инквизицию в её начале подчинённой контролю папских легатов; но впоследствии, однажды прочно утвердившись и полностью организовавшись, она была оставлена независимой. Когда в 1257 году легат Зоен, епископ Авиньона, захотел совершить инквизиторское дело в силу своей легатской власти — власти, против которой четырнадцатью годами ранее никто не осмелился бы восстать —, Александр IV довольно

сурово призвал его к порядку, разрешая ему действовать по своему усмотрению в пределах своей епархии, но приглашая не вмешиваться за этими пределами в дела инквизиции. Констатируется также в этот период полное порабощение всех светских чиновников приказам инквизиторов. Благочестивый Людовик Святой и эти алчные князья, Альфонс де Пуатье и Карл Анжуйский, соперничали в рвении, предоставляя все силы государства в распоряжение Святого Официума и обеспечивая его расходы. Инквизиция была фактически суверенной в стране и, как мы видели, сама была себе законом.

Последняя тень открытого сопротивления рассеялась в 1255 году. После падения Монсегюра изгнанные и лишённые владений рыцари, как и еретики, попытались найти в горах какую-нибудь крепость, где могли бы чувствовать себя в безопасности. Изгнанные последовательно из всех своих убежищ, они в конце концов захватили замок Керибюс в пиренейских Фенуйедесах. В начале весны 1255 года это последнее убежище было осаждено Пьером д'Отейлем, королевским сенешалем Каркассона. Оборона была упорной. 5 мая сенешаль попросил помощи у епископов, заседавших на соборе в Безье, которые столь энергично содействовали некогда взятию Монсегюра. Ответ прелатов был исполнен похвальной осмотрительности. Они не были, сказали они, обязаны предоставлять королю вооружённую помощь; если они присоединялись к войскам Его Величества, то по приказу легата или их примаса, архиепископа Нарбоннского. Тем не менее, поскольку общественная молва представляла Керибюс какместилище еретиков, разбойников и воров, поскольку взятие этого места было желательным для веры и для мира, каждый прелат мог, не поступаясь своими правами, оказать такую помощь, какую сочтёт уместной. Это заявление ясно давало понять, что сенешалю придётся выпутываться самому. Действительно, он пожаловался королю, что прелаты скорее мешали ему, чем помогали. Тем не менее место перешло в его власть около августа; изгнанникам остались лишь пещеры и леса. В этой неводеланной стране густые заросли предлагали множество укрытий; попытались срезать тернии и колючие кусты, служившие убежищем разорённым дворянам и преследуемым катарам. Эту работу предпринял некий Бернар, сохранивший от неё прозвище Эпинассье, или «резатель терний». Народная ненависть сохранила память об этом человеке и выразилась в легенде, представляющей его повешенным на луне.

Видя страну у своих ног, инквизиция, тогда находившаяся в полноте своей власти, не колебалась нападать на самых высокопоставленных сеньоров. Все люди были равны в глазах Всевышнего, и Святой Официум был исполнителем божественных мщений. Самым могущественным вассалом домов Тулузы и Арагона был граф де Фуа. Его территории, простиравшиеся по обоим склонам Пиренеев, обеспечивали ему своего рода независимость в его горных твердынях. Граф Роже Бернар II, прозванный Великим, был одним из самых храбрых и самых стойких защитников страны. После умиротворения 1229 года Раймунд должен был угрожать ему войной, чтобы принудить к покорности. Жители благочестиво и гордо хранили память о Rogier Bernat lo pros e sens dengun reproche. Его семья была глубоко запятнана ересью. Его жена и одна из его сестёр были вальденскими, другая сестра была катарессой; сам он, говорит монах из Вокс-Серне, был врагом Бога и жестоким гонителем Церкви. Когда он принёс покорность в 1229 году, он поклялся преследовать ересь в своих владениях; но, кажется, не очень энергично сдержал свою клятву, ибо в 1233 году, как читаем, имел в Экс частную встречу с епископом-еретиком Бертраном Мартеном. В других отношениях, однако, он показал себя верным подданным и преданным сыном Церкви. В 1237 году он посоветовал своему сыну, тогда виконту Кастельбо в Арагоне, разрешить на своих землях инквизицию; следствием этого стало осуждение множества еретиков». Однако епископ Уржельский, его личный враг, долго отказывался снять с него отлучение, которое он навёл как покровитель ереси. Лишь в 1240 году Роже Бернар подчинился условиям, некогда ему навязанным, отрёкся от ереси и получил прощение. При смерти в 1241 году он показал себя в завещании щедрым к Церкви, особенно к цистерцианскому аббатству Больбонн, где он умер под монашеским облачением, должным

образом снабжённый последними таинствами. Его сын Роже IV нанёс последний удар восстанию 1242 года, поставив себя под непосредственный сюзеренитет Короны и разбив Раймунда после того, как победы Людовика Святого оттеснили англичан и гасконцев. У него были некоторые столкновения с инквизицией. Однако в 1248 году булла Иннокентия IV восхваляет его преданность Святому престолу и дарует ему в награду привилегию освобождать от жёлтых крестов шесть кающихся по своему выбору. В 1261 году он публикует эдикт, предписывающий введение в силу правила, исключаящего от всякой должности тех, кто был приговорён к ношению крестов, тех, кто был заподозрен в ереси, и тех, чьи отцы были поражены каким-либо наказанием такого рода.

Казалось бы, здесь были достаточные гарантии в пользу ортодоксии и лояльности дома Фуа. Но инквизиция не прощала ему его патриотизма и былой терпимости. Затем, если бы удалось убедить в ереси Роже Бернара Великого, конфискация этого обширного наследства, помимо её высокого политического значения, должна была доставить богатую добычу всем, кто в этом участвовал. Поэтому в 1263 году, через двадцать два года после смерти Роже Бернара, против его памяти была начата процедура. Ещё был жив верный слуга покойного графа. Это был балли Мазера Раймунд Бернар де Фласкан, который день и ночь ухаживал за своим господином во время его последней болезни. Если бы удалось заставить этого человека поклясться, что он видел, как совершалось «охеретичение» на смертном одре умирающего, столь горячо желанная цель была бы достигнута. Брат Понс, инквизитор Каркассона, отправился в Мазер и, найдя в этом старике мало сговорчивого свидетеля, бросил его в темницу. Несчастный, поражённый острой странгурией, был лишён пищи и подвергнут пыткам со всей жестокой изобретательностью инквизиции. Время от времени его допрашивали, но его решимость не слабела. Испытание продолжалось тридцать два дня. Тогда Понс решил вернуть узника в Каркассон. По-видимому, в этом городе имелись более эффективные средства, чтобы сломить неподатливых свидетелей. Перед этим путешествием, которое казалось ему последним, верный балли получил день передышки, который провёл в аббатстве Больбонн. Он воспользовался им, чтобы составить 26 ноября 1263 года нотариальный акт, подтверждённый свидетельствами двух аббатов и *puegeois* монахов. В этом акте он излагал испытания, перенесённые им до сего дня, торжественно заявлял, что никогда не видел, чтобы покойный граф совершил какой-либо поступок, противный вере, и что Роже Бернар умер добрым католиком. Он добавлял, что, если под действием жестокой пытки, которой он, вероятно, будет подвергнут, человеческая слабость побудит его опровергнуть это заявление, он будет лжецом и предателем, недостойным доверия. Как вообразить более убийственное разоблачение средств, применяемых инквизицией? Пятьдесят лет спустя, когда эти средства были доведены до совершенства, все, кто участвовал бы в составлении такого акта, нотариус или свидетели, были бы подвергнуты преследованию как «чинящие препятствия инквизиции» и наказаны как «покровители ереси».

Неизвестно, какова была участь несчастного. Без сомнения, он умер от болезни или голода в ужасной Муре Каркассона. Это юридическое убийство было, впрочем, бесполезным; память старого графа осталась незапятнанной. Что же до Роже Бернара III, то, несмотря на папскую милость и *puegeois* доказательства, которые он дал своей приверженности новому порядку вещей, он постоянно подвергался злобе инквизиции. В декабре 1264 года он находился в Мазере, смертельно больной, когда получил от Этьена де Гатине, тогда инквизитора Нарбонны, формальный приказ под угрозой преследования в случае отказа арестовать и выдать своего балли Фуа Пьера Андре, подозреваемого в ереси, уже вызванного для этого и отсутствующего за неявкой. В ответ граф осмелился лишь выразить своё удивление: ему никогда не сообщали, что его балли является предметом вызова; он добавлял, что отдал приказы об аресте и сам содействовал бы розыскам, если бы болезнь не сделала его бессильным. В то же время он потребовал апелляции к папе и обратился к нему, изложив все свои обиды. Инквизиторы, говорил он, никогда не переставали его преследовать; они имели обыкновение

приходить во главе вооружённых отрядов, опустошать его земли под предлогом розыска еретиков, и они приводили с собой и под своей защитой его личных врагов, так что его территории были почти разорены, его юрисдикция сведена на нет. Поэтому он поместил свою особу и свои владения под защиту Святого престола. Без сомнения, он лично избежал новых неприятностей, ибо умер два месяца спустя, в феврале 1265 года, как и его отец, под цистерцианским облачением и в том же аббатстве Больбонн. В 1292 году его память была атакована перед Бертраном де Клермоном, инквизитором Каркассона. Эта попытка была безуспешной; в 1297 году Бертран выдал Роже Бернару IV, сыну обвиняемого, свидетельство, констатирующее, что ложность обвинения была установлена, и оговаривающее, что ни сын, ни отец не должны быть поражены в своей личности или имуществе в силу этого обвинения.

Таковы были преследования, которым подвергались самые высокопоставленные лица. Понятно, какую тиранию должно было осуществлять над всей страной безответственная власть инквизиторов. Если никто не был достаточно высоко поставлен, чтобы они не могли его достать, то никто не был и достаточно смиренен, чтобы ускользнуть от их шпионов. Для чело- века, давшего им единственный повод к ненависти, больше не было безопасности. Единственным апелляционным судом был папа. Но Рим был далеко, и, как мы видели, дорога туда тщательно охранялась. Злоба и безумие людей создали впоследствии в истории более насильственные деспотизмы: никогда не было более жестокого, более устрашающего, более абсолютного.

В течение двадцати лет, последовавших за этим, действия инквизиции в Лангедоке представляют мало фактов, заслуживающих особого упоминания. Святой Официй продолжал своё дело непрерывно, иногда с внезапными проявлениями энергии. Этьен де Селин и Понс де Пойе, которые долгие годы председательствовали в его судах, не оставались бездеятельными. В период с 1273 по 1278 год их умение принесло им обильный урожай. Еретики, естественно, становились всё более редкими после стольких лет преследования: но оставался неисчерпаемый список мёртвых. Эксгумация последних давала внушительное зрелище для толпы; следовавшие конфискации с радостью принимались благочестивыми князьями и в значительной мере способствовали переходу земельной собственности, столь выгодному с политической точки зрения, тогда как ересь ещё сохранялась с невероятным упорством, хотя ей становилось всё труднее скрываться, и Италия становилась всё менее надёжным убежищем, всё менее обильным источником вдохновения.

В 1271 году Альфонс и Жанна, сопровождавшие Людовика Святого в злополучном тунисском крестовом походе, умерли, не оставив детей, на обратном пути. Линия Раймунда угасла. Страна бесповоротно перешла к Короне. Филипп Смелый даже вступил во владение территориями, которые Жанна, пользуясь своим правом, попыталась отчуждить завещанием. Он должен был уступить Ажене Генриху III; но ему удалось сохранить Керси. Этой смене хозяина не было никакого противодействия. Когда 8 октября 1271 года Гийом де Кобардон, королевский сенешаль Каркассона, обнародовал ордонансы, регулирующие новый режим, одной из первых вещей, о которых он подумал, была конфискация. Все замки и деревни, поражённые конфискацией за ересь, были приписаны королю без ущерба для прав законных владельцев. Это означало навязать претендентам трудную обязанность доказывания и исключить всех правомочных лиц, которые могли воспользоваться передачей. В 1272 году Филипп задумал совершить в своих новых территориях вполне мирный визит. Насилия, совершённые Роже Бернаром IV де Фуа, вынудили короля сопровождать себя армией. Филипп легко победил сопротивление графа, занял земли мятежника и бросил Роже Бернара в темницу. Освобождённый в 1273 году, граф оказал столь хорошие услуги в 1276 году во время вторжения в Наварру, что Филипп проникся к нему расположением и вернул ему его замки при условии, что он перестанет признавать сюзеренитет Арагона. Последняя видимость независимости на Юге была таким образом уничтожена: на её развалинах прочно утвердилась монархия.

Окончательное подчинение юга Франции королям Парижа предлагало некоторые компенсационные преимущества. Монарх мало-помалу приобретал централизаторскую власть, весьма отличную от верховного сюзеренитета, осуществляемого феодальным сеньором. В государстве, как и в Церкви, изучение римского права приносило свои первые плоды. Применение к королевской власти теорий императорского абсолютизма незаметно изменяло всю старую систему. Королевский суд вторгся в Парламент и формировал школу тонких и смелых юристов, всегда готовых расширить юрисдикцию короля и законодательствовать для всей страны. Со всех сторон в Парламент стекались апелляции. Сеньор, закованный в железо, отчаянно запутанный в юридических сложностях, оказывался лишённым, почти не сознавая того, своих сеньориальных прав.

Постоянно ордонансы, или общие законы, исходившие от трона, посягали на старые привилегии, ослабляли местные юрисдикции, давали всей стране кодекс юриспруденции, приписывающий Короне одновременно законодательную и исполнительную власть. Без сомнения, король был таким образом вооружён для угнетения; но он был также сильнее для защиты своих подданных. Значительное расширение королевских доменов с начала века давало монархии материальную силу, необходимую для поддержания её растущих прерогатив.

Невозможно было, чтобы такая метаморфоза в национальных учреждениях могла совершиться без одновременного изменения отношений Церкви и государства. Сам Людовик IX, несмотря на своё благочестие, не колебался защищать себя и своих подданных от церковного господства с рвением, которое со времён Карла Великого не осмеливался проявить ни один французский государь. Перемена стала ещё заметнее при его внуке Филиппе Красивом. Тому было всего семнадцать лет, когда он взойшёл на трон в 1285 году. Его замечательный ум и энергичный характер вскоре привели его к решительному утверждению своей королевской власти. В пределах своего королевства он не признавал над собой никого выше, ни в мирском, ни в духовном. Впрочем, угрызания совести, которые он мог бы сохранить, легко устранялись его советниками-легистами. Люди, подобные Пьеру Флотту и Гийому де Ногаре, считали политической истиной подчинение Церкви государству, как его осуществили преемники Константина; в их глазах Бонифаций VIII был едва ли больше по сравнению с их господином, чем папа Вигилий по сравнению с Юстинианом. Среди превратностей земных дел мало найдётся столь справедливых, как катастрофа в Ананьи в 1303 году, когда Ногаре и Шьярра Колонна подняли руку на Наместника Божьего и когда Бонифаций гневно ответил на упрёки Ногаре: «Я могу со смирением перенести, чтобы меня осудил и низложил какой-нибудь патарен». Ногаре действительно родился в Сен-Феликс де Карамане, и его предки, как говорили, были сожжены как катары. Если этот последний факт верен, Ногаре, если только он не обладал более чем человеческой добродетелью, должен был испытать особую радость в тот день, когда по приказу своего господина он предстал перед Климентом V, формально обвинил Бонифация в ереси и потребовал, чтобы труп покойного папы был выкопан и сожжён. Граждане Тулузы почтили в нём мстителя за обиды, которые они претерпели, и поместили его бюст в ратуше в галерее своих великих людей [14].

Так росло главенство королевской власти. Именно к этой власти народ инстинктивно обращался в поисках помощи против инквизиторской тирании, становившейся всё более тяжёлой. Власть, осуществляемая инквизитором, была произвольной и бесконтрольной, так что даже с самыми чистыми намерениями она не могла избежать непопулярности. С другой стороны, она обеспечивала злым неограниченную лёгкость угнетать слабых и позволяла им удовлетворять самые низменные страсти. Народ Альби и Каркассона, доведённый до отчаяния жестокостью инквизиторов Жана Галанда и Жана Вигуро, собрал всё своё мужество и в 1280 году представил свои жалобы Филиппу Смелому. Гражданам было трудно подкрепить свои обвинения решающими доказательствами: после краткого расследования их неоднократные просьбы о вмешательстве были оставлены без внимания как необоснованные. Нужно хоро-

шенько усвоить, что еретики играли лишь слабую роль в этом зарождающемся волнении против Святого Официума. Они были в то время полностью подавлены и просили лишь о том, чтобы тайно исповедовать свою веру. Оппозиция исходила от добрых католиков, муниципальных магистратов и крупных бюргеров; эти люди видели, как процветание страны увядает под смертельной тиранией инквизиции; они чувствовали, что больше нет безопасности ни для кого, кто рискует возбудить алчность своим богатством или вызвать ненависть своей независимостью. Введение пытки произвело на народное воображение особое впечатление ужаса; считали, что признания обычно вырывались у богатых людей безупречной веры, которых заставляли ужасно страдать. Одной из самых суровых мер был жестокий закон, поражавший конфискацией потомков еретиков: разорение, грозило всякому, как только инквизитор считал нужным поискать в своих регистрах доказательство ереси одного из его предков. Именно против этих регистров была предпринята новая попытка. Разочарованные в своей апелляции к Короне, консулы Каркассона, поддержанные несколькими видными церковнослужителями, организовали в 1283 или 1284 году заговор с целью уничтожить книги инквизиции, содержащие доносы и признания. Важность и размах этого заговора сегодня трудно определить с точностью. Показания свидетелей предлагают такие противоречия, даже в фактических пунктах, как даты, что им едва ли можно доверять. Если следует придать некоторую веру этим разоблачениям, очевидно вырванным пыткой, заговор насчитывал среди своих вождей консулов города, архидиакона Санша Морлана, епископского ординария, Гийема Брюне, других епископских чиновников и питегоус членов белого духовенства; эти заговорщики были, сверх того, еретиками, причастными к секте катаров. Правдивы эти утверждения или ложны, они показывают, какой насильственный антагонизм существовал между инквизицией и местной Церковью. Весь рассказ имеет налёт басни, и можно было бы с полным правом колебаться, принимать ли его подробности; однако эта самая басня должна была иметь своим источником подлинный факт. Согласно этим свидетельствам, Бернар Гаррик был выбран орудием. Это был бывший совершенный еретик, бывший *filius major*, обращённый, который стал одним из приближённых инквизиции. После некоторых подходов и торга он согласился выдать регистры за сумму в двести турецких ливров, которую консулы гарантировали к уплате. Как провалилась попытка, как она была раскрыта? Неизвестно; вероятно, с первых же шагов Бернар раскрыл заговор своим начальникам и привёл заговорщиков к гибели [15].

Вся община с этого момента была отдана на милость инквизиции. Святой Официум не был расположен проявлять великодушие в своём торжестве. В ходе последовавших процессов граждане обратились с новой апелляцией к Пьеру Шалю, королевскому канцлеру, посланному парижским двором с миссией ко двору Арагона и проезжавшему через Тулузу. Этот персонаж легко дал себя склонить на сторону инквизиции: 13 сентября 1283 года инквизиторы привели перед ним Бернара Гаррика, который возобновил признание, сделанное на предыдущей неделе. Бернар выучил свой урок наизусть; единственным выводом, к которому мог прийти представитель короля, было то, что Каркассон, погибшее гнездо еретиков, заслуживает самого сурового наказания. В последней инстанции жители прибегли к Гонорию IV. Они добились лишь того, что вызвали отправку письма, в котором папа выражал инквизиторам огорчение, которое он испытывал, видя, как народ Каркассона всеми силами препятствует инквизиции; он приказывал поэтому, чтобы непокорные были наказаны без различия звания и состояния. Эти инструкции хорошо доказывают, что оппозиция не перешла к еретикам.

В ответ на папские жалобы инквизиторы могли с некоторой вероятностью утверждать, что ересь, хотя и скрытая, была ещё активна. Без сомнения, сеньоры и знатные еретики были тогда почти полностью уничтожены, и их земли перешли в другие руки; тем не менее зараза сохранялась в среде бюргерства городов и у крестьян. Сверх того, пока длился катаризм, одной из самых замечательных черт этой ереси было то, что никогда не было недостатка в ревностных и преданных министрах. Готовые пожертвовать жизнью, они бродили, как могли, скрываясь

среди ортодоксов, оказывая помощь и духовное наставление, при случае совершая обращения, увещевая молодых и совращая в ересь стариков. Среди страданий, усталости и опасностей они продолжали своё дело, пробираясь ночью из одного укрытия в другое, соперничая в преданности со своими учениками. Крестьяне, попавшие в руки инквизиторов, давали признания, лишённые искусства, но трогательные и даже красноречивые в своей простоте. Они признавались в скромных милостынях, поданных ими странствующим министрам: корки хлеба, рыба, куски сукна, мелкие монеты; они признавались, что строили укрытия в своих собственных хижинах для этих министров, которых затем ночью вели через опасные места. С упорной верностью они отказывались предавать своих пастырей, когда инквизитор предлагал им выбор между полным прощением и темницей или конфискацией. Так героизм верующего отвечал преданности министра. Эта верность вместе с совершенством тайной организации, лучившейся по всей стране, способствовала, как кажется, продлению удивительной неприкосновенности, которой пользовались в своих апостольских миссиях several из этих министров. Двое из самых выдающихся в то время, Раймунд Дельбок и Раймунд Гадаиль, или Дидье, уже осуждённые в 1276 году инквизицией Каркассона как совершенные еретики, продолжали своё дело, странствуя и скрываясь, вплоть до катастрофы 1300 года, проявляя непрестанную активность, всегда преследуемые инквизиторами, всегда ускользающие. Имя другого, Гийема Пажеса, постоянно возвращается в признаниях об «охеретичениях» на протяжении почти столь же длительного периода. Инквизиторы могли поэтому утверждать, что вся их энергия не была излишней; но их методы были таковы, что даже лучшие намерения не могли бы уберечь невинного от того, чтобы разделить страдания виновного.

Новый инквизитор Каркассона Николя д'Абвиль действовал столь же жестоко и произвольно, как и его предшественники. Народ, измученный, составил апелляцию к королю. Тотчас инквизитор велел бросить в тюрьму нотариуса, составившего акт. Народ в своём отчаянии пренебрёг этим предупреждением; депутация была отправлена ко двору и на этот раз сумела добиться, чтобы её выслушали. 13 мая 1291 года Филипп направил своему сенешалю Каркассона письмо, отмечающее несправедливое обращение, которому инквизиция подвергала невинных. Недавно изобретённая система пыток позволяла убедить в воображаемых преступлениях живых и мёртвых, бесчестила и опустошала всю страну. Королевским чиновникам было запрещено подчиняться требованиям инквизиторов в том, что касалось арестов, если только обвиняемый не был признанным еретиком или если достойные доверия лица не свидетельствовали публично о его репутации еретика. Месяц спустя король, повторяя эти инструкции, объявил, что намерен отправить в Лангедок делегатов, облечённых полными полномочиями, чтобы установить по этому вопросу окончательную юриспруденцию. Нельзя слишком подчёркивать важность этих заявлений, поскольку они знаменуют новую фазу в отношениях светских и духовных властей. За гораздо менее дерзкие действия, чем это, вся Европа, цвет рыцарства и подонки населения, некогда получила обещание вечного спасения при условии изгнания из своих наследственных владений Раймунда Тулузского [16].

Нужно было, насколько возможно, воспротивиться этому неслыханному посягательству на инквизиторское главенство. С этой целью в сентябре 1292 года Гийем де Сен-Сен, инквизитор Каркассона, приказал всем приходским священникам своего округа произносить в течение трёх недель по воскресеньям и праздникам отлучение против всех граждан, которые будут препятствовать делу инквизиции, и против всех нотариусов, которые будут составлять акты, отрицающие признания еретиков. Эта мера не могла быть очень эффективной. Ничего не вышло также из Парламента, созванного 14 апреля 1293 года в Монпелье королевским камергером Альфонсом де Ронсейраком при содействии всех королевских чиновников и инквизиторов Тулузы и Каркассона с целью реформировать злоупотребления всех юрисдикций.

Вскоре после этого, в сентябре 1293 года, Филипп сделал новый шаг вперёд. Он принял попытку покрыть своей эгидой несчастных евреев. Евреи как последователи закона

Моисея не подвергались инквизиторскому преследованию. Но если, однажды обращённые, они возвращались к иудаизму, если они стремились к прозелитизму среди христиан и к обращениям, они становились еретиками в глазах Церкви, попадали под юрисдикцию Святого Официума и могли быть переданы светской руке. Симулированные обращения евреев были многочисленны, определяясь либо какой-либо материальной выгодой, либо желанием избежать неперестанного преследования, тяготевшего над несчастными детьми Израиля [17]. В 1268 году Климент IV обнародовал буллу *Turbato corde*, приказывающую инквизиторам проявлять активность и бдительность в преследовании всех евреев, виновных в этом преступлении. Та же булла была обнародована последовательно несколькими папами с настойчивостью, показывающей важность, которую они ей придавали. В 1274 году брат Бертран де ла Рош официально называется инквизитором Прованса против еретиков и дурных христиан, принимающих иудаизм. В 1283 году брат Гийом д'Осер получает титул инквизитора еретиков и евреев-отступников Франции. Эти титулы позволяют думать, что такого рода дела составляли важную часть инквизиторской работы. Евреи, совершенно неспособные защищаться, эта юриспруденция давала широкий предлог для дурного обращения и вымогательств.

Филипп был обязан самому себе защищать евреев: в 1291 году он лишил их особых судей и предписал им вести свои процессы в королевских судах. Он поэтому предпринял их защиту самым энергичным образом. С этой целью он отправил Симону Бризтетту, сенешалю Каркассона, экземпляр буллы *Turbato corde*, приказывая, чтобы эта булла соблюдалась буквально, чтобы ни один еврей не был арестован по какой-либо причине, не указанной в упомянутой булле, и чтобы в случае сомнения дело передавалось в королевский совет. Он присоединил к этим инструкциям Ордонанс, постановляющий, что ни один еврей во Франции не будет арестован по требованию ни одного члена или монаха какого-либо ордена, какова бы ни была должность этого церковнослужителя, без того чтобы факт был сообщён сенешалю или бальи. Те решат, достаточно ли ясно дело, чтобы его можно было урегулировать без вмешательства королевского совета. Симон Бризтетт приказал поэтому всем чиновникам защищать евреев, не позволять, чтобы им причиняли вымогательства, которые могли бы лишить их возможности платить налоги, и не арестовывать их по мандату какого-либо магистрата, не сообщив сначала о деле ему. Трудно было более ловко ограничить инквизиторскую власть в том, что касалось преследования презираемой касты [18].

Решительное вмешательство Филиппа могло дать угнетённому населению Лангедока основание ждать от него постоянной поддержки. Но позже эти надежды были опровергнуты политикой государя, политикой колеблющейся, которую отчасти объясняют, в той мере, в какой их можно различить, изменчивые потребности его времени. В том же 1293 году мы видим, как сенешаль Каркассона приглашает Эмери, виконта Нарбоннского, исполнить приказы, содержащиеся в королевских письмах, и содействовать в своём городе работе инквизиторов. Это было, возможно, просто местное дело. Филипп на время остался верен своей позиции. К концу 1295 года появился Ордонанс, исходящий от королевского двора, применимый ко всему королевству, запрещающий арест любого гражданина по требованию монаха какого-либо ордена, какова бы ни была должность, исполняемая этим монахом, если только сенешаль или бальи округа не согласился на арест и если лицо, требующее этого ареста, не предъявило папский приказ. Этот Ордонанс был отправлен всем королевским чиновникам со строгими предписаниями повиноваться ему. Однако в случае, если обвиняемый покажется склонным к бегству, можно было его задержать, но не выдавать, до тех пор, пока двор не примет решения. Сверх того, всякое лицо, содержащееся в настоящее время под стражей в нарушение условий Ордонанса, должно быть освобождено. Эти предписания не дали результата, которого ждал Филипп: несколько месяцев спустя, в 1296 году, король жаловался сенешалю Каркассона, что большое число граждан, арестованных королевскими чиновниками, содержится без достаточных оснований в королевских тюрьмах, что причиняет беспорядок и налагает на невинных

клеймо позора. Чтобы исправить это зло, всякий арест был запрещён, за исключением случаев, когда презумпция ереси была слишком сильна, чтобы можно было отложить преследование; чиновникам было приказано отвечать на требования инквизиторов такими отговорками, какие они смогут придумать. На этот раз повиновались. Около этого времени Фульк де Сен-Жорж, вице-инквизитор Каркассона, потребовав от Адама де Мароля, помощника сенешалья, ареста нескольких подозреваемых, королевский чиновник передал дело своему начальнику Анри де Элизиа, который после совещания с Робером д'Артуа, лейтенантом короля в Лангедоке и Гаскони, отклонил просьбу.

Ни один из предыдущих государей не пытался таким образом сковать инквизицию. Такая регламентация лишала Святой Официум всякой реальной власти. Действительно, у него не было собственной организации: даже его тюрьмы были королевскими и могли быть у него отняты в любой момент. Для применения материальной силы он был обязан прибегать к светской руке. В некоторых местностях, например, в Альби, он находил постоянную поддержку в епископской власти; но в других местах он не мог действовать сам. Сверх того, Филипп остерегался возбуждать недовольство своих епископов; его ордонансы и инструкции упоминали только монахов. Отказывая инквизиции в содействии королевских чиновников, он не называл явно Святой Официум. Он был тогда в начале своей ссоры с Бонифацием VIII. С января 1296 по февраль 1297 года появились знаменитые буллы *Clericis laicos*, *Ineffabilis amoris*, *Exiit nos* и *Exiit a te*, которые, дерзко посягая на светскую власть, побудили короля к сопротивлению. Эта публикация, несомненно, обострила желание, которое испытывал Филипп ослабить в своих владениях власть учреждения столь же чисто папского, как инквизиция. Этот предусмотрительный государь мог легко разглядеть важность Святого Официума как наступательного оружия в руках папы, поскольку Церковь имела полную свободу определять по своему усмотрению, что такое ересь. Бонифаций не колебался дать королю весьма ясное предупреждение. В октябре 1297 года он предписал инквизитору Каркассона начать преследование против некоторых чиновников Безье. Те стали подозрительны в ереси в глазах папы: они упорствовали под отлучением, навлечённым за то, что обложили налогами духовенство; они заявляли весьма громко, что пища не потеряла для них вкуса, как и сон не потерял своей сладости; сверх того, они осмеливались своими нечистыми устами оскорблять сам Святой престол. Такое расширение юрисдикции могло угрожать даже безопасности Филиппа: поэтому усилия, предпринятые в 1296 и 1297 годах, чтобы найти способ примирить недавние королевские Ордонансы и инквизиторский абсолютизм, освящённый обычаем, остались тщетными, чему не следует удивляться.

Однако требования итальянской политики вынудили Бонифация вскоре повернуть назад. В своём раздоре с кардиналами Джакомо и Пьетро Колонна он счёл полезным привлечь на свою сторону добрую волю Филиппа. В мае 1297 года он согласился позволить своим епископам платить десятину королю; затем в июле 1297 года буллой *Noveritis* он приостановил во Франции применение буллы *Clericis laicos*; наконец буллой *Licet per speciales* от июля 1298 года он отказался от высокомерной претензии, которую выставлял, — повелительно продлевать перемирие между Францией и Англией. Так было заключено перемирие с Филиппом, который, чтобы доказать свои добрые намерения в отношении Святого престола, поспешил снова бросить своих подданных на произвол инквизиторов. В *Liber Sextus* Декреталий, обнародованном Бонифацием 3 марта 1298 года, папа со свойственным ему высокомерию включил канон, требующий абсолютного повиновения всех светских чиновников приказам инквизиторов. Всякое сопротивление подлежало отлучению; упорство, продолженное в течение года, влекло осуждение за преступление ереси. Это был ответ на законодательство, дерзко введённое французским монархом. Филипп в этот момент был не в настроении возбуждать споры. Весьма смиренно в сентябре он направил своим представителям этот канон, к которому присоединил инструкции, требующие строгого повиновения папским приказам, ареста и заключения всех обвиняемых,

указанных инквизиторами или епископами, наказания всех тех, кого эти церковнослужители осудили бы. Брат Арно Жан, инквизитор Фюмье, направил 2 марта того же года письмо евреям, уверяя их, что им нечего бояться новых суровых мер, что, по-видимому, указывает на то, что королевская защита перестала их покрывать.

Доброе согласие между королём и папой длилось до 1300 года. В этот момент ссора вспыхнула снова, с ещё большей силой. В декабре этого года статьи буллы *Clericis laicos* были снова включены в буллу *Nuper ex rationabilibus*; затем появилась короткая булла, подлинность которой оспаривается, *Scire te volumus*, утверждавшая подчинение Филиппа в мирских делах и тотчас вызвавшая его знаменитую реплику *Sciat tua maxima fatuitas*. Борьба продолжалась с постоянно растущей силой вплоть до ареста Бонифация в Ананьи 8 сентября 1303 года. Папа умер месяц спустя.

Среди этих политических превратностей участь народа Лангедока была плачевной. Николя д'Абвиль, инквизитор Каркассона, человек неумолимой строгости, с высокомерием держался абсолютного осуществления своих прерогатив. У него был достойный его помощник в лице Фулька де Сен-Жоржа, приора монастыря Альби, находившегося под юрисдикцией инквизитора. Он имел фактически второго помощника, епископа Бернара де Гастане, который любил играть роль инквизитора. Этой доброй воле способствовали фанатизм и алчность, ибо известно, что епископы Альби по особому договору с Людовиком Святым пользовались половиной конфискаций. До своего возвышения на епископство Бернар был аудитором в папской палате, что доказывает, что он был совершенным законоведом; он также щеголял покровительством искусству и литературе. Однако он всегда был в раздоре со своей паствой. Уже в 1277 году он так их вывел из себя, что его дворец был взят приступом вопящей толпой, и он сам спасся от бедствия лишь жизнью. В 1282 году он начал строительство собора Святой Цецилии, гигантского здания, наполовину церкви, наполовину крепости, которое поглотило огромные суммы и которое стимулировало его ненависть к ереси ввиду благочестивого употребления, которое можно было сделать из имущества еретиков [19].

Таким людям казалась весьма неуместной защита, оказанная Филиппом своим подданным. Еретики, естественно пользуясь всеми ограничениями, наложенными на инквизицию, удваивали активность. Они могли действительно думать, что время главенства Церкви прошло, что зарождающаяся независимость светской власти откроет эру относительной терпимости и что их преследуемая религия наконец найдёт столь долго откладывавшийся случай завоевать человечество — мечта, которую они лелеяли до конца. Более очевидным, если не более глубоким, было чувство, которое королевская политика вызвала в Каркассоне. Ордонансы, парализуя инквизицию, свидетельствовали, сверх того, о немилости Святого Официума у короля. В 1295 году несколько видных граждан, замешанных в процессах 1285 года, без труда сумели вызвать в народе открытое сопротивление. Некоторое время они управляли городом, не без большого ущерба для доминиканцев и для всех, кто осмеливался защищать монахов. Николя д'Абвиль был прямо во время проповеди изгнан со своей кафедры, осыпан камнями и преследуем с мечом в руке. В другом случае судьи королевского трибунала могли порадоваться, что вышли живыми из подобной же схватки. Что же до монахов, их били и оскорбляли, когда они появлялись на публике. Их сторонились как фактически отлучённых. Бернар Ги, очевидец, естественно приписывает всё это влиянию ереси. В действительности сегодня совершенно невозможно сказать, какая доля в этих событиях принадлежала религиозному антагонизму, и какая должна быть отнесена к логической реакции, вызванной у ортодоксов невыносимым инквизиторским угнетением.

В течение нескольких лет инквизиция была приостановлена в Каркассоне. Как только ей не хватало светской поддержки, общественное мнение было слишком сильным, и Святой Официум падал. Поэтому приостановка длилась до момента, когда перемирие между королём и папой предоставило королевскую власть в распоряжение инквизиторов. В своём отчаянии

граждане отправили тогда к Бонифацию VIII депутацию во главе с Эмери Кастелем, насчитывавшую несколько францисканцев. Бонифаций выслушал их жалобы и предложил отправить епископа Виченцы с поручением провести расследование и составить отчёт; но папский референдарий, впоследствии кардинал С. Сабины, потребовал премию в десять тысяч флоринов в качестве вступительного взноса. Сумма была обещана. Затем Эмери, заручившись добрыми услугами Пьера Флотта и герцога Бургундского, счёл, что может достичь своей цели дешевле, и отказался платить. Бонифаций, узнав об этом отказе, с досадой воскликнул: «Мы знаем, кто им даёт эту дерзость; но, клянусь Богом, все короли христианского мира не спасут от костра людей Каркассона и, в особенности, отца этого Эмери Кастеля!»

Переговоры провалились. Николя д'Абвиль торжествовал. Большое число граждан было измучено этими неприятностями и с нетерпением переносило отлучение, тяготевшее над всем населением. Процветание города упало; многие предсказывали его близкое разорение. Бесплезность всякого сопротивления была отныне очевидна. Поскольку ситуация стала таким образом благоприятной для соглашения, 27 апреля 1299 года было проведено торжественное собрание. Гражданские магистраты собрались с инквизитором в присутствии епископов Альби и Безье, Бертрана де Клермона, инквизитора Тулузы, королевских чиновников, различных аббатов и других знатных лиц. Николя продиктовал условия, которые он сам ставил для испрашиваемого отпущения. Внешне он не показался слишком суровым. Люди явно еретические, или особо считающиеся таковыми, или уличенные законным доказательством, понесут свою участь. Остальным будут наложены такие епитимии, какие угодно будет выбрать епископам и аббату Фонфруада, за исключением конфискации и телесных или унижительных наказаний. Всё это было довольно умеренно с церковной точки зрения. Однако недоверие было столь глубоко укоренено, или еретическое влияние столь сильно, что народ попросил двадцать четыре часа на размышление и на следующий день принёс собранию отказ. Прошло шесть месяцев, делая с каждым днём всё более ощутимыми покинутость и изоляцию граждан. 8 октября состоялось новое собрание, на котором консулы от имени города попросили отпущения. Николя не был требователен. Епитимия, наложенная на город, включала строительство часовни в честь Людовика Святого. Часовня была воздвигнута в 1300 году и стоила девятисто турских ливров. Консулы от имени города тайно отреклись от ереси. Двенадцать самых виновных граждан были назначены для особых епитимий. Это были четыре бывших консула, четыре советника, два адвоката и два нотариуса. Эти жертвы должны были, несомненно, подвергнуться печальной участи. К счастью, сохранился приговор, вынесенный одному из зачинщиков беспорядков, Гийему Гаррику. После того как он двадцать два года гнил в ужасной темнице Каркассона, он наконец предстал перед судом, чтобы быть судимым, в 1321 году. Ввиду его долгого заключения ему дали выбор между крестовым походом и изгнанием. Сломленный старик упал на колени, благодаря Иисуса Христа и инквизиторов за оказанную ему милость. Несколько лет спустя Бернар Делисьё, ознакомившись с текстом соглашения, обнаружил, что консулы представлены в нём как признавшие помощь, оказанную всем городом явным еретикам. Он констатировал, что эти самые консулы отреклись от имени всех и что таким образом все граждане оказались не только исключены с публичных должностей, но и подвержены, в случае новых волнений, наказаниям, установленным для рецидивистов. Это разоблачение вызвало в городе такое волнение, что инквизитор Жоффруа д'Абли был вынужден 10 августа 1303 года обнародовать торжественное заявление, удостоверяющее, что он вовсе не намерен пользоваться этим оружием. Тем не менее, когда король Филипп прибыл в Каркассон в 1303 году, соглашение было объявлено незаконным: сенешаль Ги Каприе, отстранённый от должности за то, что согласился приложить свою печать к этому акту, признался, что получил за это от Николя д'Абвиля премию в тысячу турских ливров.

Ободрённая бездействием инквизиции, временно парализованной, катарская пропаганда снова взялась за дело с новой силой. В 1299 году Безьеский собор встревожил всех, объявив,

что в стране появились совершенные еретики, и приказав тщательно их разыскивать. В Альби епископ Бернар был, как обычно, в раздоре со своей паствой, которая судилась с ним в королевском суде за защиту своих прав. Случай был удобный. Он призвал на помощь инквизиторов Николя д'Абвиля и Бертрана де Клермона. К концу 1299 года город был взбудоражен арестом двадцати пяти самых богатых и уважаемых граждан, которых их регулярное присутствие на мессе и соблюдение всех религиозных обязанностей подняли выше всяких подозрений. Процессы велись с необычной быстротой. Видя, как те, кто сначала отрицал, были приведены к признанию и раскрытию имён своих единоверцев, следует думать, как думало общественное мнение, что пытка применялась без стеснения. Впрочем, на неё есть намёки в окончательном приговоре Гийему Кальвери, одной из жертв, и это доказательство снимает все сомнения. Отречение спасало жертв от костра, но приговор к пожизненному заключению в цепях был сомнительным преимуществом для осуждённых. Numerous другие оставались бесконечно в тюрьме, ожидая приговора.

Вся страна была созрела для восстания. Возобновление раздора между Филиппом и Бонифацием вскоре дало надежду, что Корона поддержит усилия преследуемых. За неимением этой помощи население, доведённое до отчаяния, без колебаний обратилось бы к любому другому государю, расположенному выслушать его жалобы. Арест и процесс епископа Памье, обвинённого в измене в 1301 году, красноречиво свидетельствовали о состоянии умов в Лангедоке. Французы были там ещё ненавистными чужаками; король был деспотом другой расы. Недовольный народ был готов принести свой оммаж Англии или Арагону, как только увидит свою выгоду в измене. Чтобы хорошо понять изменчивую политику Филиппа, нужно точно отдавать себе отчёт в хрупкости связи, соединявшей тогда Южную Францию с королями Парижа.

Преследования в Альби вызвали всеобщий ужас. Жертвы, действительно, повсеместно считались добрыми католиками. Только богатство определило выбор грабителей. Повсюду были убеждены, что такие инквизиторы, как Жан де Фог, Гийем де Мюльсон, Жан де Сен-Сен, Жан Галанд, Николя д'Абвиль и Фульк де Сен-Жорж, не слушали никаких угрызений совести, когда речь шла о получении угрозами или пытками свидетельств, нужных им, чтобы ограбить какого-нибудь богатого гражданина. Говорили даже, что их регистры фальсифицированы и заполнены подложными показаниями, изготовленными с этой целью. Несколько лет назад доминиканец брат Жан Мартен призвал к вмешательству Пьера де Монбрена, архиепископа Нарбоннского (умершего в 1286 году), чтобы положить конец этой несправедливости. Было начато расследование, установившее точность обвинений. Можно было констатировать, что мёртвые были особой добычей этих стервятников, которые задолго подготовили свои преступления. Свирепая ортодоксия Маршалов Веры не защитила даже Ги де Леви де Мирпуа от этой посмертной атаки. Когда Готье де Монбрэн, епископ Каркассона, умер, инквизиторы извлекли из своих регистров доказательство, что он поклонялся еретикам и позволил «охеретичить» себя на смертном одре. К счастью, в этом последнем деле архиепископ оказался знающим, что один из свидетелей, Журден Ферруа, отсутствовал в то время, когда, согласно его предполагаемому свидетельству, он заявлял, что присутствовал при акте поклонения. Брат Жан Мартен торопил архиепископа уничтожить все регистры и отстранить доминиканцев от их должностей. Прелат сделал усилие в этом направлении при римском дворе и удовольствовался пока обнародованием нескольких мандатов и секвестром некоторых книг. Вероятно, во время этой бури инквизиторы Каркассона и Тулузы, Николя д'Абвиль и Пьер де Мюльсон, узнав, что их вот-вот уличат в мошенничестве, удалились, унеся свои регистры, в надёжное убежище Пруй. Там они принялись переписывать протоколы, опуская компрометирующие подлоги, которые они ловко вводили в обложки, вырванные из старых томов.

Около этого времени представился случай, подтвердивший народную веру в инквизиторскую несправедливость. Его результаты были гораздо важнее, чем предвидели те, кто начал

дело. Не пустой угрозой была клятва, данная разочарованным Бонифацием VIII, сжечь отца Эмери Кастеля. Николя д'Абвиль был вполне расположен стать послушным орудием папского гнева; Бонифаций дал ему необходимые устные инструкции. Кастель Фабри, отец, был гражданином Каркассона, замечательным своим благочестием и благожелательностью не меньше, чем богатством. Друг ордена францисканцев, он должным образом принял таинства перед смертью в 1278 году из рук этих монахов, шестеро из которых бодрствовали у него до последнего момента. Он был погребён на кладбище францисканцев. Но процесс графа де Фуа показал нам, с какой лёгкостью инквизиция, мало стесняясь угрызениями совести, умела достигать своих целей. Николя не составило труда найти или изготовить нужные ему свидетельства [20]. Внезапно в 1300 году народ Каркассона услышал, как во всех приходских церквях читают ошеломляющее объявление. Граждане, желающие защитить память Кастель Фабри, приглашаются явиться в назначенный день перед инквизицией, поскольку покойный уличен в том, что позволил «охеретичить» себя на смертном одре. Момент был выбран хорошо: Эмери Кастель, сын, отсутствовал. Францисканцы, которых обвиняемый, без сомнения, щедро одарил в своём завещании, сочли себя обязанными взять на себя его защиту. После быстрого совещания они решили отправить своего лектора Бернара де Лигосси, или Делисьё, за инструкциями к генеральному капитулу, тогда собравшемуся в Марселе. Ввиду обычного антагонизма, существовавшего между различными нищенствующими орденами, это дело имело вид заговора против францисканцев. Жена Эмери Кастеля позаботилась о расходах на поездку. Бернар вернулся, ободрённый провинциалом защищать память покойного. Элеазар де Клермон, синдик монастыря, был присоединён к нему в качестве помощника хранителем Нарбонны. Однако Николя уже вынес приговор. Когда Бернар и Элеазар явились 4 июля 1300 года, чтобы предложить свидетельство монахов, бодрствовавших у умирающего, Николя не дал им времени сесть и отказался их выслушать. Когда они настаивали на том, чтобы добиться выслушивания их свидетелей, инквизитор покинул зал. Во второй половине дня оба францисканца вернулись, чтобы потребовать свидетельство, констатирующее предложение и отклонение их просьбы; они нашли дверь инквизиции закрытой.

Следующим шагом, который предстояло предпринять, была апелляция к папе и просьба об апелляционном обращении; но это было нелёгким делом. Ужас, внушённый Николя, был столь всеобщим, что доктор Декреталий Жан де Бенн, к которому они обратились, чтобы составить акт, согласился лишь при обещании, что его имя будет сохранено в тайне. Девятнадцать лет спустя Бернар на своём процессе отказался раскрыть это имя, пока его не принудили к тому силой. Ещё труднее было найти нотариуса, готового удостоверить апелляцию. Все нотариусы Каркассона отказались; пришлось искать довольно далеко человека закона, так что документ был готов лишь 16 июля. Этот шаг считался всеми столь серьёзным, что заключение апелляции помещало не только труп Кастель Фабри, но и всех апеллянтов и весь монастырь францисканцев под защиту Святого престола. Когда пришли представить акт Николя, нашли, как и прежде, дверь закрытой, и не удалось его увидеть. Соответственно, апелляцию прочитали на улице и оставили прибитой к двери. Она была снята инквизицией, помещена в архивы и предъявлена как обвинение против Бернара в 1319 году. Других подробностей этого дела не сохранилось. Очевидно, что апелляция осталась без последствий, поскольку счета Арно Ассалита показывают, что в 1322–1323 годах королевская казна ещё получала доход с владений, конфискованных у Кастель Фабри. С другой стороны, в 1329 году инквизиция, чья ненависть ещё не утихла, приказала выкопать кости Риксенды, жены осуждённого [21].

Это дело Кастель Фабри, возможно, прошло бы незамеченным, как тысячи других, если бы оно не вызвало конфликт между инквизицией и лектором монастыря Каркассона. Бернар Делисьё не был обычным человеком. Один современник уверяет даже, что во всём ордене францисканцев мало кто ему равнялся. Принятый в орден в 1282 году, он был назначен лектором, то есть профессором, каковой сан доказывает, в каком почёте было его знание. Нищен-

ствующие были очень внимательны в выборе лиц, которым доверяли эти должности. Сверх того, известно, что он был в сношениях с самыми замечательными людьми эпохи, среди прочих с Раймундом Луллия и Арно де Вильнёвом. Его красноречие делало его весьма востребованным проповедником; его влияние на умы позволяло ему направлять тех, с кем он находился в контакте; его воодушевлённое рвение давало ему возможность приносить все жертвы делу, которое однажды завоевало его симпатии. Он не был расслаблен в своих религиозных принципах и не делал уступок обстоятельствам. Поэтому, когда произошёл раскол в самом его ордене, он ради своей гибели принял сторону духовных францисканцев с тем же презрением к личной выгоде, какое проявил в своих столкновениях с инквизицией. Он не требовал терпимости и горячо желал истребления ереси; но опыт и наблюдение дали ему уверенность, что в руках доминиканцев инквизиция была лишь орудием угнетения и вымогательства. Он воображал, что, переданный францисканцам, Святой Официум сохранит свою полезность, освободившись от своих пороков. Бонифаций VIII, как известно, чтобы положить конец подобным злоупотреблениям, заменил около этого времени доминиканцами францисканских инквизиторов Падуи и Виченцы. Зависть и антагонизм, существовавшие между двумя орденами, казалось, позволяли в Лангедоке испробовать обратную операцию. С надеждой облегчить страдания народа Бернар посвятил себя этому делу на годы, подвергаясь ненависти, преследованию и неблагодарности. Те, чьим интересам он стремился служить, позволили, чтобы он дошёл до того, что продал ради них свою библиотеку и покрыл себя долгами; враждебность, которую он возбудил с другой стороны, преследовала его без передышки до самой смерти. По крайней мере, он сохранил в этой борьбе симпатии своего ордена, который по всему Лангедоку всегда показывал себя врагом доминиканской инквизиции. Уже в 1291 году францисканцы попытались в Каркассоне вмешаться в дела о ереси; они получили резкий выговор от Филиппа Красивого по настоянию инквизитора Гийома де Сен-Сена. В 1298 году они поддержали апелляцию, направленную жителями Каркассона к Бонифацию VIII. Пока длились усилия Бернара, мы видим монастыри францисканцев служащими центром сплочения оппозиции. Именно там Бернар произносил свои пламенные проповеди, там проводились собрания, где организовывалось сопротивление. В ходе волнений в Каркассоне Фульк де Сен-Жорж отправился с двадцатью пятью людьми в монастырь францисканцев, чтобы вызвать противников инквизиции. Монахи отказались его принять и велели звонить в колокол; разъярённая толпа собралась, в то время как изнутри монастыря на непрощенных гостей сыпался град камней и ругательств. Фульк и его люди отступили, слишком счастливые, что так дёшево отделались.

Напрасно инквизиторы жаловались францисканским прелатам и обвиняли Бернара в том, что он чинит препятствия Святому Официуму. Они не могли бы добиться ничего, кроме видимости процесса, на котором их враг предстал бы с письмами, удостоверяющими его невиновность. Доминиканцы утверждали, что единственным побуждением рвения францисканцев была зависть; францисканцы отвечали, что их друзья были особыми жертвами инквизиторского преследования. Исповедник короля Филиппа был доминиканцем, исповедник королевы Жанны — францисканцем: оба придворных монаха принимали сторону за или против инквизиции с рвением, делавшим их важными факторами в конфликте. Вечная враждебность двух орденов всегда ставила их в оппозицию по всем пунктам догмы или дисциплины. Этот вопрос о Святом Официуме открывал для ненависти самое широкое поле и безграничные перспективы.

Удар, нанесённый по предполагаемым еретикам Альби в декабре 1299 года и в первые месяцы 1300 года, вызвал всеобщее смятение. Такое дело не могло остаться незамеченным. Ссора между королём Филиппом и Бонифацием только что возобновилась; король не мог не желать дать почувствовать своим подданным, что Корона умеет их защищать. По совету своего совета было предписано расследование и поручено епископам Безье и Магелона; но инквизиторы с высокомерием воспротивились и отказались позволить нарушить тайны своего учреждения. Эта неудача не была способна успокоить народ. В 1301 году Филипп отправил

в Лангедок двух чиновников, облечённых абсолютными полномочиями, которых он назвал Реформаторами. Ввиду растущего расширения королевской власти часто случалось, что делегаты посылались таким образом специально для розыска и исправления злоупотреблений. В данном случае те, кто прибыл в Лангедок, имели, по-видимому, главной целью арест епископа Памье, обвинённого в измене. Предлогом, которым прикрыли их миссию, была реформа инквизиторских злоупотреблений. Один из них, Жан де Пекиньи, видам Амьена, был человеком, известным своей честностью и проницательностью; другой был Ришар Непве, архидиакон Лизьё, о котором мало говорится в последующие годы и о котором известно лишь, что он без шума вкрался в вакантное епископство Безье. Однако он должен был до известной степени исполнить свою задачу. Бернар Ги рассказывает, что тот умер в 1309 году от проказы, наказания, посланного Богом за его враждебность к инквизиции [22].

Реформаторы обосновались в Тулузе, где Фульк де Сен-Жорж был инквизитором до Михайлова дня (29 сентября) 1300 года. Вскоре они собрали против него *numerosus* уничтожающих свидетельств: его обвиняли не только в том, что он пытал невинных, чтобы вырвать у них деньги, но и в том, что он арестовывал женщин, чью добродетель не мог победить иначе. Делегаты, посланные из Альби, сбежались толпой, приводя женщин и детей узников, требуя правосудия у представителей короля и обещая разоблачения при условии, что Реформаторы выдадут охранные грамоты для обеспечения безопасности свидетелей. Таков был ужас, внушённый инквизицией, что никто не осмеливался свидетельствовать против неё! Епископ Альби также явился оправдываться. По возвращении на свою епископскую кафедру он получил приём, показывающий чувства его паствы к нему, чувства, которые граждане, ободрённые приходом Реформаторов, больше не боялись выражать. При его приближении толпа мужчин и женщин бросилась из ворот и встретила его криками: «Смерть, смерть предателю!» Правда ли, как рассказывают, что он переносил угрозы и оскорбления с терпением, достойным Христа, и приказал людям своего эскорта держать меч в ножнах? Достоверно то, что с ним очень дурно обошлись, и он не без труда добрался до своего дворца. Был составлен заговор, чтобы поджечь его, а затем, воспользовавшись беспорядком, освободить узников; но мужество заговорщиков ослабло, и проект был оставлен.

Ещё более угрожающим было решение нескольких граждан, которые обязались нотариальным актом преследовать епископа и Николя д'Абвиля перед королевским судом. Следствием этого процесса был секвестр мирских имуществ епископа; впоследствии огромный штраф в двадцать тысяч ливров лишил его, в пользу короля, части его дурно приобретённых доходов. Бернар Делисьё горько упрекал Филиппа за то, что тот предпочёл деньги правосудию. Бернар де Кастане сохранял свою кафедру до 1308 года среди тысячи трудностей. В это время, не считая, что при Клименте V времена должны стать лучше, он добился своего перевода в Пюи. Одним из первых симптомов реакции при Иоанне XXII (декабрь 1310 года) было назначение этого прелата кардиналом Порто, которое он, впрочем, сохранял лишь восемь месяцев, ибо умер в августе 1317 года [23].

Однако Реформаторы вызвали Бернара Делисьё, тогда поглощённого своими мирными обязанностями лектора в монастыре Нарбонны. Без сомнения, он уже обратил на себя внимание в деле Капель Фабри и казался ценным союзником в предстоящей борьбе. По его собственному рассказу, он пригласил Пекиньи оставить инквизицию в покое, поскольку опыт показал, что против неё ничего нельзя сделать. Тем не менее, вызванный в Тулузу по делу, касающемуся приорства Дорад, затем вынужденный отправиться в Париж по поводу завещания Людовика, епископа Тулузского, он согласился, по совету Пекиньи, сопровождать депутацию, отправленную гражданами Альби к королю, чтобы просить вмешательства государя. Двор был в Санлисе. Посланцы отправились туда, а также Пекиньи, который приехал оправдываться, и брат Фульк с несколькими доминиканцами, желавшими установить полную невиновность инквизиторов. Битва разыгралась перед королём. Бернар настоятельно просил начать расследование, на время

которого инквизиторы будут отстранены от должностей, или объявить доминиканцев избираемыми на эти должности до окончательного решения Святого престола. Поддержанный братом Гийомом, доминиканским исповедником короля, Фульк выдвинул обвинения против Пекиньи, но не смог привести доказательств. Пекиньи ответил обвинениями против Фулька. Тогда была назначена комиссия в составе архиепископа Нарбоннского и коннетабля Франции с поручением выслушать обе стороны. После зрелого обсуждения отчёт был благоприятен для Пекиньи. Тогда король принял меру неслыханной дерзости: он отстранил инквизитора. Сначала он потребовал отзыва Фулька у провинциала доминиканцев Парижа, который один имел право его объявить. Тот созвал капитул, который удовольствовался назначением помощника инквизитора и приказом Фульку оставаться на своём посту до середины следующего Великого поста, чтобы завершить текущие процессы. Филипп, живо раздражённый этим решением, выразил свой гнев в суровых письмах к своему капеллану и к епископу Тулузскому, горько упрекая последнего за то, что тот советовал принять эти условия. Но он не удовольствовался словами: 8 декабря 1301 года он написал епископу, инквизитору Тулузы, сенешалю Тулузы и Альби, объявляя им, что крики и мольбы его подданных, прелатов и церковнослужителей, графов, баронов и других людей высокого звания убеждают его в существовании обвинений, выдвинутых против Фулька, виновного, по его мнению, в преступлениях, от которых человечество приходит в ужас. Этот инквизитор сокрушал народ вымогательствами и угнетением; он имел обыкновение начинать свои процедуры с пыток невообразимой жестокости, принуждая таким образом к признаниям тех, кого подозревал. Когда это средство не удавалось, он подкупал свидетелей и побуждал их к лжесвидетельству. Его гнусные эксцессы посеяли повсюду такой ужас, что следовало опасаться восстания, если promptly не remedy его злоупотреблениям. Некоторые ещё пытались, без успеха, воспротивиться отстранению Фулька. Но граждане мало выиграли от назначения его преемника Гийома де Морьера, который сменил его ранее в приорстве Альби. Фульк был награждён важным приорством Авиньона. Позже он умер бедным в Лионе и считался своим орденом мучеником.

Филипп не удовольствовался тем, что избавился от Фулька; он решил ввести реформы. Эта попытка была одновременно проявлением королевского главенства и образцом всех усилий, предпринятых впоследствии для обуздания злоупотреблений инквизиции. Естественно, что эта мера приняла форму восстановления епископской власти, тогда столь глубоко падшей. Прежде всего тюрьма, которую Корона велела построить в Тулузе на своём собственном домене, но для использования инквизицией, должна была быть передана под надзор чиновника, выбранного одновременно епископом и инквизитором; в случае разногласия между ними должность передавалась сенешалю. Инквизитор лишался права производить произвольные аресты. Он был обязан советоваться с епископом; если оба не приходили к согласию, вопрос решался большинством голосов собранием, составленным из представителей епископства и францисканских и доминиканских монастырей. После этих предварительных действий аресты должны были производиться только сенешалем, если только речь не шла об иностранных еретиках, бегства которых следовало опасаться. Освобождение под залог должно было решаться так же, как арест. Ни епископ один, ни инквизитор один не могли требовать повиновения. ««Мы не потерпим», — говорил король, — чтобы жизнь наших подданных была отдана на усмотрение одного человека, который, даже если им не движет алчность, рискует быть недостаточно осведомлённым». Как ни неполными казались впоследствии эти реформы, они произвели в тот момент хорошее впечатление. По крайней мере на время инквизиция была парализована. Аресты, происходившие прежде каждую неделю, тотчас прекратились. В течение 1302 года эти положения были включены в общий Ордонанс: законодательство 1293 года в пользу евреев также было обнародовано вновь. Филипп позаботился одновременно явить достаточную заботу об уничтожении ереси, опубликовав вторично строгий эдикт Людовика Святого. Когда Гийом де Морьер был назначен в тулузскую инквизицию, король написал сенешалю,

предписывая предоставить королевские тюрьмы в распоряжение инквизитора, выплачивать ему обычные вознаграждения и содействовать ему во всём до нового распоряжения.

Эта регламентация принесла мало пользы Альби, ибо в этом городе именно инквизиторские процедуры, проводимые самим епископом, вызвали весь беспорядок. Граждане Альби ещё томились в тюрьме инквизиции Каркассона. Многочисленная депутация, составленная из мужчин и женщин, была отправлена к королю; её сопровождали два францисканца, Жан-Эктор и Бертран де Вильдель. На этот раз снова присутствовал Бернар Делисьё. Он был весьма кстати выбран представлять орден перед королём, который просил мнения монахов по поводу своего раздора с папой Бонифацием. Все эти персонажи последовали за королём в Пьерфон, затем в Компьень. Филипп дал им добрые слова, обещал вскоре приехать в Лангедок, чтобы уладить дела, и утешил их даром в тысячу ливров, каковую щедрость он вполне мог себе позволить, поскольку конфискованные имущества узников были в его руках и не были возвращены.

Всё это, как можно думать, мало удовлетворяло угнетённых. Народ также не был успокоен отстранением Николя д'Абвиля, ибо его преемником в инквизиции Каркассона стал Жоффруа д'Абли, человек столь же энергичный и столь же безжалостный, как Николя. Новый инквизитор привёз королевские письма от 1 января 1303 года, предписывающие всем чиновникам оказывать ему повиновение. Народный гнев становился всё более угрожающим. Поскольку Альби не имел штатных местных инквизиторов и находился в округе инквизиции Каркассона, недовольство обрушилось на доминиканцев, считавшихся представителями ненавистного трибунала. В первое воскресенье Адвента, 2 декабря 1302 года, монахи, придя, как обычно, проповедовать в церквях, были грубо выброшены и осыпаны криками: «Смерть предателям!» Они могли считать себя счастливыми, что добрались до своего монастыря. Это положение сохранялось несколько лет; монахи едва осмеливались показываться на улицах; они никогда не были избавлены от оскорблений. Все милостыни, все права погребения им отказывались; народ не хотел даже присутствовать на мессе, служимой в их церкви. Имена Доминика и Петра Мученика были стёрты на распятии, помещённом у главных ворот города, и заменены именами Пекиньи, Непве и двух граждан, бывших вождями восстания, Арно Гарсиа и Пьера Проби де Кастра.

Альбийские узники всё ещё не видели приближения часа освобождения. Бернар Делисьё побудил Пекиньи приехать в Каркассон, чтобы изучить дело на месте. Летом 1303 года Пекиньи отправился туда и увидел, как навстречу ему вышла толпа людей из Альби, мужчин и женщин, умоляющих его освободить их. В ходе своего расследования он нашёл мирный договор, составленный в 1299 году между Николя д'Абвилем и консулами Каркассона. В пламенной проповеди брат Бернар сообщил его текст народу. Когда узнали его условия, гнев стал исступлением. Вспыхнули мятежи; были разрушены дома нескольких бывших консулов и дома людей, считавшихся друзьями инквизиции. Церковь доминиканцев была осаждена, окна разбиты, статуи портала сброшены, монахи избиты. Нарушить тюрьмы инквизиции было делом весьма серьёзным; кажется, Пекиньи желал увидеть, как отразят разъярённую толпу, прежде чем рискнуть на этот дерзкий акт. Когда он на него решился, он настолько ожидал сопротивления, что с согласия Бернара собрал в монастыре францисканцев восемьдесят человек и искусных рабочих, готовых в случае необходимости взломать темницы. Вмешательство этих помощников не понадобилось: Жоффруа д'Абли уступил. В августе 1303 года Пекиньи велел вывести из их темниц альбийских узников не для того, чтобы освободить их от всякого преследования, но, чтобы перевести в королевские тюрьмы. Он отказался последовать совету Бернара, предлагавшего отвести их к королю. Возможно, какое-то время с ними обращались менее сурово, но они не извлекли из этой перемены прочной выгоды. Когти инквизиции не легко выпускали свою добычу. Святой Официум вернул своих узников; в дальнейшем будет видно, что он держал их до конца [24].

Однако удалось добраться до этих несчастных: они рассказали о пытках, которым их подвергли. Были составлены списки с именами всех граждан, которых их принудили обвинить в ереси. Эти списки ходили по стране и вызвали всеобщую тревогу благодаря францисканцам, деятельно способствовавшим их распространению. Со своей стороны инквизитор Жоффруа д'Абли был на высоте обстоятельств. Он вызвал Пекиньи к себе и возбудил против него процесс за чинение препятствий инквизиции. Пекиньи отказался явиться на вызов, и Жоффруа отлучил его 29 сентября. Отлучение, поспешно переданное в Париж, было там произнесено доминиканцами. Этот дерзкий шаг дал всем понять серьёзность конфликта, возникшего между Церковью и государством. Консулы и народ Альби направили королеве настоятельную петицию, умоляя её добиться от короля, чтобы он не покинул их, отозвав Реформаторов, которые уже сделали столько добра и на которых покоилась последняя надежда угнетённых. Были также, но тщетно, попытки помешать обнародованию приговора об отлучении. В Кастре 13 октября Жан Риколь, священник церкви Святой Марии, огласил его с кафедры, как было его обязанностью; тотчас арестованный делегатом королевского вигье Альби, он был притащен в монастырь францисканцев. Там ему угрожали, с ним дурно обращались; монахи пытались всеми средствами побудить его снять отлучение. Это было серьёзное посягательство на церковную неприкосновенность; но признали бесполезность подобных методов. Власть Пекиньи была парализована, пока отлучение не было снято; а оно могло быть снято лишь человеком, который его произнёс, или самим папой [25].

Избрание Бенедикта XI 21 октября омрачило на мгновение прояснившийся горизонт. Будучи сам доминиканцем, он был неизбежно хорошо расположен к инквизиции. Чтобы не потерять то небольшое, что было достигнуто, нужно было удвоить усилия; но, даже при самом лучшем раскладе, процесс в римской курии был делом дорогостоящим. Пекиньи апеллировал к папе: он написал из Парижа 29 октября городам Лангедока, испрашивая их поддержки в преследовании, которое он навлёк на себя ради их дела. Бернар Делисьё поспешно занялся получением запрошенной помощи. Благодаря его энергии три города, Каркассон, Альби и Корд, заключили союз и обязались предоставить сумму в три тысячи ливров. Каркассон должен был дать половину, остальное должны были внести два других города. Субсидии должны были продолжаться в тех же пропорциях, пока длится процесс. После смерти Пекиньи то же обещание было возобновлено его сыну Рено. Но поскольку дело затягивалось, три города устали. Бернар, собравший некоторые деньги под свою личную ответственность, остался обременён тяжёлыми обязательствами; тщетно он добивался от неблагодарных городов возврата того, что ему причиталось.

Таким образом, ссора на некоторое время была перенесена в Рим. Пекиньи отправился в Италию. Король и муниципалитеты Каркассона и Альби присоединили к нему делегатов, поручив им защищать его дело. Его противником был Гийом де Морьер, инквизитор Тулузы, посланный туда, чтобы вести дело против него. Бенедикт вскоре показал, на чью сторону клонятся его симпатии. В Перудже, в то время как папа председательствовал на торжествах Пятидесятницы 17 мая 1304 года, Пекиньи рискнул войти в церковь. Бенедикт увидел его и, указывая на него пальцем, сказал магистру церемоний П. де Брайда: «Выгоните мне этого патарена!» Магистр церемоний поспешил повиноваться. Инцидент был знаменательным. После смерти Бенедикта и Пекиньи Жоффруа д'Абли велел включить в документы процесса нотариальный и удостоверенный акт, рассказывающий об этом факте. Итальянский климат был очень вреден для людей по ту сторону Альп. Морьер умер в Перудже; Пекиньи последовал за ним в Аbruццо 29 сентября 1304 года, в годовщину своего отлучения. Оставаясь год под отлучением за чинение препятствий инквизиции, он был юридически еретиком. Его погребение в освящённой земле можно объяснить лишь смертью Бенедикта, последовавшей незадолго до того. Жоффруа д'Абли потребовал, чтобы кости Пекиньи были выкопаны и сожжены. Сын покойного, однако, продолжал апелляцию и старался реабилитировать память своего отца. Дело тянулось

до того дня, когда Климент V передал его комиссии из трёх кардиналов. Те одинаково терпеливо выслушали обе стороны, предавшиеся бесконечным прениям. Наконец 23 июля 1308 года кардиналы объявили своё решение. Они заявили, что отлучение было незаслуженным и несправедливым и что следует опубликовать его отмену повсюду, где оно было объявлено. Жоффруа тщетно пытался апеллировать. Это было полное оправдание всего, что было сказано или сделано против инквизиции. Значение этого приговора было ещё усилено резкими словами Климента, отказавшегося выслушать представления инквизитора: «Это ложь! Страна никогда не хотела восставать; именно действия инквизиции толкнули её на зло». С другой стороны, один кардинал заявил Жоффруа, что народ был приведён в ярость в течение пятидесяти лет излишествами предыдущих инквизиторов, которые отвечали на попытки реформ накоплением новых злодеяний.

Бенедикт XI дал другие доказательства своей пристрастности. Правда, отвечая на жалобы угнетённого народа, он назначил комиссию кардиналов, поручив им провести расследование; но не сохранилось никаких следов их работы, которая, по-видимому, была прервана его смертью 7 июля 1304 года. Мало вероятно, чтобы назначенные им комиссары составили отчёт, неблагоприятный для инквизиции: он, действительно, выдал свои предубеждения, приказав министру Аквитании под угрозой конфискации и лишения прав арестовать без предупреждения брата Бернара и отправить его под надёжной охраной в папскую курию как покровителя еретиков и предполагаемого еретика. Первые граждане Альби, включая вигье Г. де Пезенша и королевского судью Гайяра Этьена, которые стремились содействовать Пекиньи, также были затронуты решением папы. Министр Аквитании поручил исполнение приказа брату Жану Риго. Тот исполнил его в июне 1304 года в монастыре Каркассона и добавил отлучение, поскольку Бернар, поддерживаемый деятельной симпатией народа, медлил явиться на вызов папы. Бернар так и не предстал. Любопытный факт, в котором проявляются францисканские тенденции: министр снял с Бернара отлучение, и провинциальный капитул ордена в Але решил, что он исполнил свой долг. Возможно, однако, смерть Бенедикта в июле способствовала тому, чтобы успокоить монахов относительно непосредственных последствий их сопротивления.

Однако Филипп Красивый наконец сдержал своё обещание лично посетить свои южные провинции и на месте исправить беды, на которые его подданные жаловались так долго. Он ждал благоприятного исхода своих переговоров с Бенедиктом по поводу снятия отлучения, наложенного Бонифацием VIII на его подданных и его главных агентов. Он добился этого 13 мая 1304 года, за исключением цензуры, наложенной на Гийома де Ногаре и Шьярру Колонна. Поэтому, когда он прибыл в Тулузу в день Рождества 1303 года, он отнюдь не был расположен будить без серьёзного повода предубеждения папы. Из Альби и Каркассона настоящие стада граждан бежали к нему навстречу, громко требуя правосудия и защиты. Пекиньи красноречиво говорил в их пользу. Инквизиторы были представлены Гийомом Пьером, провинциалом доминиканцев. Бернар Делисьё играл преобладающую роль в обсуждении. Именно тогда он произнёс это памятное слово, что святой Пётр и святой Павел были бы признаны виновными в ереси, если бы на них испробовали инквизиторские методы. Когда епископ Осерский, востановленный, сурово выразил своё неодобрение, Бернар дерзко настаивал, что говорит правду. Монах Николя, доминиканский исповедник короля, подозревался в опасном влиянии в пользу инквизиции. Бернар постарался его дискредитировать, обвинив в том, что он выдаёт фламандцам все тайны королевского совета. С другой стороны, Жоффруа д'Абли, инквизитор Каркассона, снискал в этот момент благосклонность Филиппа, начав ловкие переговоры, чтобы привести к примирению с Римом [26].

Филипп терпеливо выслушал обе стороны и закрепил свои выводы в эдикте от 13 января 1304 года, который весьма походил на компромисс. Было сказано, что король прибыл в Лангедок, чтобы умиротворить страну, взволнованную действиями инквизиции, и что он имел про-

должительные беседы со всеми лицами, имеющими право выразить мнение. Соответственно, узники инквизиции будут посещены королевскими делегатами в сопровождении инквизиторов; тюрьмы будут хорошо охраняться, но пленным не будут причинять страданий. Что касается узников, ещё не судимых, процессы будут завершены под совместным надзором епископов и инквизиторов. Это сотрудничество должно было отныне быть законом повсюду, кроме Альби, где епископ, ставший подозрительным, будет заменён Арно Новелли, цистерцианским аббатом Фонфруада. Королевским чиновникам давался формальный приказ содействовать любым способом и по любому требованию инквизиторам и епископским ординариям, а также защищать от всякого ущерба и всякого насилия особу, церкви и жилища доминиканцев.

В Альби перемена произвела ожидаемый эффект. Больше не находили еретиков; больше не было необходимости начинать новые преследования. Однако, отказавшись остановиться на каком-либо проекте реформы, кроме своего прежнего замысла склонить инквизицию под епископский надзор, король вызвал живое разочарование. Жители утверждали, и не без основания, что если доминиканцы действовали хорошо, то не подобает наносить им оскорбление, присоединяя к ним власть епископа: если же, напротив, они были виновны, то следовало заменить их другими. На присутствие короля в стране возлагали столько надежд, что результат, признанный недостаточным, вызвал всеобщее смятение.

Умы не были успокоены и мерой, которую Филипп принял затем. Когда он посещал Каркассон, его попросили пойти увидеть несчастных узников, преследование которых было главной причиной волнений. Он отказался и послал вместо себя своего брата Людовика. Ещё более прискорбно то, что граждане задумали, чтобы снискать благоволение короля и доказать ему свою верность, поднести ему серебряные чеканные сосуды. Эти предметы ещё находились в руках ювелиров Монпелье, когда король и его свита прибыли в Каркассон. Поэтому дары были отправлены после отъезда Филиппа в Безье, где их ему и поднесли. Половина предназначалась королю, другая — королеве. Та приняла. Но Филипп, не довольствуясь отказом за себя, узнав, что королева приняла, обязал её вернуть дар. Это привело в отчаяние консулов Каркассона. Дары, подносимые муниципалитетами государю, были столь обычны, милостивое принятие было делом столь естественным, что отказ в этих обстоятельствах, казалось, указывал на враждебные намерения короля. Впрочем, едва ли были основания верить в добрые расположения Филиппа после инцидента, вызванного Элиасом Патрисом. Этот важный гражданин Каркассона во время проезда короля ясно заявил ему, что, не получив от него скорого правосудия против инквизиции, город будет вынужден искать другого сюзерена. Филипп прогнал дерзкого из своего присутствия; тотчас граждане, повинувшись приказам Патриса, сняли все украшения с улиц. Воображая, что король, склонённый на сторону доминиканцев, собирается лишить их своей защиты, они боялись быть оставленными на милость инквизиции. В своём смятении они заявили, что, если не найдут другого господина, расположенного их защитить, они сожгут город и будут искать убежища вместе со всеми жителями в другом месте. Затем, после совещания с братом Бернаром, они поспешно решили принести свой оммаж Феррану, сыну короля Майорки. Младшая ветвь дома Арагона, царившая над Балеарскими островами, владела остатками прежних французских владений каталонцев, включая Монпелье и Перпиньян. Она имела старые права на большую часть страны, и её власть могла быть принята гражданами охотнее, чем иноземное господство, которому они были подчинены против своей воли. Если бы вся область договорилась передать свой оммаж этим сюзеренам, Филиппу пришлось бы для их подчинения вести борьбу с неопределённым исходом из-за постоянных затруднений, которые ему причиняла, с другой стороны, затяжная враждебность фламандцев. Проект был представлен людям Альби, которые наотрез отказались к нему присоединиться. Таково было отчаяние граждан Каркассона, что без помощи они упорствовали в своём решении. Король Майорки и его сын были в Монпелье и принимали французский двор, который они сопровождали до Нима. Ферран с жадностью выслушал сделанные ему предложения и попросил брата Бернара

сопровождать его в Перпиньян. Бернар отправился туда, неся письмо, подписанное консулами, которое он благоразумно уничтожил в пути. Король Майорки, узнав о предложении, сурово наказал своего слишком честолюбивого отпрыска, дал ему пощёчину и оттащил за волосы. Затем, чтобы снискать благоволение своего соседа, он раскрыл заговор Филиппу [27].

Без сомнения, столь безумный проект не мог представлять реальной опасности: тем не менее отношения между южными провинциями и Коронай были слишком натянуты, чтобы король не извлёк из них примерного мщения. Трибунал, собравшийся в Каркассоне, заседал летом 1305 года и в ходе следствия щедро применял пытку. Альби, не участвовавший в заговоре, избежал расследования, подкупив за тысячу ливров сенешаля Жана д'Альне; но наказание, наложенное на монастырь францисканцев, показывает, с каким рвением доминиканцы мстили за обиды, которые претерпели. Город Лимоу был замешан в дело. Он должен был уплатить штраф; его вольности были отменены, и сорок его граждан повешены. Что же до Каркассона, его восемь консулов во главе с Элиасом Патрисом и семь других граждан были повешены в своих официальных одеждах; город был лишён своей автономии и поражён огромным штрафом в шестьдесят тысяч ливров, каковой приговор он тщетно обжаловал в Парламенте. Бернар Ги с дикой радостью замечает, что те, кто каркал как вороны против доминиканцев, были сами отданы воронам. Эмери Капель по этому случаю пытался добиться правосудия за ущерб, нанесённый памяти и состоянию его отца. Он спасся бегством, был схвачен, долго томился в тюрьме и наконец добился мира ценой тяжёлого выкупа. Королевская казна собрала прекрасный урожай штрафов, наложенных на всех, кого можно было обвинить в соучастии. Брат Бернар, дерзко принявший руководство депутацией граждан Альби, приехавших в Париж, чтобы заявить о своей невиновности, был быстро извещён об открытии заговора братом Дюраном, исповедником королевы. Узнав от него, что Альби не замешан в репрессиях, делегаты уехали, покинув Бернара. Тот по требованию короля был арестован по приказу Климента V и отведён в Лион. Оттуда папская курия увезла его в Бордо. Затем, когда она отправилась в Пуатье, его заперли в монастыре Сен-Жюньен в Лиможе. В мае 1307 года по настояниям Климента Филипп обнародовал грамоты об амнистии и простил Каркассону остаток неуплаченного штрафа. В течение Великого поста 1308 года Бернару разрешили приехать в Пуатье. Когда король прибыл в этот город, Бернар живо пожаловался ему на свой арест и на суровые меры, поразившие невинных, как и виновных. Ему ещё не было позволено покинуть папскую курию, которую он затем сопровождал в Авиньон. Наконец он получил помилование с согласия короля: возможно, крупные суммы, уплаченные трём кардиналам его друзьями из Альби, способствовали отчасти этому прощению. Он вернулся в Тулузу и с тех пор держался благоразумной сдержанности. Без сомнения, его неутомимое рвение было успокоено опасностями, из которых он столь тяжело выбрался. Реформа инквизиции была решительно предпринята Климентом V, и Бернар мог думать, что отныне сможет жить спокойно [28].

Смерть Бенедикта XI в июле 1304 года дала новые надежды жертвам инквизиции. Междоусобица около года предшествовала избранию его преемника Климента V (5 июня 1305 года). В этот период коллегии кардиналов была представлена петиция семнадцатью церковными братствами Альби, среди которых были каноники собора, каноники церкви Сен-Сальви, монастырь Гайяка и др. Эти люди настоятельно умоляли вмешательство Священной коллегии, чтобы отвести страшные опасности, угрожавшие общине. Страна, заявляли они, католическая. Народ ортодоксален, он любит в своём сердце римскую религию и исповедует её устами. Однако раздоры между ним и инквизиторами столь остры, что он доходит до ярости и горит желанием предать мечу тех, кого научился считать своими врагами. — Разумеется, инквизиторы воспользовались реакцией, последовавшей за бесплодным предательством Каркассона, а также переменой, произошедшей в позиции короля. С этого времени Филипп больше не вмешивался, кроме как чтобы торопить своих представителей применять с новым усердием законы против еретиков и следить за сохранением гражданских ограничений, пора-

жавших потомков осуждённых. Не только предательство Каркассона делало его враждебным всякому вмешательству. С 1307 года ему нужна была для осуществления своих замыслов против тамплиеров помощь инквизиции; он не мог поэтому рисковать ни бороться с ней, ни ограничивать её полномочия.

Священная коллегия, всецело поглощённая предвыборными интригами, не обратила никакого внимания на смиренную молитву альбийского духовенства. Но когда этот год волнений завершился торжеством французской партии и избранием Климента V, можно было с некоторым основанием рассчитывать на осуществление надежд, задуманных при смерти его предшественника. Бертран де Го, кардинал-архиепископ Бордоский, был гасконцем по рождению и, хотя подданный англичан, знал лучше итальянцев беды и нужды Лангедока. Едва весть о его избрании дошла до Альби, как брат Бернар принялся организовывать миссию, порученную представить папе от имени города необходимость спасительного вмешательства. Когда Климент посетил Тулузу, к нему привели жён узников, и они нарисовали ему энергичную картину своих бед. Как только он был посвящён в Лионе, жалобы хлынули потоком и были поддержаны двумя доминиканцами, Бертраном Бланом и Франсуа Эмериком, не менее ревностными, чем представители Альби, в порицании злоупотреблений инквизиции. Жоффруа д'Абли примчался из Каркассона, чтобы защищаться, в такой спешке, что не оставил никого на своём посту и должен был отправить из Лиона 29 сентября 1305 года Жану де Фогу и Жеральду де Блюмаку мандат действовать вместо него. В этом послании, где его пылкий фанатизм даёт себе волю, он называет отвратительными зверями, жестокими зверями тех, кто опустошает виноградник Господень и кого нужно травить до самых их логовищ и уничтожать с безжалостной строгостью [29].

Его усилия в защиту инквизиции были тем более тщетны, что народ Альби подкупил кардинала Раймунда де Го, племянника папы, за две тысячи турецких ливров, кардинала Санта-Кроче по той же цене и кардинала Фьера Колонна за пятьсот ливров. 13 марта 1306 года Климент поручил двум кардиналам, Пьеру де Сан-Витале (впоследствии де Палестрина) и Беранже де Сент-Нере и Ашилле (впоследствии де Фраскати), объехать Лангедок, провести расследования и сделать такие временные изменения, какие сочтут полезными. Население Каркассона, Альби и Корда предложило доказать, что добрые католики были принуждены признать ересь насилием пытки и ужасами тюрьмы; что, сверх того, регистры инквизиции перегружены и фальсифицированы. До полного завершения расследования инквизиторам было запрещено подвергать какого-либо гражданина строгому заключению или пытке без участия епархиального епископа; аббат Фонфруада был делегирован вместо епископа Альби.

16 апреля 1306 года кардиналы провели публичное заседание в Каркассоне в присутствии всех местных нотаблей. Консулы города и делегаты Альби изложили свои жалобы и были поддержаны двумя доминиканцами, Бланом и Эмериком, теми самыми, которые предстали перед папой. С другой стороны, Жоффруа д'Абли и представитель епископа Альби сами защищали своё дело; они жаловались на народные восстания и дурное обращение, которому подверглись. После выслушивания обеих сторон кардиналы отложили продолжение процесса до 25 января, которое должно было состояться в Бордо. Города Каркассон, Альби и Корд были приглашены отправить каждый в этот город по четыре уполномоченных, поручив им следить за делом. Поскольку эта роль была одной из самых опасных, кардиналы заверили этих делегатов от строгостей инквизиции на всё время их обязанностей. Это была не лишняя предосторожность: Эмери Кастель, один из представителей Каркассона, оказался в такой большой опасности, что должен был в сентябре 1308 года просить Климента запретить инквизиторам специальной буллой всякое посягательство на его особу до конца процесса. Ещё большие опасности угрожали свидетелям, вызванным доказать фальсификацию регистров. Они были связаны молчанием клятвами, которые подвергали их костру, если они раскроют свои прежние показания. У кардиналов попросили освободить их от этих клятв.

Мы не знаем продолжения этого дела, принявшего таким образом вид тяжбы между народом и инквизицией. Однако кардиналы, прежде чем продолжить путешествие, доказали своими действиями, что были убеждены в правдивости обвинений. Они посетили тюрьму Каркассона и велели представить себе сорок узников, среди которых были три женщины. Некоторые из этих несчастных были больны, другие изнурены возрастом, недостатком пищи, недостатком постелей, жестоким обращением стражей. Кардиналы были тронуты до такой степени, что прогнали всех тюремщиков и слуг, кроме начальника. Затем они поместили тюрьму под надзор епископа Каркассона. Все новые чиновники должны были поклясться никогда не содержать узника вне присутствия третьего лица, никогда не красть пищу, предназначенную для тех, кто был у них под стражей. Один из кардиналов посетил тюрьму епископа Альби. Ему сказали только хорошее о тюремщиках; но он возмущался участью узников. Многие были обременены цепями; все жили в тесных и тёмных камерах, где некоторые из них были заперты по пять лет и более, всё ещё ожидая суда. Он приказал разбить все цепи, дать свет темницам и построить в течение месяца новые камеры, менее непригодные для жизни. Что касается улучшения инквизиторской процедуры, единственным правилом, которое наложили кардиналы, было подтверждение порядка, введённого Филиппом, требующего участия епархиального епископа в действиях инквизитора. Это положение было отменено Климентом 12 августа 1308 года буллой, в которой он извинялся, заявляя, что кардиналы превысили его намерения.

Таким образом, существование зла признавалось, но Церковь отступала перед применением средств исправления. После стольких лет борьбы дарованное облегчение было иллюзорным. Даже в том, что касалось этого вопиющего, непростительного злоупотребления — длительного содержания в этих ужасных темницах узников, не признанных виновными и не осуждённых, — Климент оказался бессилён осуществить реформу, которая могла бы примениться к самым скандальным случаям. Эти инквизиторы хранили в своих архивах буллу Иннокентия IV, разрешающую им бесконечно откладывать вынесение приговора, если они сочтут эту отсрочку полезной для веры. Известно, что они широко ею пользовались. Среди узников, арестованных в 1299 году епископом Альби, многие ещё не были судимы, когда кардинал Сан-Витале инспектировал епископские тюрьмы. Этот визит не имел никакого результата. Пять лет спустя, в 1310 году, Климент написал епископу Альби и Жоффруа д'Абли, что граждане Альби, которых он назвал, обращались к нему с неоднократными апелляциями, чтобы после более чем восьми лет заключения увидеть наконец свои процессы завершёнными приговором или оправданием. Он приказывал поэтому, чтобы процессы были немедленно завершены и приговоры представлены для подтверждения кардиналам Палестрины и Фраскати, его прежним комиссарам. Бертран де Борд, епископ Альби, и Жоффруа д'Абли пренебрегли этим приказом и утверждали, что, поскольку некоторые из названных узников умерли до составления акта, папское письмо было, по-видимому, получено обманным путём. Год или два спустя Климент узнал об этом неповиновении; он написал тогда Жерару, епископу Альби, и Жоффруа, повторяя повелительно свои приказы и предписывая им судить живых и мёртвых. Жоффруа остался не менее упорным в своём сопротивлении.

Не сохранилось документов об участии большинства этих несчастных, которые, вероятно, гнили до самой смерти в темницах, не будучи судимы; мы рассказали в предыдущей главе, что случилось с некоторыми из них. После исчезновения Климента и его кардиналов, когда больше нечего было опасаться вмешательства, в 1319 году двое из выживших, Гийем Салавер и Изарн Колли, были вытащены из темницы, чтобы быть допрошенными вновь. Один подтвердил свои признания, другой отрёкся от своих, которые были вырваны пыткой. Шесть месяцев спустя Гийем Кальвери из Корда, заключённый в 1301 году, был передан светской руке за то, что отрёкся от своего признания (вероятно, перед кардиналами Климента). Гийем Салавер был приговорён лишь к ношению крестов ввиду его девятнадцати лет заключения без суда. Вплоть до 1328 года встречаются удостоверенные копии, составленные по приказу королевского судьи

Каркассона, содержащие описи личного имущества Раймунда Кальвери и Жана Бодье, двух из узников 1299–1300 годов: что показывает, что их дело всё ещё было предметом тяжбы. Ещё один факт свидетельствует об упорном сопротивлении инквизиции. Это дело Гийема Гаррика, содержавшегося в тюрьме за соучастие в попытке, предпринятой в 1284 году в Каркассоне с целью уничтожить регистры. Королевские письма, датированные 1312 годом, заявляют, что, ввиду заслуг и благочестия узника, Климент V дарует ему полное прощение, что соответственно король передаёт Гаррику и его потомкам замок Монтейра, ранее конфискованный. Однако инквизиция не выпустила добычу. Она откладывала повинование до 1321 года; затем она вытащила несчастного из тюрьмы, и Бернар Ги, ввиду его раскаяния, имел снисхождение приговорить старика лишь к вечному изгнанию с обязательством покинуть Францию в течение тридцати дней.

Климент сделал ещё одну попытку обуздать злоупотребления инквизиции. Он перевёл из инквизиторской юрисдикции в епископскую юрисдикцию евреев провинций Тулузы и Нарбонны, непрерывно подвергавшихся несправедливым притеснениям. Этот перевод применялся даже к ещё нерешённым делам. Но после смерти Климента была предъявлена булла, которой покойный папа отменял предыдущую и восстанавливал инквизиторскую юрисдикцию [30].

Этот результат долгих усилий проявляется в мерах реформы, принятых в 1312 году Вьеннским собором по просьбе Климента. Эти пять книг канонического права, известные под названием Клементины, были составлены этим собором: Климент сохранил их, чтобы пересмотреть, и собирался обнародовать, когда умер 20 апреля 1314 года. Обнародование было отложено на долгое междуцарствие, последовавшее за этим. Эти Клементины были официально даны христианскому миру лишь Иоанном XXII 23 октября 1317 года. Мы уже ссылались выше на каноны, касавшиеся инквизиции; напомним, что они довольствовались ограничением власти инквизитора, требуя епископского участия для применения пытки и строгого заключения, равносильного пытке, и в управлении тюрьмами. Отлучение было приостановлено над головами тех, кто злоупотребит своей властью из ненависти, пристрастия или алчности. Всё это важно гораздо менее предложенных средств исправления, чем формальным свидетельством, которое из этого следует, — о жестокости и продажности, характеризовавших инквизиторскую практику. Напрасно Бернар Ги возвысил голос, чтобы протестовать против обнародования новых правил. Даже после их обнародования он не колебался заявить своим собратьям, что эти каноны должны быть изменены или, вернее, полностью отменены Святым престолом. Но его требования были тем более неуместны, что Клементины остались мёртвой буквой. Как бы близко ни рассматривать инквизиторские методы до и после, невозможно различить доброе или дурное влияние, оказанное этими канонами. Не находится следов практической попытки, предпринятой ввиду их применения. Инквизиторы продолжали по своему обыкновению пользоваться произвольными методами, которые сама природа их должности позволяла применять без опасности и без угрызений совести [31].

Один факт, однако, может быть приведён как пример ослабления процедуры против еретиков. Ненависть Филиппа к Бонифацию была вечной и не могла быть утолена даже жалким концом его врага. Однако единственное, чего король не смог получить от Климента, своего создания на папском престоле, было посмертное осуждение Бонифация как еретика. После неоднократных попыток он обязал Климента собрать свидетельства на этот счёт. Король привёл в действие армию свидетелей, которые под присягой утверждали с бесконечным множеством мелких подробностей, что покойный папа не верил ни в бессмертие души, ни в доктрины воплощения и искупления, что он поклонялся демонам, что он питал гнусные и противоестественные страсти, что, наконец, общественная молва представляла его как нечестивца и развратника. Свидетели были по большей части людьми церкви и доброй репутации; их показания были точны. Десятой части этих обвинений было бы достаточно, чтобы сжечь кости и лишить

наследства наследников десятка обычных обвиняемых. Но на этот раз обычные правила процедуры были пренебрегнуты. Филипп должен был отказаться от своего преследования. Климент, однако, заявил в своей окончательной булле от 27 апреля 1311 года, что король и свидетели короля были движимы лишь своим рвением к Церкви. Притязания, которые Бонифаций присвоил себе в своих насильственных декреталиях, были формально отозваны, и Гийом де Ногаре получил отпущение, в котором ему так долго отказывали.

Климент умер в Карпантра 20 апреля 1314 года, унеся в могилу позор и преступление соучастия в разорении тамплиеров. За ним последовал примерно через семь месяцев, 20 ноября, его искуситель и соучастник Филипп Красивый. Кардиналы, которым надлежало выбрать преемника на престоле Святого Петра, были глубоко разделены. Итальянцы требовали, чтобы избрание состоялось в Риме. Французы — гасконцы, как их называли — настаивали на соблюдении древнего правила, чтобы выбор совершался в том месте, где скончался предыдущий понтифик. Они не забывали, что в Италии будут подвержены оскорблениям и дурному обращению, которыми во Франции щедро осыпали их итальянских коллег. Запертый в епископском дворце Карпантра, конклав напрасно ждал вдохновения Святого Духа, в то время как люди снаружи пытались применить любезное средство — отрезать избирателям удовольствие и разграбить их дома. Положение стало невыносимым до такой степени, что наконец 23 июля 1314 года гасконская партия во главе с племянниками Климента подожгла дворец и угрожала итальянцам смертью. Те спасли жизнь с большим трудом, пробив себе путь через брешь в задней стене. Прошло два года, прежде чем был избран действительный глава Церкви. Ортодоксы могли одно время опасаться, что видели последнего папу. Однако французский двор нашёл столь хорошего помощника в лице французского папы, что обладатель престола Святого Петра был необходим для его политических замыслов. В 1316 году Людовик Сварливый отправил в Лион своего брата Филиппа Длинного, тогда графа Пуатье, с приказом созвать собрание кардиналов. Чтобы успешно завершить эту миссию, Филипп должен был поклясться, что не будет применять насилия к прелатам и не будет держать их в тюрьме. Но согласие не было достигнуто. Ещё шесть месяцев шли переговоры без результата. Филипп в этот момент узнал о внезапной смерти своего брата и о предполагаемой беременности его вдовы. Надежда на вакантный трон или, по крайней мере, на регентство делала для него невыносимым более длительное пребывание в Лионе. Он не мог, однако, уехать, не завершив успешно свою задачу. После короткой беседы со своими легистами, объявившими его клятву незаконной и, следовательно, не имеющей значения, он пригласил кардиналов на встречу в монастыре доминиканцев. Когда все собрались, Филипп категорически дал им знать, что не отпустит их, пока они не выберут папу. Он велел своим солдатам охранять все выходы и поспешно уехал в Париж, оставив кардиналов совещаться в плену. Так пойманные в ловушку, они сделали из необходимости добродетель. Тем не менее прошло сорок дней, прежде чем они решились провозгласить Наместником Христа Жака д'Озо, кардинала Порто. Итальянцы были привлечены на сторону нового понтифика клятвой, которую он принёс, — никогда не садиться на коня или на мула, если не для того, чтобы отправиться в Рим. Папа сдержал эту клятву в течение восемнадцати лет своего понтификата. Действительно, он спустился по Роне до Авиньона на лодке и поднялся пешком до дворца, который покидал лишь для того, чтобы отправиться в соседний собор. Подобное избрание не могло даровать тиару святому: Иоанн XXII был его естественным продуктом. Его замечательная учёность, его сильные способности подняли его намного выше его очень скромного происхождения. Его безудержное честолюбие, его властный характер вызывали непрестанные ссоры, в ходе которых его дерзость никогда не слабела [32].

Это избрание положило конец трудностям, тяготевшим над инквизицией в Лангедоке. Хотя Иоанн и обнародовал Клементины, он вскоре дал понять, что инквизиторам нечего его опасаться. Поэтому они поспешили дать удовлетворение своей злопамятности и сдерживаемой ненависти. Их первой жертвой стал Бернар Делисьё. Во время понтификата Климента

и во время междоусобицы Бернар жил в мире. Он мог думать, что забыли его энтузиазм к делу лангедокского народа. Его пылкая натура привела его в ряды фракции своего ордена, известной под названием спиритуалов. Он играл важную роль в агитации, благодаря которой во время вакантности Святого престола спиритуалы овладели монастырями Безье и Нарбонны. Одной из первых забот Иоанна XXII было remedy этому расколу ордена. Он быстро вызвал к себе монахов Безье и Нарбонны. Бернар, не колебавшийся подписать апелляцию к папе, мужественно предстал перед понтификом во главе своих собратьев. Когда он взялся защищать их дело, его обвинили в том, что он чинил препятствия инквизиции, и тотчас арестовали. Помимо обвинения в чинении препятствий, на него нагромодили другие обвинения; утверждали, что он магическими искусствами замышлял смерть Бенедикта XI и что он предал в деле Каркассона. Была учреждена папская комиссия для расследования этого. Более двух лет Бернар содержался в строгом заключении. Расследование шло медленно; наконец процесс открылся 3 сентября 1310 года. Трибунал собрался в Кастельнодари в составе архиепископа Тулузского, епископов Памье и Сен-Папуля. Архиепископ велел себя извинить и оставил дело в руках своих коллег, которые 12 сентября перевели трибунал в Каркассон. Такое значение придавалось этому процессу, что Святой Официй был представлен на нём инквизитором Жаном де Бомом, король — своим сенешалем Каркассона и Тулузы и своими «Реформаторами» Раулем, епископом Ланским, и Жаном, графом Форезским.

Официальная запись процесса дошла до нас в своей бесконечной многословности. Мало документов эпохи более способны дать понять, что тогда называлось правосудием. Некоторые бывшие соучастники Бернара, такие как Арно Гарсиа, Гийем Франса, Пьер Проби и другие, уже арестованные инквизицией, были приведены перед судьями, чтобы быть допрошенными одновременно с главным обвиняемым и служить свидетелями. Им должна была быть сохранена жизнь, если их показания, удостоверенные присягой, сумеют погубить их друга. Старый Бернар, изнурённый двумя годами заключения и долгими процедурами, два месяца подвергался самому строгому допросу. Ему напоминали обстоятельства двенадцати-восемнадцатилетней давности и искусно смешивали, чтобы развернуть их, факты, относящиеся к различным выдвинутым против него обвинениям. Под предлогом спасения его жизни ему торжественно несколько раз заявляли, что он еретик по смыслу закона, поскольку оставался более года под бременем отлучения, навлечённого *ipso facto* за чинение препятствий инквизиции. Только абсолютная покорность и полное и совершенное признание могли спасти его от костра. Дважды к нему применяли пытку: сначала 3 октября по поводу обвинения в измене, затем 20 ноября по поводу обвинения в некромантии. Хотя была предписана «умеренная» пытка, нотариусы, присутствовавшие при ней, рассказывают, что крики жертвы свидетельствовали о её достаточной строгости. Эти два применения пытки не смогли вырвать у него признания. Но сочетание испытаний, которым подвергали этого человека, ослабленного возрастом и страданием, должно было в конце концов привести к результату. Его сумели мало-помалу довести до противоречий и самообвинения, так что наконец он отдался на милость трибунала и смиренно умолял об отпущении [33].

Приговор был вынесен 8 декабря: по обвинению в колдовстве против Бенедикта XI Бернар был оправдан; но другие обвинения были отягчены семьюдесятью клятвопреступлениями, совершёнными в ходе допросов. После отречения от своих заблуждений он получил отпущение, был объявлен лишённым церковных степеней и приговорён к пожизненному заключению. Он должен был отбывать это наказание в цепях, на хлебе и воде, в инквизиторской тюрьме Каркассона. Учитывая амнистию, провозглашённую в 1307 году Филиппом Красивым, и освобождение Бернара в 1308 году, можно удивляться, что представители Филиппа Длинного в этот момент протестовали против приговора, слишком мягкого в их глазах, и апеллировали к папе. Сами судьи не проявили такого ожесточения. Передавая узника Жану де Бону, они имели человечность приказать, чтобы ввиду его преклонного возраста и слабости — его руки

были особенно ослаблены, без сомнения, из-за ран, полученных в пыточной камере — он был освобождён от наказания хлебом и водой. Какую радость должен был испытать Жан де Бон, когда увидел, как ему передают прежнего врага его дела, человека, чьи нападки причинили столько забот предыдущим инквизиторам! Эта радость была, без сомнения, ещё живее 20 февраля 1320 года, когда неумолимый папа, возможно, чтобы угодить королю, отменил жалостливые приказы епископов и потребовал строгого применения наказания во всей его ужасающей строгости. Этим страданиям хрупкое тело Бернара, которое оживляла неукротимая энергия, не могло сопротивляться долго: через несколько месяцев благодетельная смерть пришла освободить единственного человека, который осмелился, опираясь на свою совесть, вести открытую кампанию против инквизиции.

Успехи реакции были стремительными. В 1315 году Людовик Сварливый обнародовал эдикт, в который было включено множество положений, содержащихся в законах Фридриха II. Этот юридический документ, совершенно излишний после восьмидесяти лет инквизиции в королевских доменах, тем не менее представляет определённый интерес: он показывает влияние, приобретённое доминиканцами во время папского междуцарствия. С избранием Иоанна XXII, хотя этот папа и обнародовал Клементины, всякий страх вмешательства исчез. Население было снова отдано абсолютной власти инквизиторов. Показательный признак: новый папа приостановил неприкосновенность, гарантированную кардиналами Климента Эмери Кастелю и другим гражданам Каркассона, Альби и Корда, которые были делегированы для поддержки жалобы, поданной городами против инквизиторов. Инквизиторам было одновременно предложено энергично преследовать своих хулителей. Инквизиция поняла, что пробил час мести. Она схватила ещё живых лиц, отличившихся пятнадцатью годами ранее в ходе волнений. Узники 1299 и 1300 годов, которых она держала, не судя, в нарушение неоднократных приказов Климента, — те, по крайней мере, кто не сгнил до смерти в темницах, — были вытащены из своих камер и переданы в распоряжение инквизиторов. Святой Официум ещё более энергично утвердил возрождение своей власти через подчинение и примирение мятежных городов. Не сохранилось памяти о том, что произошло в Каркассоне. Однако вероятно, что этот город был театром церемоний, аналогичных тем, что были совершены в Альби. Там 11 марта 1319 года консулы, советники и огромная толпа граждан были собраны на епархиальном кладбище в присутствии епископа Бернара и инквизитора Жана де Бона. Все, подняв руку, засвидетельствовали своё раскаяние в самых унижительных выражениях, обязуясь принять такую епитимию, какую им наложат, и повиноваться отныне безоговорочно приказам епископа и инквизитора. Затем собрание было освобождено от отлучения, как и умершие, давшие знаки раскаяния. Остальному населению было предложено прийти просить отпущения в течение месяца. Последовало объявление епитимий. Город был обязан возместить епископству и инквизиции все расходы и все убытки, причинённые волнениями; построить и завершить в два года часовню для собора и портал для доминиканской церкви; дать пятьдесят ливров кармелитам в качестве вклада в расходы на их церковь; наконец, воздвигнуть мраморные гробницы для Николя д'Абвиля и Фулька де Сен-Жоржа в Лионе и Каркассоне, где эти инквизиторы умерли бедными и изгнанными по вине мятежных жителей. Сверх того, десять паломничеств были наложены на выживших из тех, кто в 1301 году стремился преследовать в королевском суде епископа Бертрана и Николя д'Абвиля: то же наказание постигло тех, кто занимал должности консулов и советников с 1302 по 1304 год. В декабре 1320 года Жан де Бон, как кажется, счёл, что оказывает им особую милость, отсрочив на год, с Пасхи 1321 до 1322 года, исполнение их паломничеств. 20 июня 1321 года город Корд примирился церемонией не менее унижительной и обещаниями будущего повиновения. Так инквизиция праздновала своё торжество после долгой борьбы. Она одержала победу; её противники могли спастись лишь, отдавшись на милость.

Нельзя с уверенностью сказать, были ли граждане Альби, чей арест вызвал столько беспорядков в 1299 году, действительно еретиками или нет. Их признания, правда, были точны

и подробны. Но, утверждали их защитники, инквизиция располагала мощными средствами, чтобы вырвать у своих жертв нужные ей признания. Долгая отсрочка, прошедшая до окончательного приговора, по-видимому, имела своё основание: трибунал не хотел, чтобы его приговоры появились при Клименте V, потому что тогда они рисковали быть подвергнуты внимательному рассмотрению. Инквизиторы, чтобы оправдать аресты, быстро составили лишь один процесс — процесс Ламбера де Фуассё. Этот персонаж сначала жаловался кардиналам Климента на то, что был обвинён несправедливо; затем он дерзко утвердил свою ересь, отказался отречься и был сожжён в 1309 году. Этот случай уникален в своём роде. Несчастные выжившие, которых в 1319 году привели к отречению и отказу, были сломлены заключением и пыткой. Их свидетельство в силу этого лишено всякой ценности.

Однако Бернар Ги, несомненно, был прав, заявляя, что неприятности, причинённые инквизиции ограничениями, наложенными при Филиппе Красивом, вызвали новый подъём ереси, тогда почти полностью угасшей. В дебатах, начатых перед королём в Тулузе в 1304 году, Гийем Пьер, провинциал доминиканцев, утверждал, что в Лангедоке осталось не более сорока или пятидесяти еретиков, проживающих в Альби, Каркассоне, Корде и в радиусе нескольких лье вокруг этих городов. Это было, несомненно, преувеличением. Однако, поскольку надежда на безнаказанность росла, совершенные миссионеры были призваны из Ломбардии и Сицилии; число верующих быстро возросло. Бернар Ги с гордостью констатирует, что с 1301 по 1305 год более тысячи были обнаружены инквизицией, принуждены к признанию и публично наказаны.

Регистры Жоффруа д'Абли в Каркассоне в 1308–1309 годах свидетельствуют о большой активности, вознаграждённой *numeros* успехами. Один из свидетелей, дававших показания на процессе Бернара Делисьё, говорит, что, когда инквизиция смогла возобновить свои действия в этом городе, *numeros* еретиков и верующих были быстро обнаружены (I). Около того же времени начинается серия приговоров тулузской инквизиции, опубликованная Лимборхом. В 1306 году Бернар Ги был назначен инквизитором в Тулузе. Число его сочинений доказывает обширность его знаний и непрестанную активность его ума. В исполнении своих обязанностей его практический смысл укреплялся глубоким убеждением. Он верил в тяжесть преступления ереси; в его глазах долгом его ордена было добиться любой ценой подчинения римской вере. Он был облечён двумя миссиями в качестве папского легата, одной в Италии, другой во Франции: он получил два епископства, Тьюи и Лодев. Поэтому можно судить, в каком почёте Иоанн XXII держал услуги нового инквизитора. Тотчас назначенный в Тулузу, Бернар начал долгую кампанию, которая должна была в Лангедоке привести к окончательному искоренению катаризма. Он показал себя суровым и безжалостным, когда обстоятельства, по его мнению, требовали строгости; однако его регистры не несут следов беспричинной жестокости или вымогательств.

В этот момент катаризм силой обстоятельств был ограничен скромным классом граждан, где он некогда нашёл своих первых адептов. Знать и дворяне, столь долго покровительствовавшие ереси, погибли или были разорены безжалостными конфискациями, произведёнными за три четверти века. Богатые бюргеры городов, занимавшиеся различной торговлей и профессиями, знали, какие соблазны пробуждало их состояние, и сознавали невозможность избежать розысков. Привлекательность мученичества имеет свои пределы, и среди катаров мученики были мало-помалу, но верно скошены. Однако старые верования оставались глубоко укоренёнными у простого населения деревень, особенно в глубине диких долин, скрытых в разветвлениях Восточных Пиренеев. Ещё поддерживались деятельные сношения с Ломбардией и Сицилией; множество ревностных служителей веры бросали вызов всем опасностям, чтобы прийти и преподавать верующим утешения своей религии, а также распространить своё учение под защитой естественных укреплений, которые были её последним убежищем. Одним из главных был Пьер Атье, некогда нотариус в Аксе (Памье). Первая часть его жизни не была образцовой; речь идёт о его *druda* (любовнице) и его незаконных детях; но с возрастом он воспринял весь аскетизм секты, которой посвятил жизнь. Вынужденный бежать в Ломбардию в

1295 году, он вернулся в 1298 году в родные края, где должен был остаться до конца и вести против инквизиции войну на уничтожение. Его состояние было конфисковано, семья рассеяна и разорена. Кантон, к которому он принадлежал, расположенный у подножия Пиренеев, был пересечённой местностью, недостаточно обеспеченной дорогами; множество пещер и укрытий позволяли ускользать от преследований и в случае необходимости пересекать арагонскую границу. У Атье там было много преданных ему родственников. Именно в этих местах он сопротивлялся одиннадцать лет, скрываясь под различными маскировками, странствуя от местности к местности, непрестанно травимый эmissарами Святого Официума. Он был посвящён в министры в Комо и вскоре приобрёл значительный авторитет у секты, одним из самых ревностных и самых бесстрашных миссионеров которой он стал. Уже в 1300 году он обратил на себя внимание, и пытались всеми средствами захватить его особу. Его едва не предал некий Гийем Жан, сделавший с этой целью предложения доминиканцам Памье. Но этот предательский замысел дошёл до сведения верных верующих; двое из них, Пьер д'Аэр и Филипп де Ларна, ночью завлекли Гийема на мост Аллья, схватили негодяя, заткнули ему рот и унесли в горы: там, получив от него полные признания, они сбросили его в пропасть. Пьер Атье был окружён достойными его лейтенантами: это были его брат Гийем и его сын Жак, Амьель де Перль, Пьер Санш и Санш Меркадьё, которые часто упоминаются как деятельные миссионеры в признаниях еретиков. Жак Атье однажды имел дерзость проповедовать в полночь перед собранием еретических женщин в церкви Сент-Круа в самой Тулузе; он выбрал это место как то, где собрание рисковало быть потревоженным меньше всего.

Деятельность Жоффруа д'Абли в Каркассоне имела главной целью обнаружить покровителей и последовательные убежища Пьера Атье. В Тулузе энергия Бернара Ги применялась в том же направлении. Еретик изгонялся поочерёдно из всех своих убежищ; но чудесная верность его учеников, казалось, делала бессильными величайшие усилия. Наконец Бернар был вынужден обнародовать 10 августа 1309 года следующее воззвание, особо приглашающее население захватить мятежников:

«Брат Бернар Ги, из ордена Проповедников, инквизитор Тулузы, всем верным Христовым — награда и венец вечной жизни. Препоящите чресла ваши, сыны Господни; восстаньте со мной, воины Христовы, против врагов Его Креста, против этих развратителей истинной и чистой католической веры, Пьера Атье, ересиарха, и его соучастников в ереси, Пьера Санша и Санша Меркадьё. Тех, кто скрывается в тени и рыщет во тьме, я приказываю, по благодати Божьей, травить и захватывать повсюду, где они смогут быть обнаружены, обещая вечную награду, даруемую Богом, и щедрое вознаграждение здесь, на земле, тем, кто их арестует и мне их передаст. Итак, бодрствуйте, о пастырей, чтобы волки не унесли овец вашего стада! Действуйте как мужи, как ревнители веры, чтобы противники веры не убежали и не ускользнули от нас!»

Это пламенное увещание было, вероятно, излишним: прежде чем его обнародование было произведено по всей стране, столь желанная добыча была схвачена. Арестом почти всей его семьи и друзей в 1308–1309 годах Пьер Атье был вытеснен из своих обычных убежищ. Около Иванова дня (24 июня) 1309 года он нашёл приют у Перрена Мореля из Бельпеша, близ Капельнодари. Он оставался там около пяти недель. Его дочь Гийельма пришла к нему и оставалась с ним некоторое время, — затем оба ушли вместе. На следующий день он был схвачен. Перрен Морель, также арестованный, проявил свою обычную верность, энергично отрицая всё, в чём его обвиняли, до того момента, когда в декабре, в своей тюрьме, Пьер Атье побудил его во всём признаться.

Этим торжеством было отмечено состоявшееся в октябре взятие под стражу Амьеля де Перля, который тотчас подчинился и принял обет полного воздержания от пищи и питья. Поэтому он быстро угасал. Чтобы костёр не лишился своей добычи, в спешке было организовано аутодафе специально для него 23 октября. Пока узник сохранял остаток сил, Бернар Ги

доставил себе ужасное развлечение, заставив обоих ересиархов совершить в его присутствии акт еретического поклонения.

Пьер Атье был сожжён лишь во время великого аутодафе в апреле 1310 года, когда Жоффруа д'Абли вернулся из Каркассона принять участие в торжестве. Далеко не пытаясь скрыть свою веру, ересиарх дерзко утвердил свои доктрины и назвал римскую Церковь Синагогой Сатаны. Он был, без сомнения, подвергнут строгостям пытки: не потому, что хотели вырвать у него признание, ибо в этом средстве не было нужды: но нужно было принудить его предать своих учеников и тех, кто дал ему приют. Находясь в тесных сношениях со всеми еретиками страны, он мог предоставить важные сведения. Бернар Ги, должно быть, не колебался применить все средства, чтобы вырвать у него разоблачения. Так были получены обильные сведения, на которые есть ссылки в питегоус приговорах, вынесенных впоследствии. Легко вообразить, какими способами доблестного ересиарха заставили предать своих друзей и союзников неумолимой ярости палачей.

Кровавая драма, какой является история катаризма в Лангедоке, приближается теперь к своему концу. Вооружённые разоблачениями, полученными при этом случае, Бернар Ги и Жоффруа д'Абли нуждались лишь в нескольких годах, чтобы завершить своё дело, обращая или сжигая тех учеников Пьера Атье, которых можно было арестовать, и обрекая на изгнание тех, кто ускользал от эмиссаров инквизиции. Больше не появлялось новых миссионеров, готовых ценой своей крови взяться за дело, прерванное смертью Атье. С 1315 года патарены почти полностью исчезли из регистров инквизиции во Франции. Несколько изолированных случаев встречаются впоследствии; но они относятся к уже давним преступлениям и почти всегда связаны с миссией Пьера Атье и его союзников. Одно из последних дел такого рода напоминает приговор без даты, вероятно 1327 или 1328 года. Это приговор, вынесенный Жаном Дюпра, инквизитором Каркассона, против Гийельмы Торньер. Та, долго содержавшаяся в тюрьме после своего отречения, была взята с поличным, совершая обращения среди своих сокамерников, прославляя добродетель и святость Гийема Атье и Гийема Балибаста. Допрошенная, она отказалась присягнуть и была сожжена. В 1328 году Анри де Шамав из Каркассона приговорил к тюрьме Гийема Амьея, виновного в катаризме; в 1329 году он также вынес приговоры против двух катаров, Бартоломе Пе и Раймунда Гаррика из Альби, за проступки, совершённые соответственно тридцать пять или сорок лет назад. В том же году он приказал снести четыре дома и ферму, владельцы которых были «охеретичены»; но вменяемые деяния были, без сомнения, совершены задолго до того. Конфискации продолжались ещё за преступления, совершённые предками. Но можно сказать, что в это время катаризм как живое верование фактически угас в Лангедоке. За сто пятьдесят лет до этой даты можно было с некоторым основанием думать, что эта ересь станет господствующей религией страны [34].

В том же 1329 году представилось дело, не лишённое интереса. В нём угадывается неуравновешенный ум, который, размышляя о преступлениях и бедах мира, смешивает в фантастической теории самые странные элементы катаризма и аверроизма. Лиму Нуар, уроженец Сен-Поля, местности в епархии Але, уже был предметом расследования своего епископа в 1326 году; но ему удалось ускользнуть от неискусных судей епископского трибунала. Инквизиция обладала более эффективными методами и сумела быстро привести его к признаниям. Он задумал философию Вселенной, которая должна была вытеснить все религии. Бог создал архангелов, которые создали ангелов, создателей, в свою очередь, солнца и луны. Эти небесные существа, нестабильные и тленные, были женского пола. Рождённый из их мочи, мир был неизбежно испорчен, как и всё, что в нём рождалось. Моисей, Магомет и Христос, все посланные солнцем, были учителями равного авторитета. В настоящее время в подземном мире Христос и Магомет ссорятся и ищут приверженцев. Крещение не было полезнее обрезания Израиля или благословения ислама; те, кто через крещение отрекался от зла, с возрастом становились ворами и блудницами. Евхаристия была ничем; Бог не мог бы согласиться позволить манипу-

ликовать собой таким развратникам, как священники. Нужно было избегать брака, поскольку от него могли родиться только воры и блудницы. Так он толковал и запрещал все доктрины и все практики Церкви. Чтобы увидеть, мог ли Спаситель действительно поститься сорок дней, он сам постился в хижине десять дней и десять ночей. После этого опыта Бог открыл ему эту систему философии. В 1327 году он во второй раз подверг себя *endura* с решимостью упорствовать до конца. Но его брат убедил его принять причастие, чтобы его кости не были сожжены после смерти. Ему было шестьдесят лет. Его безумные доктрины привлекли к нему нескольких учеников; но секта была раздавлена в зародыше. Он заявил инквизитору, что скорее даст содрать с себя кожу, чем поверит в пресуществление. Он показал решительный характер, сопротивляясь всем попыткам заставить его отречься. Оставалось лишь передать его светской руке; что и было сделано. Его новая религия погибла вместе с ним.

Так инквизиция торжествовала, как обычно торжествует насилие, поддержанное достаточно большой силой и приведённое в действие с умением и настойчивостью до желаемого результата. В двенадцатом веке юг Франции был самой цивилизованной страной Европы. Торговля и промышленность, искусство и наука блистали там в ту эпоху ранним цветением. Города приобрели относительную автономию и гордились своей мощью; ревнивые к своим свободам, они были пламенными патриотами до самопожертвования. Знать по большей части была образованными людьми, сами поэтами или покровителями поэзии; они знали, что их процветание зависит от процветания их подданных и что муниципальные свободы для разумных господ — не угроза, а защита. Явились крестоносцы. Дело, оставленное ими незавершённым, было подхвачено и жестоко завершено инквизицией. Страна вышла из этого кризиса разорённой и истощённой; промышленность была уничтожена, торговля разорена. Знать страны, лишённая владений конфискациями, уступила место чужеземцам, которые, став владельцами земли, ввели на обширных доменах, приобретённых Короной, суровые обычаи северного феодализма и авторитарные принципы римского права. Народ, одарённый редкими природными качествами, был терзаем, истребляем, унижаем, обираем более века. Ранняя цивилизация, обещавшая вести Европу по пути культуры, выродилась; честь Возрождения была перенесена в Италию. Все эти беды имели единственной компенсацией единство веры после борьбы, в ходе которой Церковь загрубела, развратилась и, так сказать, секуляризовалась. Таково было дело, таков был результат, достигнутый инквизицией в стране, предоставившей самую обширную область для её деятельности и самую благоприятную почву для утверждения её власти.

Однако сама победа инквизиции несла в себе верное предвестие её упадка. Поддерживаемый государством, Святой Официум сумел заслужить и вознаградить королевскую милость, направляя в сундуки Короны непрерывный поток конфискаций. Возможно, ничто не способствовало больше укреплению королевского главенства, чем перемены, претерпеваемые тогда земельной собственностью, перемены, которые передали в новые руки значительную часть земель Юга. На доменах великих вассалов право производить конфискации за ересь было признано неотъемлемой частью сеньориальных прав. На территориях Короны конфискованные имущества дарились фаворитам или продавались по низким ценам лицам, которых таким образом заинтересовывали в поддержании нового порядка вещей. Королевские чиновники захватывали всё, что попадалось им под руку, под предлогом измены или ереси, без всякого уважения к правам владельцев. Без сомнения, неподкупный Людовик IX вызвал в 1262 году расследование, после которого было возвращено большое число незаконно удерживаемых доменов; но то, что было таким образом возвращено, представляло лишь ничтожную долю целого. В 1260 году, чтобы помочь своему Парламенту в рассмотрении бесчисленных дел, он велел отправить в Париж все хартии и важные бумаги. Каждый из сенешалей отправил по полному сундуку; шесть сундуков были помещены в сокровищницу Сент-Шапель. В этом деле поглощения ясно видно рвение, с которым инквизиция содействовала успеху политических замыслов Короны.

Можно привести как пример случай важного виконтства Фенуйедес. Эта страна была захвачена во время крестовых походов и отдана Нуньесу Санчо де Руссильону. Затем она перешла через посредство короля Арагонского в руки Людовика Святого. В 1264 году Беатриса, вдова Гуго, сына бывшего виконта Пьера, потребовала от Парламента признания своих прав, возврата своего вдовьего имущества и наследства своих детей. Тотчас инквизитор Понс де Пойе начал преследование против памяти Пьера. Тот умер более двадцати лет назад в лоне Церкви; он был погребён у тамплиеров Ма-Дё, приняв монашеское облачение и получив последние таинства. Он был осуждён за то, что поддерживал сношения с еретиками; его кости были сожжены, и Парламент отклонил просьбу невестки и внуков покойного. Старший из внуков, Пьер, потребовал в 1300 году домен своих предков. Бонифаций VIII вступился в его тяжбу, чтобы досадить Филиппу Красивому. Дело тянулось несколько лет; но приговор инквизиции был оставлен в силе. Таким образом, лишались владений не только подлинные еретики и их потомки. Впрочем, страна была глубоко поражена ересью; весьма редки были люди, чьи предки не могли быть уличены благодаря регистрам инквизиции в том, что в какой-то мере были причастны к этому преступлению [35].

Богатое бюргерство городов было разорено тем же способом. Сохранились некоторые описи имущества и вещей, наложенных секвестром при арестах, произведённых в Альби в 1299 и 1300 годах. Эти документы показывают нам, как всё поглощалось в пучине. Одна опись, касающаяся Раймунда Кальвери, нотариуса, даёт мельчайшие подробности того, что может содержать дом зажиточного бюргера; в ней перечислены все тюфяки, простыни и одеяла, все кухонные принадлежности, соленья, зерно и вплоть до мелких женских безделушек. Ферма, или бастада, осуждённого была описана и инвентаризирована с той же тщательностью. Мы располагаем также точным перечислением товаров и имущества Жана Бодье, богатого негоцианта. Мельчайшие куски тканей были должным образом измерены и оценены: сукна из Гента, Ипра, Амьена, Камбре, Сент-Омера, Руана, Монкорне и т. д., куски беличьего меха и другие товары. Та же скрупулёзная забота руководила описью городского дома и фермы этого Жана Бодье. Можно таким образом представить, как процветающие города были доведены до нищеты, как промышленность пришла в упадок, как наконец независимость муниципалитетов была сломлена, как и независимость отдельных лиц, в ужасе, который инквизиция наложила на города и граждан.

Этим инквизиция, сама того не зная, была созидательницей: помогая утверждению королевской власти в новоприобретённых провинциях, она способствовала возвеличиванию власти, которая должна была в конце концов свести её саму к относительно незначительной роли.

После исчезновения катаризма Лангедок стал неотъемлемой частью монархии в той же степени, что и Иль-де-Франс. Роль инквизиции в этой стране с этого времени сливается с её историей в остальной монархии; поэтому больше нет необходимости изучать её отдельно.

Глава вторая. — Франция.

Инквизиция введена в 1233 году Робером Ле Бугром — Противодействие прелатов. — Поощрения, данные святым Людовиком. Резня и наказание Робера — Организация инквизиции — Её деятельность в 1248 году — Редкие памятники её процедур — Аутодафе в Париже в 1310 году. — Маргарита Порете. — Постепенный упадок. — Дело Юга Обрио — Парламент присваивает себе высшую юрисдикцию — Парижский университет вытесняет инквизицию — Слабая деятельность инквизиции в XV веке — Попытка возрождения в 1451 году — Окончательное падение в пренебрежение — Вальденсы Франции. Их численность и организация — Перемежающиеся преследования. — Их учения — Франсуа Борель и Григорий XI — Новые преследования в 1432 и 1441 годах — Покровительство, оказанное Людовиком X — Унижение инквизиции — Чередование терпимости и преследований.

На Севере катаризм так и не сумел укорениться достаточно прочно, чтобы угрожать единству Церкви. Однако после крестовых походов и усилий, предпринятых после умиротворения 1229 года, множество изгнанных еретиков укрылось в странах, где, как они полагали, им удастся избежать подозрений. Поэтому, наряду с организацией преследования на Юге, необходимо было надзирать — с большим вниманием, нежели можно было ожидать от епископов, — за областями, где еретики находили бы себе убежище. Без этой предосторожности всё, что было предпринято в Лангедоке, привело бы лишь к распространению заразы. Таким образом, было совершенно необходимо, чтобы бдительные стражи веры были поставлены как в странах, где еретики были редки и скрытны, так и в тех, где их было множество и где они пользовались покровительством знати и городских магистратов. Благочестивый король Людовик Святой заявлял, что знает лишь один довод, которым мирянин должен пользоваться против еретика: меч, вонзённый по самую рукоять. Поэтому при этом государе защитники веры могли рассчитывать на светскую власть.

Уже в 1233 году, когда Пьер Челла и Гийем Арно были назначены инквизиторами в Тулузе, мы видим аналогичную попытку и в северной части королевства. Там также к делу был призван орден доминиканцев, дабы поставить ревнителей. Я уже рассказывал о неудаче усилий, предпринятых, чтобы побудить монахов Франш-Конте взяться за это дело. Однако на западе Бургундии Церковь оказалась удачливее и нашла нужных ей помощников.

Подобно Райнерио Сакконе, брат Роберт, прозванный Болгарином, был прежде патарином. Он был, следовательно, хорошо вооружён для обнаружения скрытых еретиков; сверх того, он утверждал, что может распознавать еретиков по одному их языку и повадкам. И другие качества делали его пригодным для этой миссии: это был пламенный фанатизм новообращённого, его учёность, его огненное красноречие, его беспощадная строгость. Когда в начале 1233 года приор Безансона получил указания о преследовании ереси, он поручил Роберту действовать вместо себя. Тот, спеша показать своё рвение, не терял ни мгновения и начал поход против Ла-Шарите. Известно, что это местечко в XII веке славилось как средоточие ереси; его тщетно пытались очистить от неё. Все усилия разбивались о закоснелость сердец. Брат Роберт застал приора Ключи, Этьена, занятого тем, что он расточал свой авторитет впустую, пытаясь — добром или силой — вернуть заблудших. Новый инквизитор, по-видимому, не был облечён никакими особыми полномочиями; но его энергия вскоре произвела глубокое впечатление на народ. Еретики толпами приходили исповедовать своё заблуждение; мужья и жёны, родители и дети — все обвиняли себя и обвиняли других. Роберт направил донесение Григорию IX. Действительность, говорил он, гораздо превосходит ужасом картину, которую рисовала молва: весь город был заражённым гнездом преступной ереси; католическая вера была там почти полностью изгнана; население в своих тайных сборищах сбросило с себя иго Рима. Наиболее осмотрительные давали себя обмануть ложной видимостью благочестия, тогда как деятельность ере-

тических миссионеров, распространяясь на всю Францию, приобретала души от Фландрии до Бретани. Не уверенный в своих полномочиях, Роберт просил у Григория указаний. Ему было приказано действовать энергично при содействии епископов и применять, дабы совершенно искоренить ересь в этой стране, статуты, недавно обнародованные Святым Престолом, испрашивая помощь светской руки и требуя её, в случае надобности, посредством церковных кар.

Мы не знаем, к каким мерам прибегнул Роберт. Без сомнения, укрепившись и будучи подстёгнут папой, он показал себя энергичным и беспощадным. Его фанатизм, вероятно, преувеличивал размеры зла и смешивал невинных с виновными. Архиепископ Санса, в епархии которого находился Ла-Шарите, вскоре стал жаловаться Григорию на посягательство на свою юрисдикцию. Другие прелаты поступили так же, встревоженные предоставлением парижскому провинциалу доминиканцев права назначать инквизиторов во всех частях королевства. Они уверяли папу, что в их провинциях никакой ереси нет и что чрезвычайные меры совершенно не нужны. В первых днях февраля 1231 года Григорий отменил все назначения и рекомендовал прелатам бдительность, советуя им прибегать к доминиканцам всякий раз, когда энергичное действие покажется полезным, ибо эти монахи особенно искусны в опровержении ереси. Если бы Роберт был обычным человеком, это папское вмешательство могло бы на мгновение задержать распространение инквизиции во Франции. Но ничто не могло сдержать его рвения. В июне 1234 года мы видим, как Людовик Святой оплачивает расходы на содержание еретиков, заключённых в Сен-Пьер-ле-Мутье, близ Невера, что, по-видимому, доказывает, что брат Роберт сумел снова взяться за дело на своём прежнем поприще. Быть может, он действовал по требованию епископской власти: епископы вообще не противились преследованиям, при условии, что их юрисдикция уважается. Король Людовик предоставил Роберту вооружённую охрану, чтобы защитить его от ненависти, которую он навлекал на себя. Уверенный в королевской благосклонности, гонитель объезжал страну, сея повсюду ужас. В Перонне он сжёг пять жертв; в Элинкуре — четырёх, не считая беременной женщины, казнь которой была отсрочена по заступничеству королевы. До конца Великого поста мы находим его в Камбре, где, при содействии архиепископа Реймского и трёх епископов, он сжёг около двадцати еретиков и других приговорил к крестам и тюрьме. Оттуда он отправился, всё так же поспешно, в Дуэ, где в мае имел удовольствие сжечь ещё десять жертв и приговорить к крестам и тюрьме великое множество других, в присутствии графа Фландрского, архиепископа Реймского, различных епископов и множества любопытных. Затем он быстро добрался до Лилля, где состоялись другие казни. Всё это было достаточно, чтобы убедить Григория, что епископы, отрицая ересь, отрицают очевидность. Не позволяя остановить себя воспоминанием о неудачах, которые другому апостолу преследования, Конраду Марбургскому, доставили его труды, папа в августе 1233 года дал знать провинциалу доминиканцев, что Бог открыл ему состояние всей Франции, охваченной лихорадкой от яда еретических гадов, и что надлежит возобновить дело инквизиции и предоставить Святому Официю полную свободу действий. Следовало, стало быть, вновь аккредитовать брата Роберта, который, поддержанный искусными сотоварищами, очистит всё королевство с помощью прелатов. Так невинность перестанет страдать, а преступление не избегнет более кары. Архиепископ Санса получил прямое повеление оказывать Роберту действительную поддержку, ибо Бог отметил его особой благодатью для этой миссии. Сам Роберт был почтён личным мандатом, исходившим от папы, который давал ему власть действовать по всей Франции. Сверх того, Святой Отец горячо увещевал Роберта не щадить своих трудов и не отступать даже перед мученичеством, если это мученичество должно будет послужить спасению душ [1].

Это было подливать масла в огонь. Бурный фанатизм Роберта не нуждался в разжигании: с этого времени его необузданное рвение бушевало вовсю. Из-за неразумного усердия Григория Франция была отдана во власть своего рода безумцу. Поскольку Роберт пользовался поддержкой благочестивого Людовика Святого, епископы были вынуждены помогать инквизитору и исполнять его приказы. В течение нескольких лет Роберт объезжал провинции Фландрии,

Шампани, Бургундии и Франции, и не находилось никого, кто мог бы его сдержать или воспрепятствовать ему. В своём необузданном рвении этот человек, по-видимому, едва ли заботился о том, чтобы судить со тщанием и доискиваться доказательств виновности. Лица, которых он обозначал как еретиков, должны были выбирать между отречением, сопровождавшимся пожизненным заключением, и костром. Иногда, для разнообразия, вместо того чтобы сжечь жертву, её закапывали живой. За два-три месяца Роберт отправил таким образом, как говорят, около пятидесяти несчастных обоего пола. Каково же должно было быть общее число его жертв за миссию, которую он исполнял без всякого надзора в течение нескольких лет! Ужас, распространяемый его произвольными и беспощадными действиями, заставлял бояться его как великих, так и малых. Однако в конце концов признали, что его жестокость смешивала невинных с виновными: тогда поднялся такой громкий ропот, что сам Григорий IX был вынужден к нему прислушаться. Следствие, проведённое в 1238 году, раскрыло злодеяния Роберта. Тем не менее он ещё нашёл время в 1239 году сжечь сто восемьдесят три еретика в Мон-Вимере, месте, где в XI веке зародился катаризм. На этом всеожжении, которое, должно быть, порадовало Бога, присутствовали король Наваррский, множество прелатов и знати и толпа, которую безумно оценили в семьсот тысяч душ. Это был последний триумф монаха-убийцы. Роберт был лишён своего мандата и расплатился пожизненным заключением за свои варварские безумства. Быть может, ещё до этого низложения Святой Престол, встревоженный чрезмерностями Роберта, уже потребовал, чтобы приговоры, вынесенные инквизитором, утверждались в Риме. Действительно, одно дело, которое можно датировать 1239 годом, было рассмотрено папой и затем возвращено Роберту и архиепископу Санса после одобрения приговора. Карьера этого дьявольского инквизитора, как и карьера Конрада Марбургского, должна была послужить спасительным предостережением. К несчастью, умонастроение, которое породил Роберт, пережило его. В течение трёх или четырёх лет после его падения преследование наблюдалось от Рейна до Луары, во всех провинциях, которые считались — справедливо или нет — наполненными скрытыми еретиками[2].

Несчастный конец Роберта не взволновал его собратьев. С этого времени доминиканская инквизиция утвердилась на постоянной основе по всей Франции. Сначала прелатов побуждали проявлять некоторое рвение в исполнении своих обязанностей, до тех пор слишком запущенных. Так, собор в Туре постарался в 1239 году возродить забытую систему синодальных свидетелей. Все епископы получили приказ назначить в каждом приходе трёх клириков — или, за неимением таковых, трёх заслуживающих доверия мирян, — которые принесут присягу доносить официальным лицам о всех проступках религиозного порядка, в особенности о преступлениях против веры. Эти неудобные и устаревшие меры не могли принести никакой пользы для розыска преступления, столь тщательно и столь легко скрываемого, как ересь. Доминиканцы остались хозяевами территории, которую никто у них не оспаривал: всегда настороже, переезжая из одного места в другое, опрашивая и расспрашивая жителей, они искали истину и вырывали её силой из упорствующих сердец. Однако от их трудов осталось мало следов. На Севере еретики были редки и рассеяны. Хроникёры того времени не упоминают ни об обнаружении, ни о наказании этих нечестивцев; они даже не отмечали учреждение инквизиции. Назначение нескольких монахов, порученное для преследования еретиков, было фактом, не заслуживающим упоминания. Известно, тем не менее, что благочестивый король Людовик Святой принимал этих инквизиторов в своих наследственных владениях с тем же благоволением, какое он им оказывал на вновь приобретённых территориях Лангедока. Более того, чтобы поощрить их рвение, он оплачивал все их расходы. В счетах королевских бабли за 1248 год упоминаются суммы, израсходованные на этих монахов в Париже, Орлеане, Иссудене, Санлисе, Амьене, Туре, Иевр-ле-Шатель, Бомоне, Сен-Кантене, Лане и Маконе. Отсюда видно, что королевская щедрость предоставляла им средства для успешного выполнения их миссии не только на владениях короны, но и на землях крупных вассалов. Эти упоминания показывают также,

что инквизиционная деятельность осуществлялась во всех точках страны. Их непрестанное рвение лишало ересь всякой безопасности; уже было видно, что в 1255 году инквизиторам было разрешено преследовать свою добычу за пределами границ, на территориях Альфонса Тулузского, в пренебрежение к ограничениям, установленным для инквизиционных округов.

Так инквизиция начала организовываться систематическим образом. В Провансе, где доминиканский приор Понс де л'Эспар сначала по своей частной инициативе предпринял розыск еретиков, лишь в 1245 году инквизитор впервые действовал на основании официальных полномочий. Эта провинция, охватывавшая весь юго-восток современной Франции, включая Савойю, была доверена францисканцам. В 1266 году эти монахи затеяли в Марселе смертельную борьбу с доминиканцами; преследование, по-видимому, было запущено, ибо Климент IV приказал бенедиктинцам Сен-Виктора принять меры для искоренения многочисленных еретиков, проживающих в долине Руссе, где находилась зависимость этого ордена. В 1288 году инквизиция Прованса была распространена на Авиньон и Конта-Венессен, губернатор которого получил приказ оплачивать расходы инквизиторов Бертрана де Сиготье и Гийема де Сен-Марселя из доходов от конфискаций. В 1292 году Дофине в свою очередь было включено в инквизиционный округ: организация, таким образом, была завершена на территориях, расположенных к востоку от Роны. Тогда внимание инквизиторов было привлечено к одному своеобразному суеверию. Многие христиане, когда их постигала болезнь или другие несчастья, или когда они тревожились о друге, отправившемся в море, иногда также при приближении родов, отправлялись с зажжёнными свечами в иудейские синагоги, приносили там дары и бодрствовали в ночь субботы. Эти обычаи, даже соблюдаемые иудеями, считались идолопоклонством и ересью; всякий, кто оказывался в них виновен, должен был поэтому подвергаться строгому преследованию.

За исключением этого региона, вся Франция была подчинена доминиканцам. В 1253 году булла Иннокентия IV предоставляет парижскому провинциалу верховную власть над остальной частью королевства, включая территории Альфонса Тулузского. В последующие годы появились другие буллы, оплакивающие растущие успехи ереси, требующие новых усилий против этой язвы и упоминающие о заботе короля Людовика, озабоченного успехом инквизиции. Тщательно разработанные инструкции передаются из Рима для надлежащего функционирования Святого Официя; декретируются изменения, затем отменяются, что показывает, что за работами инквизиции во Франции следили внимательным оком и настойчиво трудились над её укреплением. Папский бреве, датированный 1255 годом, устанавливает, что в это время инквизиция Лангедока была независима от парижского провинциала: в 1257 году она вновь поставлена под власть этого религиозного лица; в 1264 году она во второй раз освобождена от неё, чтобы быть возвращённой в 1264 году. Эта последняя мера была окончательной. Парижский провинциал стал тогда своего рода великим инквизитором для всей Франции. В 1235 году провинциал францисканцев был присоединён к провинциалу доминиканцев. Оба ордена таким образом разделили функции. Но, как и следовало ожидать, это соглашение имело лишь посредственный успех, так что в 1256 году власть вновь предстаёт сосредоточенной в руках доминиканцев. Число назначаемых инквизиторов всегда строго ограничивалось папами; оно менялось в зависимости от требований момента и от протяжённости территорий. В 1256 году указаны только два инквизитора. В 1258 году это число объявлено недостаточным для столь обширного региона, и провинциалу разрешено назначить четырёх других инквизиторов. В 1261 году, когда Лангедок был выделен, коллегия была сокращена до двух; в 1266 году она вновь включала четырёх членов, за исключением Лангедока и Прованса, где в 1267 году были учреждены помощники. В 1273 году число было доведено до шести, включая Лангедок и исключая Прованс. Это была, по-видимому, окончательная организация. Не видно, чтобы север королевства был разделён, как Юг, на чётко разграниченные округа.

Инквизиция Безансона, по-видимому, была вначале независима от парижской. После неудачи первой попытки утвердиться в этом городе в 1233 году Святой Официи, кажется, обосновался там лишь в 1247 году, когда Иннокентий IV приказал безансонскому приору отправить монахов по Бургундии и Лотарингии для искоренения ереси. На следующий год Жан, граф Бургундский, потребовал более энергичных действий, но, по-видимому, не пожелал содействовать им своими средствами, ибо в 1255 году доминиканцы просили освободить их от неблагоприятной задачи, в которой, за недостатком средств, они не могли надеяться на успех. Александр IV удовлетворил их просьбу. Имеются некоторые свидетельства, показывающие инквизицию действующей в этом городе около 1283 года. В 1290 году Николай IV приказал парижскому провинциалу выбрать трёх инквизиторов, которым поручалось действовать в епархиях Безансона, Женевы, Лозанны, Сиона, Меца, Туля и Вердена. Лотарингия, французские кантоны Швейцарии и Франш-Конте были таким образом подчинены инквизиции Франции — распоряжение, которое, по-видимому, сохранялось более века.

Осталось мало следов трудов Святого Официи на обширной территории, простирающейся между Бискайским заливом и Рейном. Судя по результатам, преследователи не уклонялись от своих обязанностей. Катаризм, медленно, но беспощадно истреблённый в Лангедоке, не сумел укорениться на Севере. Постоянно говорят о беглецах, покидающих Тулузу и Каркассон в поисках надёжного убежища в Ломбардии или даже в Сицилии; никогда не видно, чтобы они укрывались в Турени или Шампани. Не наблюдается также, чтобы самые ревностные миссионеры катаризма когда-либо стремились вести прозелитизм за пределами Севенн. Мы располагаем случайно, в одном сборнике формул, несколькими документами, исходящими от брата Симона Дюваля в 1277 и 1278 годах. Эти тексты позволяют бросить быстрый взгляд на процедуру инквизитора и оценить деятельность, которую требовало исполнение его обязанностей. Он именует себя *inquisiteur in regno Franciæ* — титул, указывающий, что его делегация простиралась на всю часть королевства, расположенную к северу от Лангедока. Он заявляет, что действует именем апостольской власти и королевской властью, показывая тем самым, что Филипп Смелый должным образом пожаловал ему право требовать, в случае нужды, содействия всех светских сил. 28 ноября 1277 года он публично объявляет, что два каноника из Льежа, Сюже де Вербанк и Берне де Нивиль, подозреваемые в ереси, бежали. Он вызывает их на суд 23 января следующего года в Сен-Кантен-де-Вермандуа. Это дело, по-видимому, было отложено, ибо 4 января 1278 года брат Дюваль созывает народ и духовенство Кана на проповедь 23 числа того же месяца. В этом городе он имел по крайней мере удовольствие обнаружить иудейку-отступницу, которая бежала; имеется прокламация, которой он приглашает всех граждан содействовать в её розысках Копену, сержанту бальи Кана, которому поручено преследовать беглянку. Брат Дюваль занимался тогда, без сомнения, широким дознанием, ибо 5 июля он созывал на свою проповедь 7-го числа народ и духовенство Орлеана. Две недели спустя он был обратно в Нормандии и обнаружил близ Эврё гнездо еретиков: имеется вызов, датированный 21 июля, приглашающий явиться перед ним тринадцать жителей соседней деревушки. Эти фрагментарные и разрозненные документы свидетельствуют, что существование инквизитора было деятельным и что его труд не всегда был потерян. В феврале 1285 года юный Филипп Красивый предписывает письмом своим представителям в Шампани и Бри содействовать инквизитору брату Гийому Оксеррскому. Без сомнения, обе названные провинции должны были стать театром инквизиционных операций.

Инквизиторы Франции жаловались, что их дело затрудняется правом убежища, тогда повсеместно соблюдавшимся. Всякий преступник, которому удавалось войти в церковь, находил там убежище. Ни один чиновник не смел преследовать его там или произвести арест внутри священной ограды. Нарушение этого иммунитета влекло за собой отлучение, которое могло быть снято лишь ценой примерного наказания. Еретики не замедлили воспользоваться защитой, предлагаемой их особам самой Церковью, с которой они боролись. Вследствие рев-

ности, существовавшей между светским духовенством и инквизиторами, следует полагать, что не было предпринято никаких усилий для пресечения этого злоупотребления. Мартин IV, к которому обратились по этому поводу, обнародовал в 1281 году буллу, адресованную всем прелатам Франции. Не подобало, говорил он, чтобы это злоупотребление правом убежища терпелось долее; в подобном случае инквизиторы должны были иметь полную возможность отомстить за веру; вместо того чтобы препятствовать исполнению их долга, надлежало всячески помогать им в этом. Эта булла упоминает, среди прочих еретиков, иудеев-отступников или плохо обращённых. Это значит, что эта злосчастная секта в значительной мере была предметом инквизиционного рвения. Действительно, множество этих несчастных были сожжены или подвергнуты различным епитимьям в Париже с 1307 по 1310 год.

Был один разряд преступников, который мог бы предоставить обширное поле для деятельности инквизиции, если бы Святой Официи оказался в состоянии обнаружить их проступки. По канонам, всякий, кто в течение года находился под отлучением, не подчинившись и не испросив отпущения, объявлялся подозреваемым в ереси. Так, в 1297 году мы видим, как Бонифаций VIII приглашает инквизиторов Каркассона преследовать на этом основании власти Безье. Страна изобиловала этими отлучёнными: священники и прелаты злоупотребляли анафемой для служения своим личным интересам; поэтому народ стал нечувствителен к этому наказанию, тем более что чаще всего для получения отпущения приходилось жертвовать правами, от которых самые покорные сыны Церкви не согласились бы отказаться. Это растущее презрение к епископской цензуре не имело оправдания, но инквизиторы, по-видимому, отнюдь не были расположены самопроизвольно оказывать содействие светскому духовенству. С другой стороны, и последнее не испрашивало их вмешательства. В 1301 году Реймский собор постановил начать процедуры по подозрению в ереси против тех, кто оставался под отлучением два года. В 1303 году тот же собор пригласил всех подсудных явиться самим и очиститься от тяготевших над ними подозрений. Но эта формальность должна была быть исполнена перед судом епископа, а не перед инквизиторами. Без сомнения, взаимная ревность была слишком сильна, чтобы можно было объединить две соперничающие юрисдикции в одном деле.

В 1308 году речь идёт о гражданине Суассона, Этьене де Вербери, обвинённом перед инквизитором в том, что он произносил богохульные речи о теле Христовом. Обвиняемый сослался на своё состояние опьянения, и с ним обошлись снисходительно. Вскоре после этого состоялось первое настоящее аутодафе, которое, насколько нам известно, было совершено в Париже. Это было 31 мая 1310 года. Один иудей-вероотступник был сожжён; но главной жертвой была Маргарита Эно, прозванная Порете, о которой мы осведомлены достаточно точно.

Эта бегинка-клиричка была во Франции первой апостолкой немецкой секты Братьев Свободного Духа, которую мы изучим более полно в дальнейшем. Её главное заблуждение состояло в утверждении, что душа, поглощённая божественной любовью, может без греха и без угрызений совести уступать всем требованиям плоти. Сверх того, она исповедовала недостаточное почтение к жертве, совершаемой на алтаре. Для распространения этих учений она написала книгу, которую Ги II, епископ Камбрейский, осудил и сжёг как еретическую до 1303 года. Прелат милосердно пощадил автора, не преминув, однако, запретить ей под угрозой костра распространять впредь свою книгу и свои учения. Несмотря на это предостережение, она продолжала распространять осуждённую книгу среди скромного населения, которое обозначали именем бегардов. Её привели к преемнику Ги, Филиппу де Мариньи, и к лотарингскому инквизитору. И на этот раз она вышла из преследования невредимой. Неутомимая в своей миссии, она дошла до дерзости предложить запрещённый том Жану, епископу Шалонскому. В 1308 году она распространила свою пропаганду до Парижа и попала в руки инквизитора, брата Гийома Парижского. Вызванная им принести присягу до своего допроса, она наотрез отказалась. Инквизитор был, вероятно, слишком поглощён делом тамплиеров, чтобы иметь возможность быстро свершить правосудие. Обвиняемая, отлучённая вследствие отказа от присяги, остава-

лась под тяжестью этого отлучения восемнадцать месяцев в темнице инквизиции. Это было бы достаточным основанием, чтобы осудить её как нераскаянную еретичку; но её прежние действия делали её еретичкой-рецидивисткой. Вместо того чтобы созвать, по обычаю Лангедока, собрание экспертов, инквизитор представил письменный доклад о деле канонистам университета. Те 30 мая единогласно заявили, что, если изложенные факты верны, женщина была еретичкой-рецидивисткой и должна быть передана светской руке. Соответственно, 31 мая она была передана, после обычного призыва к милосердию, в руки парижского прево, который велел сжечь её на следующий день. Пламенное благочестие, которое она проявила на костре, растрогало народ до слёз. Один ученик Маргариты также сыграл роль в этой трагедии. Это был клирик из епархии Бове по имени Гион де Крессонессар. Он стремился вырвать Маргариту из когтей инквизиции; арестованный в свою очередь, он также в течение восемнадцати месяцев заключения отказывался принести предварительную присягу. По-видимому, заключение окончательно помутило его рассудок, ибо в конце концов он поразил инквизитора, провозгласив себя Ангелом Филадельфийским, посланным Богом как единственно способный спасти человечество. Тщетно инквизитор указывал ему, что это миссия, предназначенная одному папе: Гион не пожелал ничего уступить от своих притязаний и был признан виновным в ереси. Однако по причине, которую не уточняет приговор, он был осуждён лишь на лишение сана и пожизненное заключение.

Второе дело, следы которого сохранились, — это дело сеньора де Партене (1323). Мы уже упоминали об этом процессе, который в наших глазах имеет особую важность; он раскрывает, в самом деле, огромную и почти безответственную власть, осуществляемую в то время инквизицией. Партене, самый могущественный дворянин Пуату, обозначенный как еретик братом Морисом, парижским инквизитором, был немедленно брошен королём в тюрьму Тампля. Все его владения были секвестрованы в ожидании исхода дела. Партене, к его счастью, обладал обширным кругом друзей и влиятельных родственников; один из них, епископ Нойонский, энергично взялся его защищать. Обвиняемому удалось доставить папе апелляцию, в которой он разоблачал личную ненависть, питаемую к нему братом Морисом. Он был отправлен под хорошей охраной в Авиньон, где его друзьям удалось добиться, чтобы Иоанн XXII дал в качестве ассессоров инквизитору для рассмотрения дела нескольких епископов. После бесконечных проволочек Партене был наконец освобождён, не без того, однако, чтобы не были употреблены, без сомнения, всевозможные средства, чтобы пробить брешь в его состоянии. Если такого человека могли арестовать по одному лишь доносу раздражённого монаха, каким же опасностям подвергались люди меньшего значения? Это дело, современное последним трудам Бернара Ги в Тулузе, знаменует апогей инквизиции во Франции. Отныне мы будем наблюдать упадок учреждения.

Тем не менее ещё в течение нескольких лет в Каркассоне наблюдалось некоторое развёртывание деятельности, где Анри де Шарне показал себя достойным соперником инквизиторов. 16 января 1328 года при содействии Пьера Брюни он совершил аутодафе в Памье. Тридцати пяти лицам было разрешено снять кресты, двенадцать были освобождены из заключения с ношением крестов, шестеро получили прощение, семеро были приговорены, вместе с четырьмя лжесвидетелями, к пожизненному заключению; восьмерым были назначены произвольные епитимьи; четверо умерших были также осуждены; один монах и один священник были лишены сана. Поскольку епархия Памье, одна давшая это аутодафе, была невелика, число приговоров доказывает, что работа велась активно. 12 декабря того же года Анри де Шарне провёл аутодафе в Нарбонне, где была решена участь около сорока правонарушителей. 7 января 1329 года — другое аутодафе в Памье; 19 мая — четвёртое в Безье; 8 сентября — пятое в Каркассоне, где шесть несчастных были сожжены, а двадцать один другой приговорён к пожизненному заключению. Вскоре после этого три жертвы были сожжены в Альби; к концу года состоялось шестое аутодафе в местности, которая не названа, где восемь жителей были

приговорены к простому заключению, трое — к заключению в кандалах и двое других — к костру. Приблизительно в то же время, по-видимому, инквизиторы иногда оказывались в конфликте с королевскими чиновниками: в 1334 году инквизиторы жаловались Филиппу Валуа на то, что встречают противодействие при исполнении своих обязанностей. Филипп предписал сенешалем Нима, Тулузы и Каркассона, чтобы они предоставили инквизиции полное пользование её прежними привилегиями.

Эта деятельность продолжалась ещё некоторое время; но реестры, которые могли бы дать о ней подробности, все погибли. Случайно сохранились счета сенешальства Тулузы за 1337 год. Благодаря этим документам можно убедиться, что Пьер Брюни, инквизитор, отнюдь не оставался бездеятельным. Сборщик конфискаций перечисляет владения тридцати еретиков, доходы с которых он тогда получал; он упоминает аутодафе, расходы на которое он оплатил; он констатирует, что заключённые в инквизиционных тюрьмах насчитывают восемьдесят два человека. Но так как содержание этих осуждённых в течение одиннадцати месяцев достигает суммы в триста шестьдесят пять ливров четырнадцать су, легко подсчитать, исходя из трёх денье в день на человека, что их число должно было составлять в среднем девяносто. Вскоре после этого страшные превратности Столетней войны замедлили энергию инквизиторов. Известно, однако, что аутодафе состоялись в Каркассоне в 1340, 1337 и 1383 годах и что ещё одно было совершено в Тулузе в 1374 году. Должность инквизитора продолжала замещаться; но значение функций всё уменьшалось. Так, Пьер де Меркальм, провинциал Тулузы с 1330 по 1363 год, занимал одновременно, более двух лет, должность инквизитора. Значит, она уже не была поглощающей.

В это время мало говорят об инквизиции на севере Франции. Борьба с англичанами должна была сильно затруднять действие Святого Официя. Однако он не пренебрегал своими обязанностями, как доказывает жалоба, направленная Клименту VI в 1351 году парижским провинциалом: обычай исключать из делегации, вверенной инквизиторам, владения Карла Анжуйского лишает, говорит он, провинции Турень и Мэн благоденствия Святого Официя и в то же время позволяет ереси процветать на этих территориях. Тотчас папа распространил на эти области юрисдикцию брата Гийома Шевалье и юрисдикцию будущих инквизиторов.

При Карле Мудром, после восстановления мира, инквизиция обрела больше свободы. Бегарды, или Братья Свободного Духа, не были обескуражены мученичеством Маргариты Порете: они всегда существовали втайне. В сентябре 1365 года Урбан V дал знать прелатам и инквизиторам всей Франции, что эти еретики деятельно трудятся над распространением своих заблуждений. Он послал епископу Парижскому подробные сведения об их учениях и о местах, где их можно обнаружить; эти сведения должны были быть сообщены прелатом его собратьям и инквизиции. Неизвестно, был ли дан немедленный ответ на этот призыв; но видно, что в 1372 году брат Жак де Мор, инквизитор бугров, деятельно трудился над искоренением этой ереси. Приверженцы секты называли её Братством Бедности; народ обычно называл их тюрелюпенами. Как и в Германии, они отличались особыми одежаниями и в изобилии распространяли свои учения в сочинениях, написанных на местном наречии. Карл V наградил даром в пятьдесят ливров труды инквизитора и получил за своё рвение благодарность Григория XI. Результатом дела было то, что на свином рынке, за воротами Сен-Оноре, были сожжены книги и одежды еретиков, а также главная поборница секты Жанна Добантон. Товарищ этой жертвы умер в своей тюрьме и таким образом избежал костра. Его труп сохранялся в негашёной извести пятнадцать дней, чтобы оба соучастника могли быть преданы пламени вместе. Это зрелище было довольно редким, и редкость увеличивала его значение, как свидетельствуют эти вирши современного хроникёра:

В год MCCCLXXII, говорю вам, для всеобщего сведения, Были тюрелюпены приговорены к сожжению, За то, что они обманывали народ Ложными ересями, — епископ тому свидетель.

Однако секта проявляла упорство, особенно в Германии, как мы увидим далее. В начале следующего века канцлер Жерсон считает её ещё столь грозной, что неоднократно борется за уничтожение её заблуждений. Мистическое вольномыслие этого учения имело в себе нечто опасно соблазнительное. Жерсон особенно тревожился, видя эти теории изложенными с невероятной тонкостью в книге, написанной некоей Марией Валансьенской. В мае 1421 года двадцать пять приверженцев этого братства были осуждены в Дуэ епископом Аррасским. Двадцать из них отреклись и подверглись в качестве епитимьи ношению крестов, изгнанию или заключению. Остальные пять остались непоколебимыми и понесли свои заблуждения на костёр[3].

В 1381 году брат Жак де Мор принёс в жертву более именитую жертву — Юга Обрио. Бургундец по рождению, Обрио благодаря своей энергии и заслугам сумел завоевать доверие мудрого короля Карла, который сделал его парижским прево. Он исполнял эту должность с твёрдостью, пример которой не подал ни один из его предшественников. Ему город был обязан своей первой сетью сточных канав, а также строительством Бастилии, предназначенной служить крепостью против англичан. Он наложил известные ограничения на процветающее ремесло девиц лёгкого поведения. Своим хорошим управлением он сумел завоевать уважение и привязанность народа. Но он навлёк на себя непримиримую ненависть университета, пренебрегши привилегиями, которые учёное сословие в предыдущем веке считало необходимыми для своего существования. В кровавой насмешке, строя Пти-Шатле, он дал двум отвратительным темницам имена двух важных кварталов, занятых университетом, — Кло Прюно и улицы дю Фуэн; темницы, говорил он, предназначены для студентов. При энергичном правлении Карла V университет был вынужден молчать. Но после смерти короля в 1380 году он с нетерпением ждал момента отомстить. Случай не замедлил представиться.

Соперничество, столкнувшее герцогов Беррийского и Бургундского, позволило завербовать первого в число врагов бургундца Обрио. Правление принцев, одновременно слабое и деспотическое, порождало беспорядок. 25 ноября 1380 года народ восстал против иудеев, разграбил их дома и насильно крестил детей. Обрио навлёк на себя гнев Церкви, потребовав, чтобы дети были возвращены родителям. Коалиция, образованная таким образом против прево, стала столь сильной, что двор не мог ей противостоять. 21 января 1381 года Обрио был вызван на суд перед епископом и инквизитором. Он пренебрёг явкой по вызову; тогда отлучение, которым каралось его упорство, было опубликовано во всех церквях Парижа. Эта мера вынудила его подчиниться. Когда он предстал перед инквизитором 1 февраля, его немедленно бросили в епископскую тюрьму, и началось следствие по его делу. Обвинения были в целом легковесны, за исключением двух: дело об иудейских детях и освобождение узника, обвинённого в ереси и заключённого в Шатле инквизитором. Вот некоторые из других деяний, вменявшихся ему в вину. Однажды один из его сержантов, чтобы оправдать опоздание, заявил, что ждал в церкви, дабы «увидеть Бога», то есть присутствовать при возношении даров. Обрио будто бы ответил ему в гневе: «Шут, разве ты не знаешь, что я имею больше власти, чтобы наказать его, чем Бог — чтобы ему помочь?» В другой раз кто-то сказал, что идёт «увидеть Бога» на мессе, которую служил Сильвестр де ла Сервель, епископ Кутанский; Обрио ответил, что Бог не может позволить, чтобы такой человек манипулировал Им. Столь велико было озлобление врагов прево, что на основании этих ничтожных обвинений он был тотчас приговорён к костру, без предоставления ему привилегии, которой пользовались все еретики, — спасти свою жизнь отречением. Однако принцы вмешались и добились для него этой милости. Он не мог пожаловаться, что его заставили ждать неподобающе долго. 17 мая состоялось торжественное аутодафе. На помосте, воздвигнутом перед Нотр-Дам, Обрио смиренно исповедал и отрёкся от ересей, в которых был признан виновным. Пока ему читали приговор, осуждавший его на пожизненное заключение — наказание, влекущее, разумеется, конфискацию имущества, — весёлые школяры университета осыпали его оскорблениями, распевая хромые куплеты. Затем его отвели в темницу епископской тюрьмы, где он оставался до 1382 года. В этот момент, когда

вспыхнуло восстание майотенов, первой мыслью народа был его прежний прево. Взломали дверь тюрьмы, вырвали Обрио из его темницы и поставили во главе восставших. Он принял этот пост; но в тот же вечер бежал и отправился в свою родную Бургундию, где его деятельная и полная приключений жизнь завершилась в мирной безвестности. История этого человека поучительна: в ней видно, каким ценным орудием была инквизиция для удовлетворения ненависти. Впрочем, роль, которую сыграл Святой Офиц в политических борьбах, заслуживает по своей важности того, чтобы её изучили подробно. Поэтому мы вернёмся к ней далее.

После этого события об инквизиции Парижа почти больше не слышно, хотя она не перестала существовать. В 1388 году Тома д'Апули своим красноречием привлекал к себе восхищённую толпу; его слушали с благоговением, когда он учил, что единственный закон Евангелия — любовь и что, следовательно, таинства, призывание святых и все изобретения обычной теологии — вещи бесполезные. Он написал книгу, где изливал ругательства против грехов прелатов и пап и где утверждал, полагаясь на Вечное Евангелие, что царство Святого Духа сменило царство Отца и Сына. Он доходил до дерзости, объявляя самого себя посланным Святым Духом для преобразования мира. Однако инквизиция не была призвана заставить этого еретического революционера умолкнуть. Парижский прево пригласил Тома д'Апули прекратить проповедовать. Ересиарх отказался повиноваться. Тогда епископ и университет судили обвиняемого и приказали сжечь его книги на Гревской площади. Тома отправили бы на костёр, если бы психиатры того времени не засвидетельствовали его безумие и не добились для него замены наказания; он был приговорён к пожизненному заключению.

Различные причины долгое время способствовали во Франции ограничению значения инквизиции. Она перестала изливать в казну поток конфискаций; она не содействовала более полезно укреплению королевской власти. Она слишком хорошо сделала своё дело. Она стала не только бесполезным орудием для трона, но и сам этот трон, который она помогла воздвигнуть, низвёл её саму к повиновению. Уже тогда, когда инквизиция была ещё в апогее своего могущества, начинали склоняться к тому, чтобы считать королевский суд облечённым высшей властью. Эта тенденция ясно проявляется в деле Амьеля де Лотрека, аббата Сен-Сернена. В 1322 году вигуйе Тулузы донёс на этого человека инквизиции, как на проповедовавшего учение, по которому душа имеет смертную сущность и обязана бессмертием лишь благодати. Инквизиция после рассмотрения заключила, что здесь нет состава ереси. Генеральный прокурор короля, недовольный этим вердиктом, подал апелляцию не папе, а в Парламент, то есть в королевский суд. Нельзя вообразить вопроса более исключительно теологического; тем не менее Парламент серьёзно принял апелляцию, чтобы доказать свою компетенцию, и подтвердил приговор инквизиции.

Этот факт был чреват грозными предзнаменованиями. Однако неутомимый Анри де Шарне, без сомнения обеспокоенный успешными усилиями Филиппа Валуа контролировать и ограничивать духовную юрисдикцию, получил от этого монарха в ноябре 1329 года благоприятное предписание. Привилегии инквизиции в нём подтверждались; все дворяне и светские чиновники вновь предоставлялись в распоряжение Святого Офиц; в то же время отменялись все грамоты, прошлые или будущие, которые, исходя от королевского суда, могли в какой-либо мере стеснить инквизиторов в исполнении обязанностей, вверенных им Святым Престолом. Но эволюция монархии к самодержавию совершалась слишком быстро, чтобы можно было ещё этому воспрепятствовать. Сам Анри де Шарне в 1328 году именовал себя инквизитором, делегированным не папой — как всегда гордо гласили старые формулы, — а королём. За этим последовало судебное решение, подтвердившее это назначение. Филипп сделал политическим правилом навязывать и расширять юрисдикцию короны. Сообразно этому замыслу он отправил Гийома де Виллара в Тулузу с поручением исправить посягательства церковных судов на королевские суды. В 1330 году Виллар, чтобы довести до конца своё дело, велел представить себе реестры церковных судов, а затем потребовал реестры инквизиции. Вспоминается, с какой

ревливой заботой эти документы хранились в тайне, с какой надменностью Николя д'Абвиль отказался дать хоть краем глаза взглянуть на них епископам, посланным Филиппом Красивым; не забыто и то, как Жан де Пекиньи колебался, прежде чем обратиться по этому поводу к Жоффруа д'Абли. По этим прецедентам можно измерить значение переворота, молчаливо совершившегося с того времени. Виллар, увидев, что ему отказывают в затребованном сообщении, спокойно велел взломать дверь комнаты, где хранились реестры. Инквизитор подал апелляцию не папе, а, на этот раз снова, Парламенту. Этот суд приговорил Виллара к уплате возмещения убытков, ибо инквизиция в его глазах была не церковным судом, а королевским трибуналом. То была, стало быть, пиррова победа. Государство присвоило себе инквизицию. В 1334 году Филипп встал на ту же почву, прислушавшись к жалобам инквизиторов, которые объявляли, что сенешали стесняют их юрисдикцию. Если он приказал, чтобы инквизиторы пользовались всеми своими прежними привилегиями, то потому, что уподоблял этих судей королевским чиновникам. С тех пор инквизиция могла существовать лишь по терпимости; она была подчинена контролю Парламента. В то же время Авиньонское пленение, за которым последовал Великий раскол, ещё более благоприятствовало осуществлению светской власти даже в области духовных дел.

Два происшествия показывают, до какой степени инквизиция становилась тогда государственной службой. В 1340 году наместник короля в Лангедоке Луи де Пуатье, граф де Дье и де Валентинуа, в момент вступления в добрый город Тулузу нашёл ворота закрытыми. Он сошёл с коня, преклонил колени на подушку и с непокрытой головой принёс на Евангелиях двойную присягу: одной он обязывался в руках инквизиторов гарантировать привилегии инквизиции; другой клялся консулам поддерживать муниципальные свободы. Так обе власти жили на равной ноге и требовали одинаковых гарантий — гарантий весьма иллюзорных, одно упоминание о которых заставляло бы улыбнуться от жалости самого Бернара Ги. В 1368 году, когда королевские доходы, истощённые войнами против Англии и опустошениями Больших компаний, перестали покрывать жалованье инквизитора Каркассона, королевский казначей Пьер Сантисс приказал консулам взыскать налог в двадцать шесть ливров турнуа, чтобы пополнить требуемую сумму. Давно уже конфискации перестали оплачивать расходы инквизиции; инквизитор как королевский чиновник должен был получать жалованье, если не от государства, то по крайней мере от города.

Полное порабощение всех церковных учреждений и упадок инквизиции, низведённой со своего высокого положения, освещаются одним фактом, произошедшим в 1361 году. В этот момент, однако, королевская власть пала очень низко. Король Иоанн, пленник англичан, умер в Лондоне 8 апреля. Юный Карл V должен был быть коронован лишь 19 мая. Королевство было почти низведено до анархии как иностранным вторжением, так и внутренними раздорами. Тем не менее 16 апреля маршал Арно д'Оденеам, наместник короля в Лангедоке, созвал в Ниме собрание Трёх сословий под председательством архиепископа Нарбоннского. Одним из вопросов, подлежавших обсуждению, была распря, возникшая между архиепископом Тулузским и инквизитором: последнему было запрещено исполнение его обязанностей под тем предлогом, что инквизиция, учреждённая некогда по требованию провинции Лангедок, стала вредной. Все прелаты, за исключением Эмери, епископа Вивье, приняли сторону архиепископа. Представители Тулузы просили допустить их к обсуждению, чтобы поддержать требование инквизитора. Никто, по-видимому, не сомневался в компетенции маршала, делегата короны. Судья вынес решение, противное притязаниям архиепископа.

В самом Каркассоне, где доминиканцы некогда осуществляли столь властный деспотизм, их перестали бояться. В 1354 году кузнец по имени Юг дошёл до дерзости, устроив свою кузницу рядом с церковью доминиканцев. Он занимался своим шумным ремеслом с такой энергией, что богослужения прерывались, а занятия нарушались. Увещевания и угрозы были тщетны. Монахам пришлось обратиться с призывом не к епископу или инквизитору, а к

королю, который соизволил послать своему сенешалю формальный приказ перенести кузницу или запретить Югу работать в ней.

К концу века в Реймсе предстали различные дела, в которых обнаружилось пренебрежение к инквизиции. Юрисдикция королевского суда, Парламента, признавалась тогда высшей властью в религиозных вопросах. В 1383 году возник спор между городскими магистратами и архиепископом по поводу проступков богохульства, рассмотрение которых требовали обе стороны. Дело уладилось конкордатом, признавшим юрисдикцию архиепископа. Но двадцать лет спустя ссора возобновилась по делу Друэ Ларжеля, виновного в том, что он произносил о Страстях и Деве Марии богохульные и окрашенные ересью речи. Вопрос был представлен Парламенту, который вынес решение в пользу архиепископа. Во всём ходе дела нигде нет упоминания о правах на вмешательство, которые могла бы требовать инквизиция. Святой Официи, как видно, был тогда практически уничтожен. Однако оказывается, что Реймс был как раз местопребыванием инквизиционного суда: в 1419 году Пьер Флоре был там инквизитором; он произнёс 13 октября надгробную проповедь на похоронах Жана Бесстрашного Бургундского и вызвал большой скандал, побуждая Филиппа Доброго не мстить за убийство отца. В Тулузе ещё в 1423 году инквизиция проявляла своё существование по поводу дела о богохульстве. Стало обычаем представлять инквизитору имена всех кандидатов, успешно прошедших муниципальные выборы, дабы инквизитор удостоверился, что никто не подозревается в ереси. Среди капитулов, избранных в 1423 году, находился некий Франсуа Альбер, чей выбор был осуждён действующим инквизитором Бартоломе Гискаром. Новый капитул имел, в самом деле, обыкновение пересыпать свои речи ругательствами вроде «Голова Божья» и «Чрево Божье». Граждане заменили его Пьером де Сарла. Альбер подал апелляцию в Парламент, который одобрил действие инквизитора.

Высшая власть Парламента проявляется ещё очевиднее в деле Мари дю Канеш из Камбре. Я уже имел случай упоминать об этом факте. Мари дю Канеш утверждала, что даже после принесения присяги она не обязана говорить правду в ущерб своей чести: её преследовали за ересь епископ Камбрейский и брат Николя де Перонн, который именовал себя делегатом генерального или провинциального инквизитора Парижа. Подвергнутая строгому штрафу, она подала апелляцию архиепископу Реймскому, который в качестве митрополита опубликовал грамоты о приостановке дела. Епископ и инквизитор подали апелляцию в Парламент на решение архиепископа. Последний утверждал, что в то время во Франции не было инквизитора, и приводил тысячу тонких различий. Парламент не колеблясь принял к рассмотрению вопрос столь чисто духовный. Он не остановился на доводах архиепископа и ясно заявил, что епископ и инквизитор отнюдь не имели права не повиноваться вызову архиепископа, отзывавшего дело в свой собственный суд. Соответственно он приговорил их к судебным издержкам. Так древнее верховенство епископской юрисдикции вновь утвердилось, господствуя над инквизиционной юрисдикцией.

Великий раскол, за которым последовали соборы Констанцкий и Базельский, немало способствовал потрясению папской власти, на которой покоился авторитет инквизиции. Карл VII неизменно держался по отношению к Риму непокорной позиции. Прагматической санкцией, обнародованной им в 1438 году, он обеспечил независимость галликанской церкви и укрепил юрисдикцию Парламента. Когда Людовик XI в 1461 году отменил эту Прагматику, Парламент обратился к королю с ремонстрациями, которые являются обвинительным актом, на редкость резким, против пороков римского двора. Парламент продолжал пользоваться отменённым актом, как если бы он ещё имел силу закона. Людовик со своей стороны мерами, принятыми в 1463, 1470, 1472, 1474, 1475 и 1479 годах, мало-помалу восстановил принципы Прагматики. Если бы Франциск I, сговариваясь с Львом X, чтобы получить долю добычи церкви, не смел, своим конкордатом 1516 года, всё с лица Прагматики, — быть может, Франция благодаря этому драгоценному юридическому оружию освободилась бы от римской власти. Франциск так

хорошо знал, какое противодействие вызовет его решение, что целый год колебался, прежде чем представить его на регистрацию Парламенту. Парламент отложил эту формальность до другого года. Наконец кардинал Дюпра, который вёл переговоры о конкордате, имел достаточно влияния, чтобы получить желаемую санкцию. В ходе обсуждения университет не побоялся публично протестовать против этой меры и объединиться с Парламентом, чтобы подать апелляцию к будущему вселенскому собору [4].

Пока длилась оппозиция римскому господству, Парижский университет сильно способствовал унижению инквизиции. Он вытеснил Святой Официи в рассмотрении учений и в познании преступлений ереси. Он пользовался большим авторитетом в силу своей прежней славы, которую достойно поддерживал непрерывный ряд ревностных и учёных магистров. Это было национальное учреждение, которым клирики и миряне могли одинаково гордиться и которое одно время, казалось, было близко к тому, чтобы соперничать с Парламентом и стать одной из властей государства. В ужасной анархии, вызванной безумием Карла VI, он дерзко присвоил себе право вмешиваться в общественные дела, и это вмешательство было хорошо принято. В 1411 году король, находившийся тогда в руках бургундцев, потребовал от университета отлучения арманьяков. Он с готовностью откликнулся на это желание. В 1412 году он представил королю ремонстрацию по поводу расстройств финансов. Поддержанный парижанами, он не сказал ни слова, чтобы добиться в 1413 году отставки финансистов и лихоимствующих чиновников, за исключением канцлера. Придворные, весьма недовольные, осмеяли этих теологов, назвав их библиотечными крысами. В том же году университет в согласии с Парламентом на время восстановил мир между враждебными партиями страны. Герцог Гиеннский, наследник престола, в сопровождении герцогов Беррийского, Бургундского, Баварского и Барского торжественно поблагодарил собравшийся факультет, признав тем самым виртуально в нём одну из великих опор государства. Однако депутация, которую он отправил в 1415 году для протеста против чрезмерных налогов, угнетавших народ, была принята дурно. Герцог Гиеннский, раздражённый участием, которое университет принял без ведома двора в низложении Иоанна XXIII на Констанцском соборе, сухо заявил ораторам, что они вмешиваются в дела, превышающие их компетенцию. Когда глава депутации попытался возразить, герцог велел немедленно его арестовать и продержал в тюрьме несколько дней.

Если это мимолётное притязание соперничать с Парламентом в управлении общественными делами не было осуществлено, университет тем не менее осуществлял в теологических вопросах верховную власть. Он был естественно призван поставлять — в целом или через делегации — экспертов, чьи познания должны были направлять епископов и инквизиторов в решении спорных случаев. Поскольку старые ереси угасали и рождались новые, вошло в обычай представлять университету всё, что отклонялось от православия. Решение учёного собрания принималось как окончательное. Речь шла чаще всего о схоластических тонкостях, к которым я вернусь далее при изучении серьёзных споров о непорочном зачатии, номинализме и реализме, споров, в которых университет принимал важное участие. Иногда также вопросы были чисто практического порядка. Так, в 1432 году некий несчастный, имевший неосторожность сказать брату Пьеру де Вуа, делегированному инквизитору Эврё, что инквизиционные вызовы — просто злоупотребление, — оскорблённый чиновник подал жалобу в университет. Он выиграл дело; ему вручили торжественное решение, гласившее, что речи, на которые он жаловался, дерзки, скандальны и обнаруживают склонность к мятежу; следовательно, человек, говоривший таким образом, заслуживал наказания. При этом не было сказано, что эти речи заражены ересью; Бернар Ги или Николя д'Абвиль никогда не требовали бы решения такого рода, но бросили бы правонарушителя в тюрьму.

Дело францисканца-обсерванта Жана Витрие показывает, до какой степени в 1498 году университет заменил собой инквизицию. В эпоху волнений и непокорности, предшествовавших Реформации, Витрие, скромный монах, опередил Лютера ещё более, чем это сделал Жан

де Везель, хотя в суровости своего аскетизма он учил, что женщина должна скорее нарушить супружескую верность, чем пост. В своих проповедях в Турне он побуждал народ вытаскивать священников и их сожительниц из домов и осыпать их оскорблениями; он утверждал, что слушать мессы священников, преданных беспорядку, — смертный грех. Отпущения грехов и индульгенции были плодами ада, которые верующие не должны покупать, ибо у них было другое дело, чем содержать дома разврата. Не следовало даже просить заступничества святых. Это были старые ереси: первый же попавшийся инквизитор мог бы быстро принудить человека, державшего такие речи, выбрать между отречением и костром. Прелаты и магистраты Турне передали дело в университет: тот с трудом извлёк из проповедей Витрие шестнадцать положений, которые удовольствовался осудить.

Чтобы показать, как власть университета возрастала по мере упадка власти папства, приведём более знаменательное решение, вынесенное в 1502 году. Александр VI наложил десятину на духовенство Франции под предлогом ведения войны против турок. Это был обычный предлог. Духовенство, с которым предварительно не посоветовались, отказалось платить. Папа ответил всеобщим отлучением. Прелаты обратились к университету с вопросом, действительно ли это папское отлучение и должны ли подвергшиеся ему церковнослужители воздерживаться от богослужения. Единогласно и без колебаний университет дал отрицательный ответ. Если бы обстоятельства пожелали, чтобы подобный дух независимости утвердился в Германии, ещё один шаг на этом пути сделал бы излишним усилие Лютера.

Не следует, однако, думать, что инквизиция, сколь бы ни была она низведена со своего прежнего величия, перестала существовать или так или иначе исполнять свои обязанности. Папы были заинтересованы в сохранении учреждения; должность инквизитора была ещё источником влияния и иногда выгоды: поэтому на неё горячо домогались. В 1414 году два кандидата оспаривали пост в Тулузе; в 1424 году Каркассон стал театром постыдной ссоры между двумя соперниками. Епархия Женевы также была предметом борьбы, которой традиционное соперничество двух нищенствующих орденов придало особую остроту. Вспоминается решение, которым в 1290 году Николай IV присоединил, вместе с другими французскими кантонами, кантон Женевы к инквизиционной провинции Безансона, владению доминиканцев. Женева, подчинявшаяся в церковном отношении митрополии Вьенны, зависимости францисканской инквизиции Прованса, была трактуема как таковая Григорием XI в 1375 году. Когда в 1409 году был назначен Понс Фёжейрон, Женева не оказалась упомянутой в списке епархий, подчинённых новому инквизитору. Мартин V, возобновляя мандат Понса (1418), исправил это упущение. Инквизитор начал осуществлять свои полномочия в городе. Тотчас возникла угроза постыдной ссоры между двумя орденами. Доминиканцы подали апелляцию Мартину, который вернул им Женеву в 1419 году. Однако в 1434 году, когда Евгений IV в свою очередь подтвердил мандат Понса Фёжейрона, имя Женевы снова было вписано в список. Без сомнения, доминиканцы вторично добились успеха, ибо в 1472 году, при Сиксте IV, когда произошёл внезапный подъём инквизиционной деятельности и брат Жан Вайлетт был утверждён в должности инквизитора Прованса с теми же полномочиями, какие имел Понс Фёжейрон, Женева была опущена в список епархий, подчинённых юрисдикции нового инквизитора. В то же время доминиканцы Виктор Руфи и Клод Руфи были назначены в Женеву и Лозанну. В 1491 году другой доминиканец, Франсуа Гране, был поставлен в Женеву.

Однако этот столь горячо искомый пост не приносил никакого законного дохода. В страшной смуте XV века корона отменила жалованья. В 1409 году Александр V уведомил своего легата, кардинала С. Сусанны, о необходимости изыскать способ покрыть расходы инквизитора, его коллеги, его нотариуса и его слуги. Он предложил, чтобы налог в триста золотых флоринов был взыскан с иудеев Авиньона, или чтобы каждый епископ оплачивал расходы на пребывание инквизитора, когда тот переезжает из одной епархии в другую; или же чтобы каждый епископ вносил ежегодный взнос в десять флоринов, изъятых из завещательных даров на

благочестивые дела. Неизвестно, какой из этих проектов был принят. Без сомнения, все они были признаны бесплодными, ибо в 1418 году Мартин V написал архиепископу Нарбоннскому, чтобы тот искал какое-нибудь средство для покрытия неотложных расходов инквизиции. В подобных обстоятельствах какую привлекательность могла иметь эта должность? Быть может, ответ на этот вопрос найдётся в петиции, подписанной в том же 1418 году гражданами Авиньона в пользу иудеев. Покровительство, оказанное авиньонскими папами гонимому племени, сделало город иудейским центром. Они оказывали там услуги, которые население ценило, но их беспрестанно притесняли инквизиторы, затевавшие против них преследования без оснований, но, быть может, не без выгоды. Мартин благосклонно выслушал просьбу. Таково было падение инквизиции, что папа дал иудеям право назначать ассессора, обязанного заседать рядом с инквизитором во всяком деле, их касающемся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.